

Эдуард АКСЕЛЬРОД

НЕОБЫЧНЫЕ СУДЬБЫ

**ОБЫЧНЫХ
ЛЮДЕЙ**

Путешествие
по страницам газеты
«Шабат шалом»

Днепропетровск
2013 г.

Эдуард АКСЕЛЬРОД

НЕОБЫЧНЫЕ СУДЬБЫ ОБЫЧНЫХ ЛЮДЕЙ

Путешествие по страницам газеты «Шабат шалом»

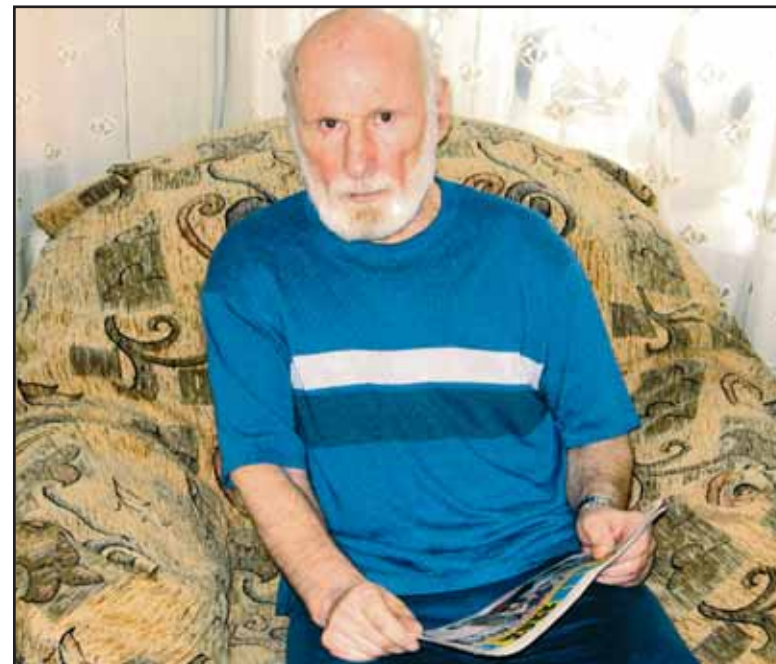
*Книга составлена из публикаций разного времени
в Днепропетровской газете «Шабат шалом».*

Многие иллюстрации сканированы из старых газет.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Часть 1. ДО ВОЙНЫ	7
Встреча с ровесниками XX века	8
Часть 2. ГОЛГОФА 11 ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ ДНЕПРОПЕТРОВСКА	16
Массовый расстрел еврейского населения Днепропетровска	18
«Когда нас вели на расстрел...»	28
Дважды опоздавшие на собственную смерть	34
Чтобы не гасли путеводные звезды	43
Шесть миллионов и один	52
Человек с убитым детством	60
Часть 3. ГРИМАСЫ ВОЙНЫ	69
В жизни всегда есть место подвигу, особенно если эта жизнь - война	70
Остаться человеком даже там, где другим это не удастся	78
Последние свидетели	86
Ложка везенья в бочке жизни	92
Доченька Люся	99
Жизнь вопреки смерти	105

Часть 4. С ОРУЖИЕМ В РУКАХ	115
Выстрел в спину	116
Небо для счастья	123
Китайский пилот и к тому же еврей	131
Самолеты и скрипка	135
«Оскара» - за жизнь	139
Почетный пограничник	148
Часть 5. НЕМНОГО О РАЗНОМ	153
Кое-что о вредном еврейском характере	154
Как попадают в энциклопедию?	162
Киты и Звезда Давида	169
Ехать - не ехать... ..	178
Где брать евреев?	186
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	191

От автора

Эта книга - «путешествие» по страницам газеты «Шабат шалом», не так давно отметившей свое двадцатилетие. В качестве «маршрута» выбрал свои публикации, которые периодически появлялись на страницах газеты с момента ее рождения и по сей день. По моему мнению, эти работы имеют право на более долгую жизнь. Жизнь книг, - не газет. Далее считаю необходимым сообщить: все приведенные в этой книге истории носят документальный характер и основаны на биографиях конкретных людей. И не подлежат корректировке по времени. В конце почти каждой такой истории указана дата ее публикации.

Рассказов много. Они разные по объему, содержанию. Поэтому счит нужным весь материал разбить на пять разделов: «До войны»; «Голгофа 11 тысяч евреев», «Гримасы войны» «С оружием в руках» (о судьбах евреев во время Второй мировой войны); «Немного о разном» (о том, как сложились судьбы людей в мирное послевоенное время).

Есть, правда, особенность, характерная почти для каждой публикации. Это фантастическая везучесть ее героев. Слово каждому из них удалось вытащить лотерейный билет, дающий право не только на долгую жизнь, но и на посещение редакции нашей газеты более чем через... полвека после войны. И сейчас, при подготовке этих очерков к переизданию, не покидает мысль, что каждый из героев был бы достоин награды «Оскара» - за жизнь. Если б такая награда существовала.

Почти все, кто давал интервью, с кем велась тогда беседа о жизни, далеких военных годах, уже по возрасту завершили свой земной путь. И пусть эта книга будет посвящена нашей памяти о них.

И последнее. Приношу благодарность М. А. Каршенбауму, главному редактору газеты «Шабат шалом», и ее техническому редактору Э. Г. Коротченко. Без их помощи и поддержки эта книжка вряд ли бы увидела свет. А также признателен своему старому другу Владимиру Смоктию, который первый ознакомился с рукописью и сделал ряд существенных замечаний по компоновке книги.

Часть 1

ДО ВОЙНЫ

Встреча с ровесниками XX века

Это фотография из семейного альбома моей мамы - Лии Борисовны Перчанок* (она в середине второго ряда). Мама ушла из жизни совсем недавно, в возрасте 92 года. Последней из тех, кто запечатлен был в 1933 году на этом снимке.

Обычная фотография обычной семьи. Однако возраст снимка превращает рядовую фотографию в исторический документ, отражающий судьбы людей, живших много-много лет назад. Вот почему мне представляет

* Она не изменила фамилии в замужестве, сохранив свою девичью.

ся нужным рассказать немного о тех, кого вы видите сейчас перед собой. Всмотритесь в их лица. Почему они все такие спокойные, умиротворенные? Ведь на их долю уже выпало столько всего, что хватило бы на несколько поколений: две революции, гражданская война, голод двадцатых и коллективизация тридцатых. Казалось бы, достаточно... Но их еще ждет (и об этом они пока ничего не знают) тридцать седьмой, Вторая мировая война с геноцидом еврейского народа - их народа, послевоенная разруха, «дело врачей» с разгулом антисемитизма... А они улыбаются... Почему? Может быть, именно потому, что запас жизненных сил, который потребуется им потом, здесь еще не израсходован.

Не знаю. Не уверен... Для меня это поколение - загадка. Поэтому давайте поговорим о них.

В центре снимка - двое пожилых. Основатели рода - мой дед и баба, Берка и Эстер.* Остальные - их дети и двое «чужаков»: мой отец Лева (второй слева) и жена среднего сына Володи (с бритой головой) - Соня. Точнее - Сонечка Заславская (она стоит рядом с мужем). Ребенок - мой старший брат Юра - ему здесь три года...

До полного комплекта клана образца 33 года не хватает одного человека - старшего сына Берки и Эстер - Абраши. Самый любимый их ребенок, первенец, в эту компанию тогда бы не смог попасть ни при каких обстоятельствах. Родители его проклинали и отреклись от него. За что?

Впрочем, давайте по порядку.

Вернемся к старикам. Им здесь за шестьдесят, и прожили они к этому моменту уже более тридцати лет вместе. В любви и согласии? Наверное, - судя хотя бы по ко-

* В метрике мамы они записаны таким образом: отец - Берка Мордух Шмуїлов Перчанок и мать - Эстер из Мытищ Могилевской губернии.

личеству детей, которые у них появлялись чуть ли не ежегодно.

А до женитьбы друг друга не знали. Их сосватали люди, как безродных бродяг. Да они такими и были. Она сирота; он - из бедной семьи кустарей-сапожников. И жили они Б-г знает где. Он - на Украине, в Новомосковске. Она - в Белоруссии, в Мытищах. Берка был набожным евреем и все свободное время проводил в молитвах. Эстер было не до того. Она рожала и воспитывала детей.

В Абраше - своем первенце - они души не чаяли. Он хорошо учился, подавал большие надежды в отцовском ремесле и уже в юном возрасте мог стачать модные штиблеты. И вдруг... прокляли, отреклись. За что? За какой такой проступок?

Он женился без родительского согласия на гойке, русской вдове, намного старше себя. Но это уже не имеет значения. Нет, уж лучше бы Абраша умер... Берка и Эстер тогда не знали, что Абраша действительно умер. От сыпняка. Точнее, почти умер.

В начале двадцатых годов сыпной тиф косил не хуже пулеметов на гражданской. Больных держали не в больницах. В инфекционных бараках. Отсюда путь был только в одном направлении - на тот свет. После каждой ночи из таких бараков санитары выволакивали десятки трупов, грузили их на телеги и отвозили к рвам, которые потом станут называться братскими могилами. Однажды возле такой телеги с телами и оказалась медицинская сестра Нюся. Она-то и заметила, что один из «трупов» шевельнул рукой. Конечно, ей в этот момент было плевать, какой он национальности. Тем более, ему - какой она. Что говорила санитарам молодая женщина, как убедила, чтобы они извлекли из груды уже остывших тел одно, не остывшее, - неизвестно.

Известно, что она потом выходила его, вдохнула

в него почти угасшую жизнь, вернула с того света. Кормила и поила, как младенца, из ложечки, ночи коротала у его изголовья. А потом (они ведь были молодыми, совсем молодыми)... Полюбили друг друга.

Он знал, как будет воспринят такой шаг отцом и матерью. Знал и сделал его. Женился на Нюсе, когда здоровье вернулось к нему. А она? Чтоб никто не смог забрать его у нее, увезла своего Абрашу к себе на родину - в Тюмень, где они и прожили до глубокой старости. А родители признали этот брак лишь много лет спустя, уже в конце своей большой, длинной жизни.

Ну а теперь об остальных. Тех, кто сейчас смотрит на нас оттуда, из тридцать третьего.

Крайняя слева - Сонечка. Второй ребенок в семье. С ней все в порядке. С отличием окончила Новомосковскую гимназию еще до революции, а в первые годы Советской власти - Днепропетровский мединститут. На фотографии ей 32 года. Она дипломированный детский врач. И было бы все ничего, если бы не ее личная жизнь. В мужа ей попадались (она была трижды замужем), как говорила Эстерка, одни «мышигены»*.

Первых двух ее «мышигенов» я не знал. А вот третьего - последнего, - Леву Гурвича (он вошел в семью уже после 33-го и поэтому его нет на снимке) - знал хорошо. Хотя и жили они уже в Москве.

В чем же заключалась необычность этого человека? Простой бухгалтер интересовался историей своего народа. И еще... Знал иврит. Знал настолько, что обучал ему других. Таких же сумасшедших, как и он сам.

Опасное это было занятие - изучать и знать язык «вражеской» державы, каким был в конце сороковых для нас Израиль.

---

* Сумасшедшие..

Братья Сони - Володя и Петя, убежденные коммунисты, Леву не любили хотя бы за это. И совсем их отношения испортились, когда Лева стал ректором духовной семинарии при московской синагоге. Ну не мышиген ли? Ему мало, что он еврей, так он хочет быть еще и религиозным евреем. Чуть ли не раввином.

«Раввин» - это слово воспринималось тогда почти как ругательство, а от тех, кто обладал этим саном, шарахались, как от прокаженных. И прежде всего шарахались Володя и Петя. Теперь об этом можно судачить как угодно, но братья были убежденными сначала комсомольцами, затем коммунистами. Гордились своими красными партийными билетами, партийным стажем, должностями, которые занимали. И к другим подходили со своей меркой, учитывающей все эти «показатели». А к не членам партии относились... Здесь, наверное, уместно вспомнить один старый анекдот. Вы, наверное, его знаете? Помните, что ответил Хаим (который первым прыгнул в прорубь, чтобы принять христианскую веру) Абраму на вопрос - холодная ли вода? Конечно помните! Он ответил: «Пошел вон, жидовская морда!». Для моих самых любимых дядек партия была той ледяной купелью, которая, как они считали, делает их другими. Не евреями, - лучше, чем евреи. Да, Володя и Петя были из той проруби, где до них побывал Хаим... И тем не менее их любили. И не только родственники. Всеобщим любимцем был, прежде всего, самый младший в семье - Петя. Здесь, на снимке, ему 21 год. Он только-только закончил с отличием строительный институт и получил, как и все остальные дети Берки и Эстер, высшее образование. Это чисто семейное событие стало каким-то образом широко известным. В местной прессе появилась статья «Сын сапожника - инженер», в которой и рассказывалось, как и почему у родителей, которые не знали грамоты, выросли вот такие умные дети.

Да, эта семья была прекрасным пропагандистским объектом советской идеологии тех лет. Кем бы стали до революции эти еврейские парни и девчата рода Перчаноков?

Володя по возрасту опережал брата на три года и был тогда уже дипломированным инженером-металлургом. Он успешно работал мастером в рельсо-балочном цехе завода им. Петровского, и о нем говорили все как о перспективном инженере. Хотя... В те годы его, видимо, увлекала не только металлургия. Ему удалось покорить сердце неприступной красавицы (она была самой красивой девушкой на улице Красной). К ней сваталось очень много достойных женихов. И всем она отказывала... Соня Заславская (Она стоит во втором ряду, крайняя справа. Ну не красавица ли?) Здесь они молодожены. Вспомните в лицо Володи. Так улыбаются только счастливые новобрачные...

Ну а теперь снова вернемся к младшему ребенку в семье - Пете.

Так за что же его так любили? За многое. За ровный, спокойный характер, доброжелательность, доброту. Но и не только.

Потом, став членом обкома партии, главным инженером крупнейшего на Украине строительного треста, он был палочкой-выручалочкой для многих евреев, которым тогда без солидных знакомств подняться и стать на ноги было невозможно.

Ну, а для нашего семейного клана он стал просто спасителем. И это не журналистское преувеличение...

Он сумел в 41-м целую «колонию» родственников, состоящую тогда из молодых мам и их малолетних детей (мужчины все были на фронте) вывезти из Днепропетровска перед самым носом у гитлеровцев. И сделал он это один, без чьей-либо помощи.

Петя в армии командовал саперным подразделени-

ем, которому дан был приказ заминировать город перед сдачей его немцам. Так ему стало известно, что город будет оставлен.

А до этого в кругу наших близких бытовало мнение, что такого никогда произойти не может.

Вот-вот враг будет уничтожен нашей самой сильной в мире Красной Армией. Со дня на день. Особенно в этом был уверен мой отец, с мнением которого все считались. Отец был душой компании. Любой. Весельчак, анекдотчик, готовый постоянно к розыгрышам, подколкам. Лева, Левушка (как его называла мама) один из немногих имел гуманитарное образование и считался знатоком истории, экономики... Поэтому ему верили. А он ошибся. Ошибся в оценке силы Красной Армии. Он слишком был правильным, чтоб критически воспринимать тот поток пропагандистской лжи, которая водопадом низвергалась на головы людей в то время.

Его ошибка чуть не стоила всем нам жизни... И стоила бы, если б не Петя. В его распоряжении была одна ночь, один грузовик и вся наша компания.

Что Петя говорил этим сонным, внезапно разбуженным им женщинам, какие доводы приводил, - не знаю. Знаю только, что они тут же хватали своих малолеток и следом за ним выбегали, как при пожаре, из дома. Они забывали взять самое необходимое - документы, дипломы об образовании, деньги... Но почти никто из них не забыл взять с собой ночной горшок...

Да, это было потом... А пока давайте опять вернемся в 1933 год и еще раз посмотримся в лица этих людей.

Ровесники уходящего столетия. Они в нем родились, прожили и ушли из жизни намного раньше, чем оно само.

И несмотря ни на что, они там, в тридцать третьем, были счастливыми людьми. Счастливыми хотя бы в своем неведении, что есть другие страны, другие миры, где

можно жить не светлым будущим, а светлым настоящим, где быть евреем - не то что не стыдно, а даже почетно. Они жили не для себя. Для других. И покинули этот мир, так и не усомнившись в своих заблуждениях. И теперь их не разубедишь ни в чем и никогда. Поздно. Их поезд ушел. Навсегда. Единственное, что осталось, - это память о них. Она как едва слышный перестук колес экспресса, идущего без остановок в вечность, с которого никому не дано соскочить на ходу.

...Я пытался протянуть нить от их времени к нашему. Нить длиной в 63 года человеческой жизни. Надеюсь, мне удалось это сделать.

«Шабат шалом» № 10-11, 1996 г.

Часть 2

ГОЛГОФА 11 ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ Днепропетровска

* * *

*...Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.*

*Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
Доканчивали штыком.*

*Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.*

*А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.*

Максимилиан Волошин

Массовый расстрел еврейского населения Днепропетровска (Октябрь 1941 г.)

Передо мною копии материалов, извлеченных из архивов КГБ, связанных с расстрелом фашистами евреев в нашем, городе: план места расстрела, протокол допроса и показания свидетелей.

Мне передали их в виде фотокопий. Некачественных, трудночитаемых.

Чтобы восстановить содержание, расшифровать спившиеся, нечеткие слова, пришлось поработать над ними, как над древним манускриптом, с увеличитель-

ным стеклом и словарем. Другие документы - акты городской комиссии и судебно-медицинской экспертизы - не сохранились.

Почти полвека хранились эти страшные документы в запыленных папках. И вот, наконец, они увидели свет.

Представляю вам два из них.

Прочтите их. Легкого чтения не гарантирую. И более того. Попробуйте войти в роль. Поставьте себя на место тех, кого в осенний слякотный день сорок первого гнали на казнь.

Станьте ими. Пусть вас травят собаками, тащат за руки к яме. Это вы извиваетесь, царапаетесь, заходите в истерику. Это у вас из рук вырывают малыша, несмышлениша, и живого бросают в яму. Это ваш, мозг ослеплен страшным предсмертным криком вашего ребенка.

Мы живем за них. Мы - их частица.

Так давайте на одно мгновение умрем их страшной смертью, чтоб вернуться вновь к жизни. Своей. Не их.

Страдание очищает. И при прочтении этих строк я вам желаю одного. Страдания и сострадания.

Хотелось бы, чтоб и фотокопии, и опубликованный в нашей газете материал попали в израильский центр «Яд Вашем» - музей геноцида евреев в середине XX века.

Там им место. Там они будут нужнее, чем где-либо.

Памятный знак на месте расстрела евреев в Ботаническом саду

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ

Вскоре после прихода немцев в Днепропетровск управдомами и домовладельцы были обязаны предоставить в районные полиции списки всех жильцов с указанием национальности. В конце октября 1941 года все зав. домами и домовладельцы были вызваны в районные полиции, где им соответствующие участковые полицейские приказали всех евреев, проживающих в их домах, с ценными вещами к трем часам дня направить к центральному универмагу по ул. Карла Маркса.

В универмаге по партиям отбирали у евреев ценные вещи и большими колоннами, по 1000 человек, под конвоем немецких жандармов, направляли вверх по ул. Карла Либкнехта к еврейскому кладбищу, где они расстреливались в противотанковом рву.

Несколько колонн были направлены по Запорожской дороге, до электроподстанции, потом влево, к транспортному институту, где имеется большая посадка с оврагами: в этих оврагах и расстреливались евреи. Здесь расстреливали евреев из станкового пулемета, который был установлен в окне дома, где была контора ботанического сада.

Трупы сбрасывались в ямы. При этом малолетних детей вырывали из рук несчастных и живыми бросали в ямы. В этом злодейском истреблении советских людей принимали участие жандармы и особенно полицейские, из числа местных жителей.

Ямы были присыпаны небольшим количеством земли. На второй день можно было наблюдать, как в этих ямах шевелилась земля. Доносились приглушенные стоны и крики раненных и живьем закопанных людей. Эта страшная картина продолжалась на протяжении пяти дней. Возле Рыбалковой балки начали откапывать ямы и спасали тех, кто еще не успел умереть.

Узнав об этом, жандармерия приехала с группой пленных красноармейцев, которые тщательно закопали оставшихся в живых людей.

В первой партии, в октябре месяце в ямах около транспортного института было расстреляно около 11000 человек еврейского населения.

Весной, во время половодья, ямы были размыты водой, и трупы снова обнажились. В районе ботанического сада стояла неимоверная вонь от разложившихся трупов. Были снова пригнаны пленные красноармейцы, которые закопали трупы.

То же самое случилось и в противотанковом рву в районе кладбища. Водой смыло ров, и трупы также обнажились. Немцы - работники биржи труда - устроили облаву во дворах, и всех отправили к противотанковому рву для засыпки трупов. Это было в середине марта и до апреля.

Я также принимал участие в закапывании трупов. Когда все работали в противотанковом рву, подъехала

Мемориальная доска на здании ЦУМа. Автор А. Л. Шмист

автомашина с немцами и переводчицей, остановилась. Переводчица приказала нам отойти от рва метров на 100-200. Затем немцы вывели из автомашины несколько человек мужчин и одну женщину и расстреляли их. Полицейский, охранявший нас, командовал засыпать и эти трупы.

В конце ноября и начале декабря расстреляна вторая партия евреев, которые арестовывались и расстреливались (*написано неразборчиво*) населения, и в феврале были расстреляны последние оставшиеся в живых евреи.

Многие евреи перед тем, как явиться на сборный пункт, были уверены, что их расстреливать не будут, а что их поселят в отдельном бараке за городом.

Так, например, моя соседка, Бродянская София, с 4-летним сыном, была уверена, что она будет жить. Она на дорогу взяла с собой даже продукты. Такого же мнения были и Ройхман Исаак со своей женой и сыном, проживавшие по Колодезной, дом 10.

Всего в Днепропетровске было расстреляно более 17000 человек. Остались только единицы, спасшиеся от расстрела.

*Николай Лукич КУЛИНИЧ,
1900 года рождения,
уроженец Днепропетровска, русский,
гражданин СССР, беспартийный,
работал инженером-металлургом завода им. Ленина,
проживает по спуску Урицкого, дом 5.*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

г. Днепропетровск, 1943 года,
ноября 5-го дня

Я, сотрудник УНКГБ по Днепропетровской области Чеплаков, сего числа в качестве свидетеля допросил:

Шкляра Ивана Прокофьевича, 1906 года рождения, уроженца с. Покровское Устьянского района Енисейской области украинца, гр-на СССР, беспартийного, образование 4 класса, из семьи рабочего, не судимого, женат, работает в городской пожарной, команде N 2 пожарником. Проживает: 1-й район милиции, улица Ломанная, № 8, кв. 8.

Свидетель Шкляр Иван Прокофьевич, за дачу ложных показаний предупрежден по ст. 89 УК УССР.

(подпись Шкляра)

Вопрос: Как давно вы проживаете в гор. Днепропетровске и чем занимались до оккупации и при немцах?

Ответ: В городе Днепропетровске я, Шкляр, проживаю с 1922 года, т. е. с момента моего переезда совместно с семьей из села Покровское Устьянского района Енисейской области. До оккупации я работал в качестве пожарника при большом театре Дворца культуры, в период же немецкой оккупации я также работал в качестве пожарника непосредственно при городской пожарной команде № 2, других каких-либо должностей при немцах я не занимал.

Вопрос: Скажите, что вам известно о зверствах, чинимых немцами над советскими гражданами города Днепропетровска?

Ответ: О зверствах, чинимых немцами над советскими гражданами города Днепропетровска я, Шкляр, как настоящий очевидец и принимавший участие, расскажу виденную в подробнейших деталях страшную историю од-

ного зверского факта немцев, совершенного им над еврейским населением города в октябре месяце 1941 года. Ужасная расправа над еврейским населением произошла при следующих обстоятельствах. Во время моего дежурства в городской пожарной команде № 2, которая находится по улице Исполкомовской, № 1, к нам в учреждение 12 октября 1941 года в шесть часов вечера прибыл голова горуправы Соколовский, вместе с ним начальник горполиции Солнцев, начальник второго района полиции (фамилию не знаю), профессор Станкевич, три немецких офицера, гестаповцы (определил по их форме) и примерно около десяти человек полицейских со второго района полиции (по фамилиям не знаю ни одного), где, после сбора всех указанных, а также десяти человек пожарников: Кашев, Булык, Дьячук, Швайбович, Черненко и я (остальных четырех фамилии забыл), Соколовский открыл инструктивное совещание, на котором заявил, что в ночь с 12-го на 13 октября 1941 года по всему городу Днепропетровску будет производиться сбор всего оставшегося еврейского населения в определенное место, откуда их организованным порядком направят в отведенное место для постоянного местожительства и работы. Поэтому все собравшиеся должны оказать помощь немецким властям в проведении этой работы. Наряду с этим Соколовский на этом же совещании дал инструктаж о порядке выполнения порученной работы, который сводился к тому, что каждый из участников должен получить удостоверение у начальника полиции Солнцева, разбиться по два человека, получить также у начальника полиции списки с адресами местожительства еврейских семей и к семи часам вечера 12 октября 1941 года приступить к выполнению порученной работы. Причем, к шести часам утра 13 октября 1941 года эта работа должна закончиться. На этом Соколовский закончил совещание и совместно с офицерами ушел из команды, а все остальные, за исключением меня, Дьячука, Булыка, Чередниченко и других двух человек (остались в команде нести службу), пошли выполнять работу, порученную Соколовским.

Утром 13 октября 1941 года, все еврейское население города было собрано на площади за магазином универмаг, это находится по проспекту Карла Маркса. Там у них немцы гестаповцы начали производить обыск, во время которого забирали себе все ценности, находившиеся при них, как-то: часы, золотые вещи - кольца, браслеты, портсигары, а также хорошую одежду, после чего построили в колонну по четыре человека - в общей сложности примерно около пяти тысяч человек, обставили вооруженной охраной и погнали по улице Карла Либкнехта в направлении транспортного института. Следует отметить, что в числе общей колонны, были женщины и девушки, преклонные старики, мужчины и дети различного возраста, вплоть до грудного ребенка, находившегося на руках.

14 октября 1941 года я совместно с другими пожарными в количестве восьми человек был вызван в горуправу Соколовским, который на автомашине крытого типа отправил во главе одного немца-гестаповца к оврагам транспортного института, по приезде куда я увидел потрясающее зрелище, а именно в овраге находились горы беспорядочно упавших трупов еврейского населения. А также немцы-гестаповцы еще 14 октября 1941 года примерно до двух часов дня продолжали расстреливать оставшееся еврейское население. Когда я приехал, своими собственными глазами видел, что расстрелы продолжались следующим порядком: к моему приезду недалеко от оврага - примерно сто метров - находилась группа еврейского населения численностью до одной тысячи человек, к ним подходили группы немцев-палачей, всего их было две по пятнадцать головорезов в каждой группе, вооруженных немецкими автоматами. Из общей колонны обреченных на смерть брали по пятнадцать-двадцать человек и вели к оврагу. Тех, кто сопротивлялся, избивали и тащили к оврагу. Как только подводили к оврагу, всех выстраивали в шеренгу и, отойдя назад примерно на четыре метра, стреляли из автомата в спину. Трупы после выстрелов падали

в овраг, после чего немцы-палачи подходили к оврагу и выстрелами из автоматов добивали тех, которые продолжали шевелиться. Такая дикая расправа пьяными немцами проводилась до тех пор, пока в колонне не осталось ни одного человека, а затем нам предложили засыпать трупы землей, где до вечера 14-го октября 1941 года мы, в количестве 20 человек, присыпали только половину трупов, остальную половину засыпали в последующие дни. Следует рассказать, что за время моего присутствия во время зверской расправы я лично видел около пятидесяти человек женщин, на руках у которых были маленькие дети. Во время всего расстрела раздавались нечеловеческие крики и истерики, причем, всех, кто сомлел и не мог идти, немцы-гестаповцы брали за руки и тащили по земле к оврагу, где в бессознательном состоянии расстреливали. Закапывание трупов, в основном, производили полицейские, все оставшиеся вещи частично сбрасывали в овраг, а большей частью забирали себе. Вокруг всего оврага стояла вооруженная охрана из мадьяр, которые никого не подпускали к оврагу из числа случайных прохожих граждан.

Вопрос: Уточните, где производились расстрелы еврейского населения города Днепропетровска.

Ответ: Расстрел группы еврейского населения численностью примерно около пяти тысяч человек производился в овраге против радиостанции, что находится на территории транспортного института, точнее, сразу же за лесопитомником. Место, где погребены трупы, по длине тянется около пятидесяти метров и глубиной метров двадцать пять.

Вопрос: Скажите, кто выполнял это гнусное злодеяние над еврейским населением, как со стороны немецких властей, так и их пособников?

Ответ: Основными виновниками массового расстрела еврейского населения явились: Соколовский, при немцах работал головой допоможной управы гор. Днепропетровска. Станкевич - работал заведующим облздравотделом, начальник гормилиции Солнцев, начальник второго района милиции и немцы гестаповцы, которые размещались в здании госуниверситета гор. Днепропетровска, по фамилии я их не знаю. Наряду с ними в этом факте зверств принимали участие и полицейские города.

Вопрос: Кто, кроме вас, может подтвердить об этом факте зверств?

Ответ: Кроме меня, об указанном факте зверств немцев может подтвердить работник городской пожарной команды Дьячук Николай, который видел, как расстреливали

Памятник евреям - жертвам расстрела в Ботаническом саду. Автор А. Л. Шмист

и принимал участие в закапывании трупов. Проживает он в г. Днепропетровске по ул. Овраг Поле.

Протокол с моих слов записан правильно. Мне вслух прочитан, в чем и расписываюсь

(подпись) **Шкляр**

Допросил сотрудник УНКГБ по Днепропетровской области

(подпись) **Чеплаков**

**5.11.1943 г.,
Днепропетровск**

«Когда нас вели на расстрел...»

Этот очерк написан два или три года назад, и поэтому пусть вас не удивляет пересказ известных теперь событий трагической осени сорок первого. Тогда, еще совсем недавно, многое было либо малоизвестно, либо замалчивалось.

- Да, да! Именно так. Вели на расстрел колонну в несколько тысяч человек. Спасти удалось единицам, отдельным счастливым. Конечно, все что я знаю об этом, - из рассказов мамы, моего старшего брата, которому тогда было двенадцать лет. Мне же осенью сорок первого шел лишь второй год...

Мы сидим в просторной, со вкусом, но без излишеств обставленной квартире Валентина Михайловича Полещука - заведующего лабораторией Института черной металлургии - и вспоминаем о событиях почти полувековой давности.

Он один из немногих счастливых, бывших в этой веренице обреченных людей и сумевших избежать их страшной участи.

Мы с ним друзья, давно знаем друг друга и, тем не менее, сейчас я совершенно другими глазами смотрю на него...

...Через гостиную, где мы расположились, миражом бредут смертники - молодые, старые, женщины, дети. С двух сторон конвоиры. Слышны их гортанные крики. Лай псов. Тяжелое шарканье об асфальт тысяч ног... И среди них тот, кто сейчас предо мною: преуспевающий ученый, кандидат наук, лауреат разных премий, автор многих изобретений... А кем могли стать те, кто не избежал роковой судьбы, не вырвался из западни? Какие бы открытия они сделали, какие бы книги написали?

- Знаешь (мы с ним, естественно, на «ты» и отчеством в обращении друг с другом не пользуемся), если хочешь подробнее узнать историю моего спасения, нужно заглянуть в еще более давние времена. Времена молодости моих родителей.

Он достает альбом семейных фотографий и извлекает пожелтевший от времени снимок. Перед объективом фотоаппарата застыли он и она. Совсем еще молодые. Наверное, чуть больше двадцати каждому. Склонившись друг к другу, смотрят в будущее, которое кажется им прекрасным. Ведь они - Раиса Жобинская и Михаил Полещук, родились, чтоб «сказку сделать былью». Ни больше, ни меньше...

Фотограф совершил чудо. Остановил мгновение. Выхватил из стремительного потока времени и представил возможность спустя почти 60 лет спокойно, словно под микроскопом, его рассматривать.

Середина двадцатых. Эти годы ощущаются во всем. В ее короткой «под мальчика» стрижке, его косоворотке, часах в нагрудном кармане пиджака и еще в лицах, глазах: что-то неуловимое, какая-то чистота вперемешку с наивностью, что ли, есть в них...

Кем они были тогда? Она детдомовка. Он молодежный вожак. Познакомились на комсомольской работе, были в одном отряде по борьбе с бандой Махно. Она - еврейка, он - русский.

Они в те годы этому не придавали значения, так как считали себя людьми одной национальности - советской. Много лет спустя, им стало ясно, что это не так, что это - идеологическое усреднение, что среди «советских» есть люди самых разных национальностей и, соответственно, судеб.

Окончательное прозрение наступило уже в сороковых годах, когда наш город был занят немцами. И приведенный ниже диалог произошел спустя, примерно, полтора десятка лет после появления этой фотографии, когда у Михаила и Раи уже подрастали двое сыновей.

- Роза, собирайся. Тебе с детьми нужно быть завтра возле центрального универмага, - обратился к ней некто Сироокский, который жил в одном дворе с ними и который записался в полицейские сразу же после прихода гитлеровцев.

Так получилось, что семья Полещуков оказалась в оккупированном городе. Михаил Андреевич после тяжелой травмы к военной службе был непригоден. В первые дни войны попал в ополчение, но оно перед наступающей немецкой армадой было брошено на произвол судьбы. Попытка вывезти семью на восток, но не успел. Слишком быстро был город оставлен.

- Это почему же мне нужно быть там? - не могла понять молодая женщина, что от нее хочет рьяный блюститель нового порядка.

- Ты что, неграмотная? По всему городу развешаны листовки. Там и сказано - все лица еврейской национальности должны явиться туда, куда я тебе сказал. За уклонение от приказа - расстрел...

Вот оно что оказывается. Она и забыла почти об этом. Она ведь - еврейка...

- А дети тут причем? Они имеют национальность отца, - пыталась хоть как-то защитить своих сыновей мать.

Но полицейский был в курсе всех дел.

- Дети смешанных браков, так в приказе сказано, должны быть там же. Да и чего ты боишься? Знаешь, для чего вас собирают? Чтобы посчитать. Им нужно знать, сколько требуется жилья там, куда вас переселят и где будут охранять, чтоб никто не тронул.

Когда через несколько часов после этого разговора домой вернулся Михаил Андреевич, его семьи там не было.

Жену с сыновьями он нашел среди тех, кто был в той самой колонне, которая медленно переливаясь из улицы в улицу ползла вверх за город. Роза младшего держала на руках, старший шел рядом и помогал ей нести чемодан. Их действительно хорошо охраняли. С двух сторон от колонны шли конвоиры с автоматами и собаками на ремнях...

- Слушай, солдат, - Михаил обратился к немцу в очках с интеллигентной внешностью, который, казалось, сохранил в себе еще что-то человеческое - отпусти хотя бы детей. Они другой национальности. Христом-богом прошу тебя, отпусти...

Эсэсовец не понимал, или делал вид, что не понимал... Но когда назойливый русский снял с пальца обручальное золотое кольцо и протянул его охраннику, тот, наконец, понял, что от него хотят.

- Забирай своих щенков и убирайся сам отсюда, - злобно прошипел он и спрятал кольцо в нагрудный карман.

Роза с детьми передала мужу и чемодан. Ей нужно было иметь свободными руки, так как она уже стала догадываться, куда их ведут...

Колонна выползла за город и поравнялась с еврейским кладбищем, которое находилось там, где сейчас пересекаются Запорожское шоссе и улица Героев Сталинграда. Слева из недалекой, теперь уже, глубокой бал-

ки слышны были треск автоматных очередей, лай собак, хлопки отдельных выстрелов...

Что делать? Есть ли выход? Ее мозг работал лихорадочно...

Молодость, инстинкт самосохранения, материнство, наконец, не могли так просто сдаться, требовали действий, искали варианты спасения.

Темнело. Поворот дороги прижал колонну к посадке... Вот и все шансы, которые ей дарит судьба. Если ими сейчас не воспользоваться...

Как она такое сделала, потом никогда объяснить не могла. Человек, который, как говорится, комара обидеть не мог, резким выверенным движением наносит удар по очкам конвоира и одним невероятным прыжком исчезает в густом кустарнике.

Оглушенный и ослепленный солдат, на мгновенье, замешкавшись, дает автоматную очередь вслед, но женщина успевает скатиться в какую-то ложбинку и там притаиться.

Преследования не было, так как боялись, чтоб не разбежались остальные.

Когда совсем стемнело, Роза пошла в сторону города. Однако домой нельзя. А куда можно? Кто сейчас друг, кто враг?

На улице Рабочей жила подруга Авдотья (фамилия этой женщины, к сожалению, забыта). К ней она и пришла посреди ночи. Дочь Авдотьи тут же стала связной, сообщив уже под утро Михаилу о спасении его жены.

Теперь в наш рассказ следует ввести еще одно действующее лицо - Ивана Михайловича Кириша, немца по национальности. С ним Михаил Андреевич познакомился на одной из довоенных строек. Возникла дружба между немцем и русским, которую они сохранили на всю жизнь.

У Кириша в Днепропетровске жили две сестры. Когда гитлеровцы заняли город, они привлекли всех живущих в городе своих соплеменников к работе в различных организациях.

Одна из сестер Кириша стала работать в комендатуре. И эта немка ставит последнюю точку в судьбе еврейской женщины.

Она помогает ей получить новый паспорт, в котором Раиса Львовна теперь зовется Анной Васильевной и национальность ее - украинка. И с этим новым документом она вместе с детьми переправляется в приднепровское село Вольное, где с сыновьями и находится до прихода наших войск...

- Жизнь в селе я уже помню, - Валентин Михайлович переходит к заключительной части всей этой истории. - У нас, детей, в тот период были свои сложности. Ну, хотя бы такие. Мы должны были забыть, что маму когда-то звали Раей и что теперь у нас мама Аня. И, видимо, не все у нас было ладно с конспирацией. По всей вероятности, кто-то о чем-то догадывался...

В том селе стоял небольшой немецкий гарнизон. Один из солдат подозвал как-то меня к себе и угостил конфетой. Когда я разворачивал обертку, он резким движением сдернул с меня трусики. Ему нужны были подтверждения, либо опровержения возникших подозрений...

Вот и вся история спасения еврейской женщины и ее детей в далекие военные годы. Она имеет счастливый конец, потому что была осуществлена усилиями людей разных национальностей: русским, украинкой, немкой.

«Шабат шалом» № 4, 1993 г.

Дважды опоздавшие на собственную смерть

В минувшем году была отмечена полувековая дата страшного кровавого события осени сорок первого - массового расстрела евреев в нашем городе.

Время не остановилось на этой отметке и стремительно понеслось в будущее.

И пусть вместе с ним в это будущее (светлое, или не очень) устремятся и воспоминания живых свидетелей тех дней. Их осталось немного. А рассказать им есть о чем...

Ее зовут Сима. Вернее звали так полвека назад. Сейчас - Сима Соломоновна Мерзон. А когда началась война, ей было одиннадцать. И еще у нее тогда была семилетняя сестренка Фаня и совсем еще молодые родители, которым едва перевалило за тридцать. И все они, точнее, почти все - сумели пройти через годы войны и добраться до наших дней, потеряв лишь одного человека - отца. Он погиб на фронте. Впрочем, мужчинам всегда, в любое лихолетье, уберечься значительно сложнее, чем женщинам...

А вот мать - Гута Лейковна Мерзон - и ее две до-

чери - Сима и Фаня - живы, несмотря ни на что. Или, если хотите, вопреки всему.

Правда, двое из них - мама и Фаня - переехали в Израиль, а Сима - здесь, но ощущение необыкновенного везения в жизни у нее сохраняется и по сей день.

И чем дальше удаляются кошмарные сороковые годы, тем чаще ее посещает мысль: то, что она сама и ее семья пережила, не должно остаться только в ее памяти.

Об этом должны знать внуки и правнуки. Свои хотя бы.

Однако написать мемуары оказалось делом не таким простым, как сначала казалось. И когда полтетради, толстой, канцелярской, было исписано, она мне об этом сообщила, в личном письме.

К нашей встрече Сима Соломоновна готовилась давно и видимо не раз мысленно репетировала свой рассказ. И тем не менее, когда мы уселись друг против друга, без стакана воды свой монолог она начать не смогла.

Несколько успокоительных глотков, небольшая пауза и... она в порядке.

Ее речь напоминает пересказ домашнего задания на тему: «Как я провела детство».

Она старается не упустить ни одной фамилии, ни одного события, которые ей кажутся главными...

А их много. Очень много. Тут действительно на книгу.

И я выбираю из них только наиболее яркие факты, имена, имеющие отношение непосредственно к их семье и опускаю много, может, не менее важно, но часто встречающегося в других аналогичных историях.

...Май сорок первого. Радостный весенний день. Ей исполнилось одиннадцать. Много гостей. Все нарядные, веселые. Школьные подруги, соседние ребяташки. Запахи вкусной еды, от которой ломится стол. Сияющие, счастливые родители. Папа чуть навеселе. Он целует именинницу и всех детей подряд.

Таким запомнился последний праздник детства, когда ее мама и папа были вместе и веселились от души.

Последний день, когда она не задумывалась, кто какой национальности. Какой она сама. Последний день, когда она была такой, как все...

...Речь Молотова по радио. Детская интуиция подсказала, что произошло нечто ужасное. А папа, который только вернулся с финской войны, уверяет, что Красная Армия за несколько недель разобьет фашистов, и снова наступит мир...

...Левобережье. Поселок Клочко. Дальше уйти им не удалось. Здесь они оказались перед захватом нашего города фашистами, во время налетов вражеских самолетов.

«Куда лезете? Здесь стоять даже негде. Зачем занимать место в щели, если все равно вас всех немцы убивают?»

Эти слова были сказаны им прямо в лицо там же в поселке, когда от падающих бомб они пытались укрыться в бомбоубежище. Где укрывались все. А они вдруг стали не такими, как все. Другими.

После этого, когда начинала реветь сирена, они прятались в щели... для свиней.

Там было тепло, но тесно. И запахи не очень... И еще. Эти мысли стали ее изводить. Конечно, идет война. Убить могут каждого. Но это все-таки дело случая. А вот их должны убить обязательно. И все об этом говорят так спокойно, словно речь идет об уничтожении каких-то вредных насекомых. Почему так? И за что?!..

...По понтонному мосту через Днепр (доски уложены на пустые бочки) они возвращаются на правый берег. Город уже сдан. Люди идут в окружении вражеских солдат.

Пружинит под ногами доска. Сима теряет равновесие и падает в воду.

Над ней склоняется лицо рыжего солдата. «Немцы вас всех поубивают». А тот, кто должен убить, протягивает руку и до самого берега поддерживает оробевшую девочку. Значит, не все враги - враги. Может, кто-то нарочно придумал, что их должны убить?..

...Родной дом. Они его покинули несколько недель назад. Здесь все свои. Соседи, с которыми прожито много лет вместе. Но что это? Квартира разграблена. Не осталось даже самого необходимого. Грабители - те же соседи.

«Маме было очень стыдно перед ними, что ей нужно просить их вернуть наши вещи».

А у тех на вооружении была та же логика. «Все равно вас убьют немцы». Так кто теперь свои?!.

Потом был кошмар оккупационных дней. Желтые звезды на одежде и запрет под страхом смерти всего. Не входить, не продавать, не покупать, не принимать. Не жить.

И еще было ожидание.

Что ждали люди, достоинство, честь, гордость которых втаптывались в грязь, уничтожались всеми доступными способами и средствами? Своей смерти? Нет. Человеческий разум представить, вместить в себя не мог такое, чтоб в одночасье - ни за что, ни про что - были убиты десятки тысяч людей. В основном, женщины и дети. Такое может родиться разве что в больном, безумном мозгу. Но ведь не сумасшедшие же в конце концов правят миром!

13 октября 1941 года. Приказ. Всем евреям с самым необходимым собраться в центре города возле Дома Торговли (ныне Центральный универмаг).

Наконец-то! Это чтоб переселить, в другой район города. Гетто. Там будет лучше. Так считали многие.

И те, кто так думал, спешат на пункт сбора пораньше. Чтоб захватить в гетто, в бараках, места получше.

А они опаздывают. Мать с двумя малолетками ну никак не могла прийти рано. Пока все нужное было выглажено, уложено, день уже клонился к вечеру. Стояла ужасная погода. Дождь с мокрым снегом. Промозглая сырость, пронизывающий холодный ветер.

Неудобства терпят не только жертвы. Но и их палачи.

Первая колонна «переселенцев» ушла. Формировалась вторая. Но было уже слишком поздно. Темнело.

Стройный молодой офицер с интеллигентной внешностью (он был еще в очках - ведь палачи иногда не выглядят палачами) обратился к сгрудившимся, словно в большую отару, людям.

- На сегодня все закончено. Завтра всем собраться к девяти утра здесь же. Прошу не опаздывать. Надеюсь, вы понимаете, почему...

А они, тем не менее, опоздали снова. Девочки есть девочки. С ними быстро не соберешься. Когда они пришли на площадь, как и вчера, колонна обреченных была уже укомплектована и уведена в балку.

Вот так! Два опоздания на свою собственную смерть.

Что это? Случайность или знамение? Может провидение уже протянуло им свою руку?

А злодейство, видимо, тоже может насыщаться.

Тех, кто остался в живых после 13 и 14 октября (все-го несколько сот человек из двадцати тысяч), оставили в покое. Временно, конечно. До каких пор - никто не знал. Зато все теперь знали, куда «переселили» тех, кто не опоздал к сбору.

Ведь среди неопоздавших было много родных

и близких Симы и ее сестры. Были там их бабушка и бабушка.

Из рассказа Симы Соломоновны вырисовывается образ ее матери. Незаурядной, энергичной, сильной женщины. Дрогну она тогда, прояви слабость, - и гибель ее самой и ее девочек неизбежна. Ее твердость и характер ощущали многие. К ним в дом часто заходили те, кому нужен был совет, моральная поддержка, и они все это здесь получали.

Передышка закончилась уже в первых месяцах 1942 года.

О том, что в ближайшие дни начнется очередной акт затянувшейся трагедии, их предупредил какой-то немецкий солдат (вот тебе и враг!).

Поэтому, когда мать увидела в окно группу эсэсовцев, - сомнений не было, куда и за кем они идут. И до стука в дверь она успевает втолкнуть дочерей в туалет, который был в конце коридора. А затем сама юркнула туда же.

Когда немцы ворвались в квартиру, они уже бежали. Куда? Куда глаза глядят. За ними гонятся. Солдаты бегают быстрее женщин. Они на расстоянии выстрела. Автоматная очередь проходит над головой. Спасает подворотня. Ведь они здесь знают все ходы и выходы. И снова бег в никуда. Младшая девочка стала задыхаться.

- Мамочка, оставь меня. Спасай себя и Симу. Я больше не могу.

Что должна сделать мать, услышав такие слова от своего ребенка?

А что бы вы сделали, уважаемые читатели, на ее месте?..

На улице много снега. Немцы выгнали население для расчистки дороги.

И мгновенно принимается решение. Единственно возможное. Они хватают лежащие на обочине лопаты для снега и сливаются с толпой людей, разгребаящих сугробы.

А что дальше? От погони ушли. Но ведь то, что не удалось фашистам, мог завершить холод.

Морозы в ту зиму стояли необыкновенные. А они выскочили из дома полуодетые.

В те критические мгновения их спасла семья Поддубных, с которой они дружили до войны, проживающая тогда на улице Бассейной.

И то, что сделали Поддубные, по тем временам без всяких натяжек можно назвать подвигом.

Ведь спасая трех беглянок, они могли погубить свою большую семью, в которой тоже были и женщины, и дети. А дело, казалось, к тому и шло. Когда через несколько минут после того как закончившие женщины попали в теплую кухню, раздался громкий стук в двери, сомнений ни у кого не было, кто и зачем сюда рвется.

Так бесцеремонно, нагло, могли ломиться в дом только эсэсовцы.

Итак, все кончено. На площадях и улицах города на страшных качелях раскачивались закончившие тела тех, кто укрывал евреев. Значит, к ним теперь добавятся еще шестеро.

О чем думали в эти мгновения хозяева дома?

Проклинали ли они себя за уступчивость и доброту, которые и их поставили у черты? Черты жизни.

Никто этого не знает. А может, это были самые важные, самые великие мгновения их жизни?

Через страх, сомнения, проклятия и сострадания они поднялись на высшую ступеньку Человеческого Духа.

А немецкий патруль ворвался в дом, чтоб узнать, почему нарушены законы светомаскировки: из плотно занавешенных окон пробивался слабый пучок света.

Да, оставаться в городе было крайне опасно. И не только для них, конечно. Но чтоб его покинуть, нужен был хоть какой-то документ. С печатями, «хороши-

ми» фамилиями, пропиской. И такую бумагу для них подготовила старшая дочь Поддубных - Аня. Она была тогда квартальной, и у нее хранилась домовая книга и печать.

Такая любезность могла ей обернуться одним - виселицей.

Но, видимо, став на путь сострадания, она уже не могла с него сойти.

А документ, в котором Мерзоны называются Морозовыми, был для них спасением.

С ним в руках они, в конце концов, начинают свою двухлетнюю одиссею по селам и деревням оккупированной Украины.

Что с ним происходило, как выжили? - это тема отдельного разговора.

Не раз попадали они не только в опасные, но и курьезные ситуации.

- Заходите, заходите,- любезно приглашала в одном селе хозяйка, к которой они попросились на ночлег.- Сідайте. Зараз чоловік прийде - він пішов жидів бити, - та й побалакаємо...

Конечно, после такой «любезности» матери со своими девочками пришлось срочно уходить в ночь.

А где завершился, в конце концов, их путь, где нашли они пристанище до прихода наших?

Для ответа на этот вопрос приведу одну справку, которая появилась на свет совсем недавно.

«...Дана исполкомом Анновского сельсовета народных депутатов Петровского района гражданке Мерзон Гуте Лейковне в том, что она с июля 1942 года по октябрь 1943 года с двумя дочерьми Симой и Фаней проживала в селе Анновка Петровского района Кировоградской области. Проживала она под фамилией Морозова Луша Леонидовна, скрываясь от фашистских оккупантов, - на квартире Барабаш С. И., и работала свинаркой в третьем отделении совхоза Пятихатский.

Записей во время войны не велось. Справка выдана на основании подтверждения свидетелей Охинченко Александры Наумовны и Паламарук Валентины Акимовны...»

Этот документ* ставит точку в нашей истории, изложенной, конечно, в крайне сжатом варианте.

Ну, а более подробно о себе, надо надеяться, расскажет Сима Соломоновна в той наполовину исписанной толстой тетради, которую я уже держал в руках. Ей придется потрудиться для этого. Но дело, безусловно, стоящее.

И она, конечно, это понимает, так как ее записи начинаются такими словами:

«Очень хочу, пока память хранит все, что было пережито в те далекие, страшные годы, изложить это в своей тетради.

Пишу, в основном, для будущего поколения, понимая, что вряд ли так, как я, кто-либо другой сумеет это сделать. А молодые об этом должны знать. И помнить. Чтобы никто никогда не испытал то, что выпало на долю моего поколения».

Ну что ж? Все верно. И дай Вам Б-г, уважаемая Сима Соломоновна, упорства, здоровья, таланта, - завершить свой начатый нелегкий труд.

«Шабат шалом» № 5, 1992 г.

---

* Бумага эта будет отправлена в Израиль. Немецкое правительство взяло на себя обязательство - выплатить денежную компенсацию тем, кто пострадал от нацизма (это касается узников концлагерей и тех, кто к ним приравнивается).

Чтобы не гасли путеводные звезды

Мои поиски живых свидетелей кровавой трагедии осени 41-го - массового расстрела евреев в нашем городе - привели, в конце концов, к знакомству с этим человеком, Романом Соломоновичем Портным - ветераном войны, инвалидом II группы.

Его расстреливали дважды. Один раз немцы. Второй - наши. Очерк об этом человеке мной был написан давно. Когда была еще жива его жена, с которой мне тоже посчастливилось познакомиться. Представляю на суд читателей свою работу в том, первоначальном варианте. А что за эти прошедшие несколько лет произошло с моим героем? Он не помолодел и здоровья тоже у него не прибавилось. Овдовел. Но свое одиночество пытается «ослабить» творчеством. Сейчас Роман Соломонович, у которого есть талант изобретателя, весь в проблемах изготовления различных диковинных предметов.

Один из них он мне показал. Чайный сервиз на четыре персоны, выполненный в виде настольной лампы. Стоит на тумбочке светильник, в нем что-то нужно подкрутить, нажать и... стол для гостей накрыт. Ушли гости. Все моется и собирается в тот же светильник.

И таких находок у него много. Он надеется, что кому-то это когда-нибудь пригодится, понадобится.

А пока что это творчество для себя. Или, точнее, - от себя.

Он среднего роста, худощав. Старые раны заставляют прихрамывать. По той же причине не выпрямляется правая рука. Слегка заикается - остатки давней контузии... Но, несмотря, ни на что, сохранил чувство юмора.

- О! Вы меня сразу узнаете, - говорил он мне по телефону, когда мы выясняли, кто как выглядит, чтобы не пройти на улице мимо друг друга. - Как увидите такого видного мужчину. С усами. Это я и буду...

А рассказ свой он начал прямо на остановке трамвая, где меня ожидал, чтобы проводить к себе домой. Я его увидел издали, и когда к нему подошел, он тут же спросил:

- Значит, я не ошибся? Вы меня сразу узнали, правда? Видите, как я себя знаю.

Он поднял многозначительно палец и, не ожидая ответа на свои вопросы, продолжал:

- Я не только себя знаю. Я еще знаю все, что меня так хорошо искалечило. Войну я имею в виду. Вы простите, что я сразу так. Но вы ведь пришли не для того, чтобы анекдоты от меня услышать. Верно? Войну я знаю, как никто другой. Видел лицевую и изнаночную стороны. Видел фронт и тыл, невежество и преданность, трусость и мужество. Знаю, что такое предательство, плен. Хватит? Нет? Так я вам вот что скажу. Меня дважды расстреливали. Один раз немцы, другой раз наши... Ну, да ладно. Потерпите. Придем домой, и я вам все расскажу подробно...

И вот мы в его комнате. Вместе листаем странички альбома. Пожелтевшие снимки, безмолвные документы давно минувших дней, минувших жизней...

Вот бритоголовый крепыш. Кто это?

- Мой отец, - Роман Соломонович отрывается от альбома. - Разве я на него не похож? Умер от чахотки. Где-то на стройке, задолго до войны. Простудился и сгорел за несколько дней.

А это мама. Видите, какая она красивая была. А это мой младший брат. Летчик. Истребитель. Пропал без вести уже в конце войны. Может быть, давайте лучше о нем напишем? Я верю - он жив. Я ведь тоже был «без вести пропавшим»...

Он закрывает альбом и долго смотрит на такую же, только во много раз увеличенную, фотографию, висящую на стене, - портрет младшего брата, и... продолжает:

- То, что вы сейчас услышите, - все это неправда. Почему? Потому что нет таких слов, которыми можно было описать все, что я пережил.

Слова лгут, их не хватает. Или просто нет нужных. Нет ни музыки, ни картин, ни фильмов, где была бы правда о войне. Есть только какое-то приближение к правде. Больше или меньше. Все я вам, конечно, не расскажу, а только отдельные моменты своей биографии. Сначала - как меня расстреливали немцы.

Он делает паузу, чтоб собраться с мыслями, а я пытаюсь представить, что может чувствовать человек, которого вот-вот должны лишиться жизни. И ни за что. Просто так. Потому что не тот цвет глаз, тембр голоса. Кровь не та, или еще неизвестно что - не то.

Я вхожу в роль. Убить должны не кого-то. Убить должны меня... Сначала - прикладом по ребрам, потом - сапогом в пах, а затем уже - свинец в затылок...

И не я сейчас упаду в яму. Вселенная рухнет и зальется мраком. Нет, нет, я не хочу. Я хочу жить. Мне еще столько нужно сделать, увидеть. Я еще совсем мо-

лодой... Еще немного, и я б закричал криком от ужаса, который обручем стянул грудь. Усилим воли возвращаю себя обратно в теплую комнату, где на мою жизнь никто не собирался покушаться. И, не поднимая глаз, записываю рассказ человека, который дважды пережил подобный ужас. Пережил наяву, а не под воздействием силы своего воображения.

- Я был белобилетник. После ангины потерял слух. Потому и остался в оккупированном городе. Осталась здесь и моя мама. Когда стали немцы развешивать свои объявления, чтобы все евреи собрались вместе, я ей сказал, что нужно отсюда уходить. Она наотрез отказалась. Жили мы в разных районах города, и когда я к ней в тот день зашел, ее дома уже не было. Соседи сказали, что комендант повел ее на пункт сбора - к универмагу. Я - туда. Немец-охранник вовнутрь не пускает. Все идут с вещами, а я без. И на еврея не был похож.

Кстати, вы писали, как немец проверял мальчика, кто он: сдернул трусики. А меня как-то полицией на улице остановил (у него, видимо, тоже сомнения какие-то появились) и говорит: «Скажи кукуруза». А я ему: «Что там «кукуруза»? Ты лучше повтори за мной: ехал грека через реку...» Есть такая скороговорка. Выпалил я ее целиком и каждую букровку «р» смаковал, растягивал. Он и отпустил меня. «Иди, - говорит, - своей дорогой, грека».

Тогда я развеял сомнения полиция, а сейчас нужно было доказать противоположное. «Их - юде! Их - юде!» - твердил я немцу и тыкал себя в грудь, пока, наконец, он мне не поверил.

Я бросился искать маму. Все этажи обежал, ее нигде не было. Потом искал в колонне, когда вели уже по улицам города. Протискивался от одной группы женщин

к другой. Прислушивался, о чем они говорят. Помню такой разговор. Одна говорит:

- Я знаю, куда нас ведут. На дачи, которые за городом. Там поселят и будут охранять.

Другая ей вторит:

- Ой, ничего, девочки. Будем растить овощи, картошку. Капусту солить будем, переживем как-нибудь...

И женщины, перебивая друг друга, стали рассказывать, что они могут делать и как будут жить на этих дачах за городом.

Только не на дачи привели людей. И умение солить капусту и растить картошку им не пригодилось. Собрали всех там, где сейчас ресторан «Старая башня». Здесь уже сомнений никаких ни у кого не было. Проследовал взвод гражданских с лопатами в сторону нынешнего парка Гагарина. Плотнее стал заслон эсэсовцев с овчарками. Они окружили толпу справа, а слева, где была полоса подсолнухов, установили станковый пулемет. Потом включили мощные динамики с музыкой, чтобы заглушить выстрелы и стали партиями по 100-150 человек отводить туда... к балке.

Люди впали в какой-то транс. Стали прощаться друг с другом. Помню группу седебородых стариков. Они как-то сгрудились и молча, по-стариковски мудро взирали на все происходящее. И это была не покорность, а презрение к смерти, палачам. Что они еще могли противопоставить убийцам? Только вот такую стоическую силу духа. Но я тогда не был стариком. Впереди меня были еще две группы смертников. А потом и моя очередь должна подойти. И вдруг вижу знакомое лицо. Нюмка Блюмберг. Мой ученик. Когда я перед войной работал в тресте «Южсантехмонтаж», он у меня ходил в учениках. Он ко мне протиснулся и шепчет:

- Скажи, что делать? Нам смерть. Скажи, - ты ж учителем был.

А я у него спрашиваю:

- Ты мою маму видел или нет?

Оказывается, он ее видел. В тех первых партиях. Значит, мне ее уже не спасти. Я ему тогда и говорю:

- Нюмка, нужно бежать. Туда, в подсолнухи... Там немцев мало. Я подойду поближе, дам команду, ты и беги. Я следом.

Только так, как я думал, не получилось. Закричала, забилась в истерике какая-то женщина. Это и было сигналом. Мы под ее крики кинулись в подсолнухи. Охранник дал очередь из пулемета, но она прошла выше.

Убежало нас трое. Спрятались в каком-то вагончике, в балке, где сейчас кирпичный завод. Третьим был незнакомый мужчина, который все рвался вернуться назад. У него там остался сын...

В городе после побега я провел еще несколько дней. Сначала у Жоры Тимофеева, потом у Павла Лавченко. Он жил на Философской. Там сейчас его дети и внуки живут. Чтобы всем им было хорошо - за те добрые дела, которые делал их отец и дед.

А потом как-то Павел мне сказал:

- Ромочка, мы все тебе на дорогу дадим, только уходи. Иначе нам всем будет крышка.

И я ушел. Двинулся в сторону Ростова. Искал партизан. Ночевал в селах у крестьян. Я им всем низко кланяюсь, если кто-то еще жив остался. Они меня не только кормили и кров давали, - однажды хозяйка даже портянки мне постирала.

Линию фронта перешел вместе с женщиной. Двое деток у нее было. Коляска, чемодан. Помогал ей, как мог. Потом оказалось - это была наша разведчица...

Вот и все о том, как меня немцы расстреливали. А как наши? Это уже другая история. Я тогда службу нес в артдивизионе. Пушку лошади возили. Однажды неда-

леко от дороги увидел раненого. Он был сильно искалечен. Я отстегнул лошадь от пушки, усадил на нее раненого и отвез его в санбат. Когда вернулся обратно, мой командир меня арестовал.

Он собрал весь личный состав дивизиона и сказал, что за измену Родине, которая выразилась в том, что я бросил оружие, он меня приговаривает к расстрелу. Приговор должен был быть приведен в исполнение немедленно. Поставили меня к яме. Стою и с мамой разговариваю. Прощаюсь с жизнью, значит. Лейтенант расстегивает кобуру, достает пистолет...

Тут кто-то закричал и стал показывать на дорогу. Там всадник какой-то скакал. Оказалось, это был командир батальона. Как он узнал, что здесь происходит, - не знаю. Он тогда меня и спас - отменил приговор. А раненый, которому я помог, оказался большим человеком. Может, он и направил комбата в наше подразделение, понимая, чем для меня может кончиться такой поступок...

* * *

...Да, в тот вечер мой визит затянулся. Быстро рассказать о тех годах, вместивших в себя десятилетия обычной жизни, невозможно. Что только не выпало на долю этого человека (помимо тех эпизодов, о которых уже было рассказано)...

Служба в десантных войсках, бои в Крыму. Тяжелое ранение с контузией и лечением в румынском госпитале в Одессе. Лагерь военнопленных во Франкфурте-на-Одере. Освобождение в 1945 году союзными войсками. Два года жизни в зоне... Здесь его любили и уважали. За ясную голову и золотые руки. Он мог делать все, о чем бы его ни попросили. Починить, исправить, наладить.

Однажды американский офицер принес неисправный трофейный радиоприемник.

- ...Открыл крышку, - вспоминает Роман Соломонович, - Б-же мой, я ничего не знаю! У нас лампы не такие, и схемы другие. Сижу и плачу. Потом взял себя в руки. Стал мыслить логически и нашел неисправность...

От этого эпизода у него осталась полуистлевшая грамота, которой его наградило тогда командование зоной.

Да, такие люди на Западе ценятся. Ему предложили остаться, но он не согласился. Он не мог не вернуться туда, где покоится прах родителей, где, может быть, его ищет мама...

Нет, он понимал, что ее в живых нет, но он же ее так и не нашел тогда, в 41-м...

* * *

...Домой меня провожала Белла Александровна, его жена, которая во время нашей беседы молча наблюдала за мужем, изредка просила:

- Ромочка, ты только не волнуйся. Успокойся, Ромочка...

- Знаете, он не все рассказал, - сжав мою руку, она кивнула в сторону своего дома. - Не менее страшные дни он пережил после возвращения. До 1983 года он был никто. Человек из плена. Документы все были утеряны. Грамота из зоны - это ж не документ. И только недавно в Ленинграде были найдены необходимые справки, которые вернули ему доброе имя. В военкомате сказали, что его должны наградить орденом Красной Звезды. Сказали и забыли... Сам он за наградой не пойдет...

Над головой переливалась, искрилась холодная россыпь звезд. Я смотрел на них и думал о том, что су-

ществует поверье: среди множества этих светящихся точек есть обязательно звезда каждого из нас. И твоя, читатель, и моя, и всех других. Одна-единственная. Путеводная. Звезда-хранительница. И какая яркая, сочная должна быть в спиральях млечных туманностей звезда героя нашего очерка, если ее не загасили, не задули те штормы и ураганы, которые пронесли над его жизнью, если удалось ему пройти через все испытания и невзгоды, дожить до наших дней, дожидаться справедливости, признания.

И пусть путеводные звезды-хранительницы, как нашего героя, так и всех живущих на Земле, как можно дольше светят над головами людей.

«Шабат шалом» № 1, 1993 г.

Шесть миллионов и один

Шесть миллионов евреев было убито нацистами во время Второй мировой войны. Если бы и его постигла та же участь, убитых было бы на одного человека больше...

Арон Израилевич Бронштейн, 1931 года рождения, днепропетровец. А сорок первый встретил в Виннице, где тогда жил в большой семье: мать, отец, две сестры, родители родителей. Все они в 1941-1942 годы погибли. А он уцелел. От фашистов убежать удалось, но попал в лапы местного полицая, который собственноручно расстрелял «жиденка», бросив его, окровавленного, прямо на дороге.

А ребенок чудом остался жив. В это было бы трудно поверить, если бы человек со страшным шрамом во все лицо - след пули, прошедшей в нескольких сантиметрах от виска, - не сидел сейчас в нашей редакции!..

Вам приходилось видеть, как расстреливают людей? Нет? И слава Б-гу. Те, кто видел, не могут потом забыть это зрелище до конца дней. А он видел!

Кто знает, какие возникают мысли, какие слова срываются с уст тех, кого вот-вот настигнет пуля убийц? Никто, надо полагать. А он знает!

Откуда? Он сам прошел через такое испытание. В одиннадцать лет его приговорили к высшей мере наказания. И приговор был приведен в исполнение. За что, за какой тяжкий грех? За какое преступление?

Он виновен был в одном: родился евреем. И палач, чтоб не ошибиться, не лишит жизни невинного, заставил мальчика приспустить трусики...

Вина была налицо. Ну не на лицо, конечно. Но очевидна. В этом убедились и две женщины, случайные свидетели происходящего. «Преступник» был пойман, так сказать, с поличным, так что мера предстоящего наказания стала ясна им сразу. Единственно, о чем попросили те женщины, - чтоб не на глазах у них свершилось правосудие. В память «осужденного» врезались слова одной из них: «Не могу бачити, як кошеня вбивають, а тут - дитину». Подспудно, подсознательно он надеялся на их защиту. Они же чьи-то мамы, а на его месте мог бы оказаться и их ребенок. К слову, в поле, недалеко, работали односельчане полицаая. Среди них много подростков. Может, они заступятся? Пионеры, комсомольцы. Почти одного возраста, одного воспитания.

И они «заступились». Но об этом чуть позже...

Остались считанные мгновения жизни. Полицай передергивает затвор, досылая патрон с пулей (его пулей). Мальчишка падает ему в ноги. Кричит:

- Дяденька! Дяденька! Не убивай! Я жить хочу. Дяденька! За что меня убиваете?!

Еще мелькает мысль: чем-то его нужно соблазнить. Откупиться. В свои 11 лет он уже знал, что у евреев все требуют золото, деньги.

- Дяденька! Я знаю, где золото. Дома в Виннице. Я покажу, где оно спрятано...

Это был последний шанс. Он предлагал то, чего у него не было в помине.

Арон был из бедной многодетной семьи. Мужчины работали часовыми мастерами. Профессия передавалась по наследству. И золотом там, конечно, не пахло. А чем, простите, пахло? Порядочностью и честностью.

Когда эсэсовцы пришли за дедом, он уже по поводу своей судьбы иллюзий не питал. Но ведь это его судьба. А причем здесь клиенты, доверившие ему свои часы? Так вот. Он попросил соседа раздать то, что было готово. И не готово - тоже. Чтоб клиенты о нем плохо не подумали.

Отца расстреляли в первые дни оккупации. Дедушку - чуть позже. А матери с детьми тогда удалось спастись. «Выручила» ее девичья фамилия - Полещук - и непохожесть на евреев.

Через полгода после возвращения домой кто-то из соседей донес: «Жидовка с тремя жиденятами прячется в своей квартире».

Когда за нами пришли, мама буквально остолбенела*.

Их повели под конвоем. Одного за другим. Арон был в цепочке последним. И вдруг... Никто этого не заметил. Конвоир толкнул мальчишку. В другую дверь, ведущую во двор. В жизнь! Конечно, он тогда сразу не осознал, что тот немец его спас. Однако путь к жизни, к будущему пролегал через... расстрел.

...В отчаянии я оказывал сопротивление полицейу. Хватал его за ноги, одежду. Просил, кричал так, что сорвал голос. Я не давал ему нужного расстояния для выстрела. Тогда по его команде двое подростков схватили меня за руки и стали растягивать, чтоб ему удобнее было убивать. Я вырывался, перетягивая то одного, то другого... У меня

* Из воспоминаний А. И. Бронштейна

все меньше оставалось сил на сопротивление, и в какой-то миг полицейский ударил меня прикладом по голове. Я упал, замешкался, пытался встать на колени и здесь обожгла вспышка выстрела...*

Спустя много лет Арон посетил эти места, нашел тот клочок земли, тот изгиб дороги, узнал имена всех участников своего унижения. Но называть их нигде не стал.

Когда я открыл глаза, кто-то махнул: лежи! - так как полицейский не успел далеко отойти. Он, конечно, не сомневался, что я мертв. Однако пуля, направленная в висок, попала в щеку, да так, что правую часть лица всю, до зубов, пришлось буквально собирать на плече, груди, лбу...*

...Представьте эту картину! Ребенок собирает свою щеку по кусочкам, а его лицо - сплошное кровавое месиво... Теперь, когда сознание вернулось, надо встать. И идти. Кровь хлещет, светлая рубашка превратилась в красную, кровь везде, даже в сандалиях.

Каким-то чудом выше за околицу, увидел пастухов. И те не сразу решились подойти к обезображенному пареньку, потерявшему на их глазах сознание. Но все же решились. Уложили его на какую-то ряднушку и понесли обратно через все село, к фельдшеру. Думали - местный мальчишка, подорвался на mine. Но уже в медпункте кто-то определил:

- Це ж жиденок! Його Микола розстріляв біля села...

Арон эту фразу слышал и понимал, чем для него очередное «разоблачение» может закончиться. Только теперь ему было все равно. Лишь бы скорее все кончилось, лишь бы не было так больно...

- Я не знаю и знати не хочу, хто цей хлопчик, - сказав фельдшер, - його негайно треба відвезти в Вороновицьку лікарню...

Через дорогу от дома фельдшера жил старший полицай села, некто Николай Слободенюк, собственноручно расстрелявший большую еврейскую семью. Он мог с минуты на минуту оказаться здесь.

Да, фельдшер Григорий Саввич Белеченко, его жена Галина Устиновна и соседка Таисия Степановна Лебединская (они помогали фельдшеру) рисковали жизнью. И не только своей, но и жизнью своих детей.

Короче, фельдшер запряг лошадей и повез раненного ребенка в райцентр. А через полчаса к ним пришел старший полицай, чтобы проверить: верно ли говорят, что здесь спасали недобитого жиденка.

С легкой руки Белеченко у мальчика появилось другое имя - Григорий. Прежнее - Арон - звучало смертным приговором.

Итак, эстафета спасения ребенка продолжается, и мы вместе с тяжело раненным мальчишкой оказываемся в приемном покое районной больницы, где врачами работают супруги Владимир Алексеевич Мисевич и Нина Михайловна Алферова. Эти дни Арон Израилевич помнит очень хорошо.

- Ты еврейчик? - спросил Мисевич, когда меня занесли в здание больницы.

Я утвердительно кивнул, как-то сразу доверившись ему.

- Никому не говори об этом. Завтра будем оперировать.

После операции, проходившей под общим наркозом, я лежал в коридоре на диване. Потеря крови вызвала жажду. Не послушав Мисевича, добрался до бачка и напился воды. Началась рвота, разошлись швы, кое-как стягивающие лицо. Губы приняли очертание прямоугольного треугольника с прямым углом внизу, у изуродованной щеки.*

Да! Жизнь ему спасли. Но страшный шрам настолько обезобразил лицо, что от него буквально все шарахались. И... Помните у Гюго есть нечто подобное в романе «Человек, который смеется»? В этом уродстве одновременно было что-то притягательное. Это был автограф войны. Символ человеческого безумия.

А рана заживала долго. Срок выписки переносился с недели на неделю. Мисевич понимал, что Арону некуда идти после выписки. Он продержал мальчика у себя... 8 месяцев.

А больница-то была переполнена, и жандармерия то и дело устраивала облавы. Мисевич каким-то образом узнавал о готовящихся чистках и прятал тех, кто мог от них пострадать. Так однажды Арону (то бишь Грише) пришлось срочно спуститься в глубокий бетонный колодец и отсиживаться там несколько часов.

В другой раз доктор на время под каким-то предлогом отвез мальчика в Винницу. И именно в эти дни больницу навестил очередной наряд полиции... Когда выздоровление стало очевидным, Мисевич пристроил Арона в хозбригаду.

Но после очередного посещения больницы участковым полицаем Арону пришлось уйти из Вороновки. Куда? В никуда.

Он становится бродягой, но ему помогают скрываться (кормят, пускают на ночь, дают кое-что из одежды) его довоенные друзья, родители друзей. Спустя много лет, уже в наши дни, Арон Израилевич составил список всех,

Выстрел в упор оставил страшный след. Казалось - навсегда. Единственная фотография с обезображенным лицом сохранилась в аттестате об окончании ремесленного училища. Год 1947

кто тогда от него не отвернулся. Не выдал немцам...

Из того времени вырисовывается еще один человек. Елизавета Васильевна Станиславова. Мать пятерых детей, она не побоялась на три месяца принять в свою семью мальчика-еврея. Да еще меченого. Она помогала выжить многим из тех, кого преследовали фашисты и их приспешники.

Помогала многим - себе не смогла. Кто-то донес на нее, и это стоило ей жизни...

*После пластической операции
два года спустя.
Так уж повелось. следы войны
латаются хирургами.
И, как видите, делается это
довольно успешно.*

А Арон ушел из дома Елизаветы Васильевны, так как им стали интересоваться какие-то незнакомые люди. К его одиссее военных лет прибавилось еще и бродяжничество с пареньком по имени Адольф. Арон и Адольф!

Был, в конце концов, и детский дом, куда он попадает с «ксивой» - документом, в котором значится Романом Полещуком. Украинцем. Такая запись в очередной раз спасает его от смерти, так как всех детей еврейского происхождения этого детдома фашисты расстреляли в конюшне перед своим уходом.

И снова цитата:

...Здесь, кроме страха быть убитым, мне пришлось вдоволь познать, что такое голод, холод и чесотка всех стадий, включая колтун в волосах. В стенах этого детдома

ранней весной 1944 года я с детьми плакал от радости и целовал пуговицу со звездочкой, которую мне подарил первый советский солдат. На всех детей пуговиц не хватало, солдат продолжал отрывать их с гимнастерки, и по заросшему седой щетиной лицу текли слезы...*

А уже после войны, в конце сороковых, была сделана пластическая операция, вернувшая Арону человеческий облик. Даже... Может быть... Этот новый шрам придал лицу оттенок мужества. Оттенок мужской красоты, достоинства. И с этого момента началась у него обычная биография обычного человека, где было все как у всех: учеба, армия, работа, любовь, семья, дети, внуки.

Фашисты уничтожили во время Второй мировой войны шесть миллионов евреев. А могли бы шесть миллионов одного...

«Шабат шалом» № 4, 1995 г.

Человек с убитым детством

...Это своего рода увечье - убитое детство - он несет в себе по сей день...

Жителю нашего города Феликсу Борисовичу Каплану недавно исполнилось шестьдесят. А когда началась война, - было девять. Так случилось, что на четыре года войны он остался один. Совсем один. Еврейский мальчишка-первоклассник сумел выжить, благодаря недюжинным способностям быстро реагировать на опасность. И первое, что он тогда сделал, - изменил свою фамилию, имя, отчество, превратившись в Ковалева Федора Ивановича. Такой шаг спас жизнь, но совершенно запутал его последующую биографию.

Этот рассказ - попытка хоть как-то распутать то, что было «завязано» узлом столетия назад...

...Мы сидим в его холостяцкой квартире. На кухне. Здесь светлее и уютнее.

На столе наспех разогретая в духовке копченая курица (спасение всех холостяков) и... бутылка.

Без нее такие воспоминания не получаются.

Итак, по рюмке - и вперед. Точнее, на столетия назад.

Мне не раз приходилось встречаться с теми евре-

ями, которые были в оккупации и которым удалось спастись от фашистских зверств. Выслушивать их рассказы. Это было чудом везения, удачи, что им удалось выжить, попав в лапы фашистов. А этот девятилетний малыш, живя в кишачем нацистами городе, даже не знал о том, что в нем творилось, сколько крови пролилось.

Он своей детской интуицией, инстинктом звереныша чувствовал опасность раньше других. И уходил от нее.

Над ним не довлел диктат взрослых. Он был в том страшном кровавом мире один, и надеяться, кроме как на самого себя, было не на кого. Его поступки, казалось, были совершенно бессмысленными, а впоследствии становилось ясным, - только они давали шанс на спасение.

* * *

Да, детство этого человека закончилось пять десятилетий назад. Пласт времени огромный. И ему сейчас, как археологу, приходится производить раскопки в поисках следов давно минувшего прошлого. «Поиск» ведется только в памяти и ее архивах. Документов каких-либо нет. Ведь в этом возрасте у каждого из нас, кроме разве что метрики, никаких других ценных бумаг не бывает. Впрочем, одна у него есть. Клочок странички из школьной тетрадки с полустлевшими, выцветшими буквами. Он его хранит тщательнее, наверное, чем удостоверение личности.

**Начальнику областного управления милиции.
Направляется репатриант Ковалев Федор Иванович,
1932 года рождения, следующий из лагеря № 98 города Братислава, Чехословакия.**

Прошу направить для дальнейшего места жительства ввиду отсутствия родных.

**Начальник эшелона, Н. СТРОНЕВ
23.08.1945 г.**

Да, прямо скажем, хороший был человек начальник эшелона, который мог и не давать тринадцатилетнему подростку такую записку. А вот дал и сам вошел в историю.

А вообще ему в его четырехлетней одиссее везло на хороших людей. И еще - на лошадей. Он был неравнодушен к этим большим, добрым, умным животным. И они, видимо, к нему тоже.

Впрочем, если с лошадьми все ясно, то с людьми не очень. С плохими встречаться приходилось не реже, чем с хорошими.

Ну, а теперь по порядку.

Почему днепропетровский ребенок Феликс Каплан, который называет себя Федором Ковалевым, возвращается в родной город из лагеря № 98, расположенного под Братиславой, один, без родных и близких? Как и почему такое случилось?

* * *

Война вихрем ворвалась в небольшую семью Капланов, раскидав в разные стороны людей, в нее входящих.

Феликс в начале лета сорок первого находился за городом. Мать - в городе. Она была военнослужащей. Перед приходом немцев они кинулись друг другу навстречу и... разминулись. Так в один день мать потеряла сына, а сын стал беспризорником. Впрочем, не сразу. На улице Усенко (тогда Бассейной) жила тетка. Тетя Дора. Жена маминого брата. Украинка. У нее от мужа-еврея было двое детей. Теперь добавился третий. Кто? Кто он такой? Разве нормальному ребенку подобные вопросы могут прийти в голову? Не задумывался над этим и Феликс. Ведь

свои девять лет прожил он среди людей разных национальностей, где никто никого не обзывал и пальцем друг на друга не показывал... И тем не менее.

- Ей мало своих жиденков, так она еще одного пригрела...

Этой случайно услышанной фразы было достаточно, чтоб в его подсознании зажглась красная лампочка тревоги. Значит он - жиденок. Плохо. Надо спасаться.

И вот 24 августа 1941 года (дату он почему-то запомнил) в возрасте неполных девяти лет он ушел в бега. Может и громко сказано - «ушел в бега», ведь пределы родного города мальчишка не покидал, но в доме родной тетки его не будет теперь почти четыре года. И искать его никто не будет. Впрочем, в этом, возможно, и было его главное везение. Можно представить, как сложилась бы судьба если б его нашли...

А так кровавая трагедия, происшедшая с евреями нашего города два месяца спустя, обошла его стороной. А живет он в эти дни в разрушенных домах, катакомбах - тогда их в городе хватало. Питается возле полевых кухонь, столовых. Не гнушается стащить что-либо съестное у зазевавшихся на базаре торговков. Что еще осталось в памяти от того первого периода его бродяжничества? Подробности, естественно, стерлись, а вот подвал, где ночевал, помнит и может его найти даже сейчас (это где-то возле Строительного института). Помнит облавы, которые то и дело случались на улицах оккупированного города и из которых ему удавалось выскальзывать, опять же, благодаря обостренному чувству опасности. Особенно помнятся из того периода два взаимосвязанных и, как теперь говорят, судьбоносных происшествия. Вот они.

По проспекту в пролетке, запряженной холеным рысаком, катил какой-то, во фраке и котелке, господин, не предполагая, что за ним наблюдает с восторгом и за-

вистью мальчишка. Эх! Вот так бы прокатиться и ему! Проехать мимо дома тетки. Пусть знает, как он живет!..

Возчик подкатил к зданию главпочтамта и исчез в его недрах.

Феликс не колеблется ни секунды. Одним прыжком он возле привязи. Вожжи в его руках. Кнут тоже. Впрочем, им пользоваться не нужно. Лошадь и так подчиняется. Никто его не останавливает. Он катит, куда хочет. И забывает о главном законе своего существования - конспирации. Чем ближе подъезжает к тем местам, где он жил, тем большая вероятность, что его кто-нибудь узнает. Так и случилось. Сосед - здоровый мужик - схватил лошадь под уздцы.

- Де взяв коня? Угнав, мабуть? Ах ты ж бісове племя!!!

Он стаскивает мальчишку с козел и тащит... Куда? Конечно, в жандармерию.

Так он попадает в гестапо, в камеру предварительного заключения. И встречается там с очередным хорошим человеком. Его имя он не помнит, а вот разговор с ним запомнился.

- Малыш, если хочешь жить, забудь кем был раньше. Родись заново. Давай это сделаем вместе.

Наверное, этот человек имел такого же сына, как этот мальчик, которого теперь ему предстояло спасти.

«Рождение» состоялось ночью. Они сидели в углу камеры и шептались. Изобретали Феликсу новые имя, отчество, фамилию. С отчеством было ясно. Он «Иванович». Лучше не придумаешь. Ну и дальше тоже было не менее просто: Каплан - Ковалев; Феликс - Федор. Созвучные имена. Не забудешь, не запутаешься. Вечером он был одним человеком, к утру стал другим - Ковалевым Федором Ивановичем. А днем, во время прогулки по двору гестапо, тот же человек посадил мальчишку на высокий забор и чуть подтолкнул сзади.

- Прыгай, малыш. Не бойся. Живи и за нас. Умирать не спеши. Ты для этого слишком молод.

Итак, Феликс снова свободен, но он теперь намного старше, ведь взросление происходило не по дням, а по часам.

Он уходит из нагорной части города в центральную и... попадает в облаву. Его задерживают, не как преступника, а как беспризорника. Для таких юных бродяг тогда в городе был создан детский дом, который мало чем отличался от тюрьмы. Сюда он и попадает, но с компанией пяти-шести таких же сорванцов бежит оттуда, когда почувствовал, что кто-то из надзирателей почему-то слишком много внимания ему уделяет.

Да, жизнь волчком выработала в нем не только повышенное чувство опасности. Сработали еще и другие инстинкты. Он теперь может жить, где угодно, спать, где застанет ночь, питаться тем, что добудет на улицах города.

И тянуло его больше не к людям, а к животным. К лошадям, прежде всего. Они не предают, и возле них тепло. Дом приезжих возле «Озерки» имел конюшни. Там оставляли на ночь коней те, кто приезжал на базар из сел. Было там и несколько жеребцов с постоянной «пропиской». Больше года Феликс, то бишь Федор, живет в этих конюшнях. Взрослые его не гоняли, так как видели, что мальчишка любит животных: кормит, расчесывает гривы.

Была у него любимица - белая кобылица. Когда никого не было рядом, он обнимал ее за холку и стоял, прижавшись к ее теплому боку. Наверное, им обоим не хватало одного и того же - тепла и ласки.

Благополучие - бич. Он слишком хорошо устроился и... усыпил этим свою бдительность. При очередной облаве на базаре уйти не удалось. Его отлавливают, как бродячую собаку, и бросают в клетку-вагон. Там таких уже

много. Германии нужны молодые рабы. Ребенком он теперь не выглядит. Их долго куда-то везут. Куда? Никто не знает. Известно, что на запад. Феликс помнит, как «распределяли» по работам.

На станцию, где их выгружали из теплушек, на коляске, запряженной быстроногим жеребцом-трехлеткой, прибыл хозяин - Бауэр. Ему нужен был всего один подросток. Для работы в конюшне. Феликс этого не знал, но коня оценил сразу - подошел к нему, погладил по холке. Конь, который никого к себе не подпускал, почему-то разрешил все это проделать с собой. Так, в очередной раз, с участием лошади, определилась судьба мальчишки. Именно он и был выбран хозяином. А с его конем они стали друзьями. Ходили неразлучной парой. Два подростка. Коня он звал свистом, и тот мчался, распушив хвост, зная, что его ждет непременно лакомство и ласка. Конечно, Бауэр не заметил этого не мог. А что могло произойти с ним, если б не встреча с этой лошадью и ее хозяином (наверное, наоборот, - с хозяином и его лошадью)? Скорее всего, то же, что и с другой половиной всех пригнанных в неволю и недоживших до дня освобождения из-за непосильного труда, нечеловеческих отношений.

А потом был май сорок пятого. Братислава. Лагерь репатриантов № 98, эшелон из Чехословакии в Союз.

В эти дни и состоялся уход в небытие Федора Ковалева и воскрешение Феликса Каплана, который возвращается в город, где его чуть не убили, но, где, возможно, ждет мать.

А она была солдатом. Прошла всю войну. Хлебнула и увидела столько горя, столько крови, что и к своей боли стала по-философски относиться: не только у нее горе. Найти сына мечтала, конечно, но понимала в то же время, что это совершенно невозможно.

А встреча все-таки состоялась. После четырех лет

разлуки. Что они говорили друг другу, как вели себя при этом, - мы здесь описывать не станем.

Предоставим возможность самим читателям домыслить, как это все было, поставив на секунду себя на их место.

И здесь можно было бы поставить точку. Финал истории со счастливым окончанием. «Happy end». Что еще надо? Только ведь история все-таки не завершилась. Ведь живет на свете человек, детство которого было убито много лет назад. И это своего рода увечье - убитое детство - он несет в себе по сей день, так как кровоточат и калечат не только телесные раны.

Первый класс он окончил перед войной, а в следующий пошел, когда впору было заканчивать школу. Конечно, нормального, полноценного образования он получить не смог. Точнее, не успел. Да и четыре года жизни волчонком не могли не оставить рубцов в его душе, не отразиться на характере.

Это ли стало причиной, или нет, но две попытки создать семью не увенчались успехом. Нет у него и детей. Есть, наверное, и его вина в том, а, может, элементарное невезение, но, тем не менее, ладить с ним после всего им пережитого не просто. Конечно, жизнь он как-то прожил. И речь идет не о том, как все у него получилось, а о том, как могло бы быть, если бы... Да, жизнь - не съёмочная площадка. Дублей у нее не бывает. И тем более... Следует задуматься над тем, что заставило пойти по этому пути, а не по другому. Что этому способствовало, что повлекло? Так вот, Германия берет обязательства перед теми, кому фашистский режим исковеркал биографию. Но это тем, кто был тогда взрослым. А перед детьми? Феликс Борисович, правда, и сам пытался «постучать» в двери справедливости. Но ведь в Германии он был другим - Федором. И его «стук» увяз в бюрократических отписках.

Часть 2. Голгофа 11 тысяч евреев

Так вот. Закончу тем, с чего начал.

Пусть поможет наш рассказ и прилагаемая к нему записка коменданта эшелона репатриантов внести хоть какую-то ясность в жизнь этого человека и даст ему надежду на то, что справедливость в этом мире все-таки существует.

Пусть даже рядом с беспамятством и равнодушием.

«Шабат шалом» № 3, 1993 г.

Часть 3

Гримасы войны

В жизни всегда есть место подвигу, особенно если эта жизнь - война

С 5 на 6 сентября 1941 года дали приказ: наступать. Я был заводной немножко. Полетел вперед. Было еще темно, но рассвет приближался.

Немцы на песчаных буграх с пулеметами. Бугор один, бугор другой, а я посередине. Потихоньку подполз и забросал их гранатами.

Выскочил на один бугор. Кто был еще там жив - заколол штыком. Потом взял на руки пулемет и уничтожил второй - напротив...

СИНАГОФ Григорий Абрамович, 1921 года рождения. Ушел на фронт добровольцем в сорок первом, с третьего курса ДИИТа, а в сорок четвертом был комиссован после четвертого тяжелого ранения. Артиллерист в отставке. В первом же бою совершил подвиг. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды (дважды), Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу».

Брать интервью у участников войны нужно обязательно в присутствии их жен, так как долго выдержать монолог мужа без своего участия они не могут. Вот и сейчас - дверь мне открыл высокий, худощавый мужчина, скорее напоминающий ветерана спорта, чем старого солдата. Это и был Григорий Абрамович Синагоф. В шортах, в майке. Его внешний вид говорил лишь об одном: он не видел в моем приходе ничего особенного. В отличие от своей жены.

Григорий Синагоф

Сначала мы вели разговор вдвоем. И нужно было очень тщательно прислушиваться к тому, что он говорил, так как несколько букв почти в каждом слове куда-то исчезали или точнее, проглатывались. Видя напряженность, с которой я вслушивался в его речь, жена не выдержала:

- Вы знаете, он так говорит из-за контузии. Гриша, ты сам бы объяснил, в чем дело...

Из соседней комнаты вышла необыкновенно обаятельная женщина, которую возраст и годы, как мне сразу показалось, обошли стороной.

- Моя жена - Нина Павловна Светлосанова, - представил ее Григорий Абрамович. - Она действительно знает о том, что я вам могу рассказать, не меньше меня.

- Гриша преувеличивает, но, конечно, знаю о нем многое. Он был другом моего мужа Бориса Бердичевского. Дружили с детства. Вместе воевали. Борис два года назад умер. Вот он.

Над столом, за которым мы сидели, висел большой портрет человека с седой шевелюрой, его пиджак оттягивали ордена и медали - несколько рядов...

Почти одновременно Григорий Абрамович и Нина Павловна овдовели. И, зная друг друга много лет, они объединили свои осиротевшие половинки в единое целое. Судя по всему (пусть это не оскорбит память других близких им людей), получилось у них очень здорово.

В их общении сквозит не только любовь... Но и какое-то необыкновенно бережное, трепетное отношение друг к другу. Время людей быстротечно. И все может внезапно оборваться. Они теперь это представляют как никогда хорошо и ценят каждый день подаренной им совместной жизни.

Да простят меня читатели за это отступление от темы.

Продолжали беседу мы уже втроем. Хотя вопросы задавались, главным образом, бывшему воину.

- О чем бы вы хотели прежде всего рассказать? - обращаюсь я к Григорию Абрамовичу, понимая в то же время некорректность вопроса. О чем может рассказывать ветеран войны? Конечно, о войне.

- Я думаю, - говорит он после небольшой паузы, - нужно сделать акцент на том, как защищали Днепропетровск еврейские парни.

- А разве их было много?

- Думаю, - да! Во всяком случае, в транспортном институте, где я учился перед войной, евреев было процентов двадцать. Эта цифра сохранилась и в тех воинских подразделениях, куда попали в сорок первом бывшие студенты нашего вуза. И воевали они отменно.

Впрочем, как воевали еврейские мальчишки - вечерашние студенты ДИИТа, - оставим эту тему для специальных военных исследователей. Если когда-либо такие

найдутся. А вот как это делал один из них - Григорий Синагоф, - поговорим сейчас.

Ведь в сорок первом, когда советских военачальников расстреливали за отступления и неумение воевать, его наградили высшей воинской наградой - орденом Красного Знамени, и присвоили офицерское звание - младший лейтенант.

Что ж такое совершил девятнадцатилетний парень в суматошный период полной неразберихи и хаоса первых дней войны?

Но давайте по порядку.

Войну он встретил на третьем курсе транспортного института. Комсомолец, спортсмен, отличник, обладатель золотых значков «ГТО» («Готов к труду и обороне») и «Ворошиловский стрелок», он тут же подал заявление. Добровольцем на фронт.

А первые дни в армии фронтом и не пахнут. Он - курсант днепропетровского артучилища. Немцы близко, а курсантам вместо пушек дают в руки... лопаты. Нужно рыть окопы. Август сорок первого. Лето в разгаре, жара, солнце. Где-то стреляют, а у них возле Краснополя тихо. Война может закончиться без их участия - так им тогда казалось. А тут еще получен приказ - всем уходить за Днепр.

По понтонному мосту их часть переходит на левый берег вместе с... немецким подразделением, солдаты которого переодеты в наших.

Кто мог такое предположить? В водовороте человеческих потоков это была едва заметная добавка. Только «добавка» тут же захватывает плацдарм возле моста, устанавливает на песчаных дюнах огневые точки. Пулеметные очереди перекрывают не только подступы к ним, но и все, что движется по мосту. Можно легко представить, к чему все это привело. Вавилонское столпотворе-

ние было ничто по сравнению с той кашей из людей, лошадей, техники, беженцев, которая возникла в один миг.

Немцев нужно было выбить с их позиции во что бы то ни стало. «Во что бы то ни стало» - на войне известно, во что это может стать. Десятки и сотни человеческих жизней. А то и гораздо больше. Впрочем, их считать никто не собирается. Что произошло дальше? Это событие вошло в анналы Великой Отечественной и даже нашло свое место в мемуарной литературе. Вот как оно описано в одной из книг (К. К. Тарасов, П. Ф. Храпунов. «Возрождение». «Промнь», 1977, стр. 34).

...Атака требовала значительных человеческих жертв и могла, к тому же, захлебнуться. И тут вызвался студент Синагоф: «Рискну подавить огневые точки сам». И предложил план действий. Вооруженный связками гранат, курсант незаметно подкрался к немцам и подавил их точки. Задача Военсовета была выполнена без потерь, а курсант Синагоф представлен к правительственной награде. Военный совет 6-й армии за совершенный подвиг присвоил ему звание младшего лейтенанта.

Вот такая, почти протокольная запись, где сказано все и... ничего. Даже не упомянуто, что Григорий был ранен. В руку. Кость не задета, значит, и говорить не о чем (рассказ самого курсанта вынесен в начало этого очерка). А это было его первое ранение и далеко не последнее. Последнее, четвертое, он получил под Витебском в сорок четвертом. И действительно, если их сравнивать, то первое покажется царапиной.

- Гриша! Покажи это место, - просит Нина Павловна, понимая, что к словам следует добавить «иллюстрационный материал». И он показывает. Да, видно. Шрамы изуродовали (а может, наоборот - украсили) грудь. Осколок прошел в нескольких сантиметрах от сердца. Прав-

да, Григорий Абрамович мог избежать этого тяжелого ранения. Каким образом?

Перед этим осколком в 43-м был другой, который перебил сухожилия левой ноги. В дополнение к контузии. Ему дают белый билет. Теперь можно и в тыл. Но он всеми правдами и неправдами рвется на фронт. А если быть точнее, - скорее, неправдами. Он скрывает свою группу инвалидности и на вопрос военкома «Как здоровье?» - отвечает: «Полный порядок!». То бишь, сказал неправду. И просьбу его уважили. На фронт - так на фронт.

После окончания артучилища он - профессиональный артиллерист. Его воинский рост отражается не в звездочках на погонах, а в умении сражаться с немецкими танками.

Дуэль «танк-пушка» - штука тонкая. Успех и неудача (или по-другому «жизнь-смерть») в хлипком равновесии «фифти-фифти».

- Гришенька! Почему не говоришь, сколько немецких танков ты уничтожил? - опять корректирует разговор наш третий собеседник. Да, вводить коррекцию не мешает в любом деле. Бывшему артиллеристу это известно лучше, чем кому-либо.

- Тринадцать! Только разве я один это делал? Вся моя батарея, которой командовал...

И его боевые ордена, и медаль «За отвагу» - это и есть счет той бронированной, огнедышащей фашистской мощи, которую перелопатил, превратил в груды металлолома боевой офицер, старший лейтенант (в этом звании он заканчивает войну) Синагоф.

Наша беседа подходит к концу, и я не могу не задать и этот вопрос. Наверное, самый нелегкий. Ведь он задается человеку, который делом доказал, кто есть кто. И тем не менее...

- Почему говорят, что евреи не воевали, что они отсиживались в тылу и вообще, что они все трусы?

- Тот, кто такое говорит, сам, скорее всего, на фронте не был. Это болтуны и трусы. Среди Героев Советского Союза евреев больше чем достаточно. Общеизвестная истина. Мне и говорить об этом не хочется. Получается, что мы перед кем-то оправдываемся все время...

- А антисемитизм в армии в те годы существовал?

- Я его особенно не ощущал, но где-то из-за злополучной пятой графы чуть-чуть до чего-то не дотягивал. Могли бы другой орден дать, повыше звание присвоить. Наверное, я бы должен окончить войну, как минимум, в звании капитана. Однако самое верное средство борьбы с антисемитами - время. Сейчас, спустя полвека, все эти проблемы кажутся смехотворными.

- Давайте все-таки назовем ваших сокурсников-евреев, участников сражения за Днепропетровск. Пусть их имена хоть на страницах нашей газеты окажутся...

- Ну давайте! Ниночка, помоги мне, пожалуйста...

И вот они, эти имена. Далеко не все. Те, кто удержался в памяти двух немолодых людей. Я их назову так, как делали они. Ведь в такой редакции они выглядят такими же молодыми, какими были в сорок первом:

Бердичевский Борька
Бродский Борис
Заславский Левка
Рейзин Йоська
братья-близнецы Сыркины
Тарнавский Даня
Черняк Юдька
Шнейдер Толя
Шноль Мишка...
Эстрин Семен

Одна из встреч ветеранов. Май 1982 г. Тогда еще были живы все.

Справа налево: Григорий Синагоф, Михаил Шноль, Семен Эстрин, Борис Бердичевский

И пусть не обижаются те, чьи имена все утеряны. Лет-то сколько прошло. Ну, а если все-таки найдется кто-то, кто был участником тех первых дней войны, сообщите в редакцию. Мы обязательно этот список дополним.

Когда я уже находился в дверях, ко мне подошла Нина Павловна.

- Он вам этого никогда не скажет. Ведь он тогда совершил подвиг Матросова. Один на два пулемета. И подавил их не своим телом, а умением. Смелостью.

Действительно, в жизни всегда есть место подвигу. Особенно, если эта жизнь - война.

«Шабат шалом» № 6, 1999 г.

Оставаться человеком даже там, где другим это не удастся

Житель села Благодатное Софиевского района Днепропетровской области Павло Сергеевич Зирченко в 41-43 годах спас от гибели семь еврейских семей - 32 человека. Об этом в редакцию газеты «Шабат шалом» сообщил житель нашего города Лев Григорьевич Герховский, хорошо знавший, как произошел этот беспрецедентный случай...

Действительно, случай беспрецедентный. С моей точки зрения. Одного еврея в те годы спасти - это уже называлось подвигом. «Спаситель», если ему удавалось уберечь свою голову, становился впоследствии чуть ли не национальным героем... Нет, не своего государства, - Израиля. Праведником. В его честь в Иерусалиме высаживали дерево в Аллее Праведников.

Повторю: даже за одного спасенного. А тут - 32 человека! И об этом почти никто не знает? Такого быть не может! Однако мои сомнения развеяла встреча с Львом Григорьевичем Герховским. Она (встреча) произошла у него дома, и беседа началась с рассматривания вот этой семейной фотографии, которая перед вами.

Это только часть людей, спасенных Зирченко. И не пугайтесь. Мы не станем рассказывать о каждом. Только о некоторых. Судьба их была подвешена буквально на волоске. Один неверный шаг, одно неосторожное движение могли ее оборвать. А «неверный» шаг мог сделать прежде всего глава семейного клана - Матвей Григорьевич Гонтов (он сидит второй слева). И обратите внимание еще на двоих. Крайняя справа в последнем ряду - младшая дочь Гонтова - Раиса (в сорок первом ей было семь лет). И чуть правее, рядом с ней, - ее муж, Лев Герховский.

В годы оккупации среди родственников Гонтова его, конечно, не было. Но сейчас он один из последних, кто еще знает эту невероятную историю спасения семьи своей жены.

И все сорок лет их совместной жизни, до самой смерти Раисы Матвеевны, в их доме, как вечерняя молитва, звучали воспоминания о тех годах. Впрочем, почему «как»? Это действительно была молитва, в которой они благодарили Всевышнего и людей, им ниспосланных, за чудесное спасение.

Война в Енакиево, где жили Гонтовы, пришла в августе сорок первого. Вместе с отступающей Красной Армией появились в городе и те, кто уже познал на себе, что такое новый арийский порядок. Они рассказывали страшные вещи. Их сообщения о массовых расстрелах

евреев казались какой-то небылицей. Разве можно себе такое представить: взять, ни за что ни про что убить человека? И куда идти? В городе остались одни женщины с малолетними детьми. Мужчины на фронте... Так бы, наверное, и сошли все Гонтовы и их дальние и близкие родственники в общую братскую могилу, устроенную фашистами на окраине Енакиево, если б не Матвей Григорьевич. «Старик Гонтов» - так его все называли, а ему-то было всего сорок один. Ну, может, старше выглядел из-за своей хромоты. Ногу он искалечил в шахте, где проработал не один десяток лет «тележником» - возил на телегах уголь. И, следовательно, имел отношение к телегам и лошадям, их возившим, естественно. Вот и решил он уйти от немцев на своем транспорте - двух упряжках, усадив на них всех близких. И получилось 32 человека - семь семейств.

Сборы были недолгими. Молодые мамы брали с собой лишь узелки с самым необходимым и ночные горшки для своих малюток. Уходили ведь ненадолго. Красная Армия вот-вот разобьет немцев, и мир вернется обратно. Такое настроение было тогда у многих.

«Путешествие» началось в конце лета, и были они одеты по сезону. Теплых вещей с собой тоже не взяли. Но дело даже не в одежде...

Как они - целый табор - два коня, две телеги, 32 человека - не погибли, не исчезли в людском водовороте тех лет (в котором целые армии исчезали бесследно), одному Б-гу известно.

Передвигались в основном ночью. Днем отсыпались где-нибудь в балках, лесопосадках. Питались подножным кормом. Осенью это несложно. Но... шли они, как потом выяснилось, не туда. А куда надо было? Конечно, на восток. А они - на запад. И чем дальше уходили, тем больше вокруг них было немцев. Закончились август, сентябрь,

октябрь. Ноябрь полным ходом катил к зиме, которая могла решить их судьбу не хуже гитлеровцев. Что делать? Груз ответственности, главным образом, лежал на плечах главы семейного клана. И Гонтов принял решение. Один за всех. Надо выходить к людям и просить убежища. И пусть будет, что будет.

Село Благодатное находилось в эти дни к ним ближе всего. Гонтов идет туда и обращается... к кому? Конечно, к старосте. Он олицетворял местную власть. Уполномоченный представитель германского командования. Что Матвей Григорьевич сказал старосте - неизвестно. Скорее всего, пытался убедить, что их коллектив, нуждающийся в крыше над головой, состоит не из евреев. Он вел за руку пятилетнего малыша. В коротенькой рубашонке и без штанов. Мальчик был не обрезанный, и это было, с его точки зрения, серьезным вещественным доказательством того, что он говорит. Только бывшего колхозного бухгалтера, думаю, обмануть не удалось. Куда денешь еврейские носы, характерный диалект? В 99 случаях из 100 этого было достаточно, чтоб нормальный староста отправил всю компанию с ее лидером в лапы гестапо. И один процент сработал. Староста Павло Зирченко оказался «ненормальным».

Он селит беженцев в своей полупустой хате и дает еще один пустой дом рядом. Записывает всех в колхозные бригады, устраивает на работу. Хотя проку от них было немного. Какими работниками могут быть молодые женщины с крошечными детьми на руках? Тем не менее, они стараются изо всех сил. А тучи над их головами, - нет, не то что сгущались. Они не исчезали вовсе. Чего стоило хотя бы услышать семейную разборку, когда чем-то разгневанная супруга старосты кричала ему в лицо:

- Придут немцы, расскажу им, что ты жидив ховаешь...

Немцы в селе появлялись инспекционными наездами. Приезжали два-три человека и жили несколько дней в доме у старосты.

Однажды один из таких «инспекторов» заинтересовался девочкой, которая то и дело появлялась во дворе. Немец угощал ребенка сладостями, усаживал себе на колени и гладил ее белокурые локоны.

Какие чувства появлялись у солдата при этом? Скорее всего, свою дочку вспоминал, не более. Но в клане Гонтова оценили это по-другому:

- Присматривается он к нам. Тут что-то не так.

А немец вел себя совершенно непонятно. Включал, например, радиоприемник, находил русскую радиостанцию и врубал звук на полную мощность.

- Провокатор. Хочет проверить, слушаем ли мы Москву. Надо всем немедленно уходить из дома, когда он это делает, - дал указание глава семейства. - Пусть видит, что нас это совершенно не интересует.

А перед тем, как покинуть село, немецкий офицер подошел к Гонтову и тихо сказал:

- Гитлер - капут, Сталин - молодец.

И впервые у «старика» мелькнула мысль: этот парень нам не враг. Такие слова прежде всего ему могли стоить головы.

Кто враг, кто - нет? Поди разберись...

Однажды, когда они всей гурьбой возвращались домой с поля, на проселочной дороге их остановила группа полицаев. Свои вроде парни. Украинцы.

- Хлопцы, так це ж жиды, яких Петро у себе ховає. Их треба пустити в расход.

Действительно, что еще можно с жидами сделать. И все шло к тому, что именно так бы и сделали. Если б... Если б не немцы. Вроде бы враги - немцы.

Рядом остановился штабной автомобиль, и из него

вышел высокого ранга офицер. Старший полицаи тут же ему отрапортовал, что вот, обнаружили группу жидов и будем сейчас их расстреливать.

И тут из-за спины этого полицаи, оттолкнув его, бросилась к офицеру одна из молодых мам, которая до войны преподавала немецкий.

- Мы не евреи. Мы выходцы из поволжских немцев...

Гер офицер на секунду задумался, затем извлек из планшета лист чистой бумаги и вывел на нем следующие слова:

«Всем немецким частям. Прошу оказывать помощь этим людям. Они в ней нуждаются».

(Эта записка, как талисман, долгое время хранилась в семейном архиве, и сейчас находится у кого-то из родственников в Израиле).

Протянул записку оторопевшей женщине и, повернувшись к полицаю, отчеканил:

- Если хоть один волосок упадет с головы кого-нибудь из них, не сносить тебе своей...

Понимал ли этот немецкий офицер, что делал? Давал себе отчет, каких «поволжских немцев» спасал? Безусловно. Видимо, и среди оккупантов встречались честные, порядочные люди с иммунитетом к фашистской идеологии.

И в очередной раз всему клану Гонтовых повезло...

Вот так и случилось, что 32 еврея на оккупированной территории, где за ними охотились эсэсовцы и их приспешники, уцелели. Остались живы. Дождались прихода своих...

В освобожденных городах и селах советские спецслужбы вылавливали прежде всего тех, кто переметнулся на сторону немцев: полицаев и старост. И те чаще всего заканчивали свою жизнь в лагерях или на виселице.

Такая же судьба, видимо, ждала и Зирченко. Его арестовали и поместили на допрос в комендатуру районного центра села Софиевка.

Произошел «оверкиль». События развернулись на 180 градусов. Но долг красен платежом.

На следующий день после ареста старосты на ступеньках комендатуры уже стоял Матвей Гонтов. И опять везение. Теперь уже для Зирченко. Комендантом Софиевки был назначен еврей в звании майора. То, что он слышал от Гонтова, показалось ему совершенно невероятным, и он дал команду проверить, так ли это. Когда все подтвердилось, он лично выпустил Зирченко на свободу, пожав ему на прощанье руку...

Вот, собственно, и вся история. Однако счастливый конец имеет всегда разные оттенки - от светлых, розовых, до коричневых, черных. В такое спасение Гонтовых многие не верили. Всех евреев убивали, а их - нет. Непонятно! По этой причине после войны Гонтовы обратно в Енакиево не вернулись, а осели в Днепропетровске. На семейном совете решили больше никому ничего не рассказывать. Исключение было сделано для одного человека - для секретаря писателя Ильи Эренбурга - Лурье. Он тогда собирал материалы для «Черной книги». И спустя несколько лет в фолианте И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» появилось несколько строк по этому поводу: «Есть в Днепропетровской области село Благодатное, в нем бухгалтер колхоза П. С. Зирченко скрывал 32 души - семь еврейских семейств из Донбасса. Конечно, колхозники догадывались, кто в хатах, но на вопросы немцев или полицейских отвечали - «здешние»...»

Книга вышла давно, и теперь мало кто ее читает.

Шли годы. Из «32 душ» оставалось все меньше и меньше.

И вот, наконец, один из тех, кто хранил семейную

тайну, понимая, что еще немного, еще два-три года - и история эта канет в Лету, решил ее раскрыть (имеется в виду письмо Л. Г. Герховского в редакцию газеты «Шабат шалом»).

Хочется надеяться, что с помощью нашей газеты обо всем рассказанном станет известно в израильском музее Катастрофы «Яд Вашем», где в Аллее Праведников обязательно должно появиться еще одно дерево в память о подвиге Зирченко.

И пусть все, кто имеет отношение к Павлу Сергеевичу, - его дети, внуки, правнуки, - гордятся им. Пусть его пример поможет и им сформировать характер, позволяющий оставаться Человеком даже там, где многим другим это не удается.

«Шабат шалом» № 1, 2001 г.

Последние свидетели

По следам наших выступлений

Вы читали в нашей газете (№ 1, 2001 г.) публикацию «Остаться человеком...», где рассказывалось о том, как староста села Благодатное Павел Сергеевич Зирченко спас во время войны 32(!) еврея. История была изложена со слов Льва Григорьевича, имевшего косвенное отношение к ней (он был женат на дочери Матвея Гонтова - предводителя спасенных евреев). Конечно, никто не сомневался в правдивости происшедшего. Но... тем не менее, ему захотелось непременно найти свидетелей событий, произошедших почти 60 лет назад. В нем проснулся дух истинного следопыта. И, несмотря на гигантскую толщу времени, он нашел, кого искал. Детей Павла Сергеевича Зирченко - Галю и Михаила, а также одного из тех 32-х спасенных гонтовцев - Алексея Трайберга. Им всем сейчас за семьдесят. Их воспоминания с незначительным сокращением и необходимым редактированием предлагаю вашему вниманию. Какое впечатление они произведут на вас, - не берусь судить. У меня же, когда я впервые взял их в руки, было ощущение археолога, попавшего в неразграбленную гробницу какого-нибудь египетского фараона. Настолько редки и необычны подобные находки в наши дни.

* * *

От кого отец узнал, что в балке спрячутся люди, я не знаю. Он этого никому не рассказывал. Ночью он поехал в балку (были уже заморозки) и привез всех в село. Распределил по хатам, выдал продукты, записал трудоспособных в колхоз. Я по ночам носила им продукты, а самой маленькой - Наташе Шабес (ей был год) - приносила молоко. Отец с братом Мишей сделали всем справки, что они украинцы, а Матвей Гонтов - татарин. Во время облав, которые регулярно проводили немцы, я всех детей уводила из села и прятала в заброшенной силосной яме. А когда эти люди работали в колхозе, или я, или мой брат всегда их сопровождали. О любой опасности мы предупреждали отца. Однажды к нам прибежала Лиза Марковна Гонтова (жена Матвея) и говорит, что по хатам ходят немцы. Облава! Отец успокоил ее и пошел навстречу немцам. Не знаю, о чем у них был разговор, но в очередной раз все были спасены. Много у отца было бессонных дней и ночей, но он сберег жизнь всем этим людям. Семь семей - тридцать два человека.

Со времени войны и по настоящее время мы по мере возможности поддерживаем нашу дружбу...

Галина Павловна ЗИРЧЕНКО
(по мужу ХОРУНЖИЙ),
Днепропетровск, 18 января 2001 г.

* * *

Однажды глубокой осенью 1941 года к нам в село забрела группа людей (32 человека), бежавших от преследования немцев. Старики, женщины, дети. По национальности евреи. В то время отец работал в колхозе бухгалтером. Они обратились за помощью к нему, и он разместил их по сельским дворам. Обеспечил теплом, питанием. Выписал кое-что из продуктов в колхозной каморе Взрос-

лых трудоспособных определил в колхоз. Мы все (наша семья) - мать, сестра и я - приняли как должное заботу отца об этих людях, потому что они были в большой опасности. Им грозил расстрел.

Каким-то образом фашисты узнали о том, что в нашем селе скрываются евреи. В отчаянии и растерянности евреи обратились снова к отцу с просьбой спасти их. Отец ответил, что, пока он жив, сделает все возможное и даже невозможное, чтоб помочь им. Вечером отец пришел домой и рассказал нам всем о надвигающейся на этих людей опасности (немцы в любой момент могли появиться в селе). Затем он предложил мне принять участие в спасении и объяснил, что и как я должен для этого сделать. Отец не говорил, насколько это опасно. Я и сам понимал, какие могут быть последствия. Рискуя своими жизнями, мы принялись изготавливать фальшивые документы. В них указывалась национальность - русские, украинцы, татары. Отец писал справки, я «ставил» печати (перерисовывал их со старых советских и немецких документов). У меня с детства была тяга к рисованию, и я мог это делать хорошо (в дальнейшем это определило и мою настоящую профессию - художника). Когда все справки были написаны и заверены печатями, мы их раздали тем, кому они предназначались. А на рассвете пришли за отцом. Ему следовало немедленно явиться в контору, здание которой было уже окружено эсэсовцами. Немецкий комендант допросил отца и наших подопечных. Проверил их документы. На вопрос коменданта, почему этих людей приняли в колхоз, отец ответил, что сделано это из-за нехватки там рабочих рук... Ответы и документы были убедительными. Вскоре немцы сняли оцепление и уехали.

Чего стоила вся эта сцена для отца (по рассказам очевидцев), видно было по его лицу. Оно было белое, как полотно...

*Михаил Павлович ЗИРЧЕНКО,
Ростов-на-Дону,
2 февраля 2001 г.*

* * *

Я один из спасенных Павлом Сергеевичем Зирченко в селе Благодатное. Когда мы попали к немцам, нас было 32 человека, и все мы были родственники. Мне было 13 лет, и я все помню, как это было. У нас было несколько подвод. Мы ехали в никуда. Не знали, что нас ожидает. Ехали ночами, а днем останавливались в балках, оврагах, посадках. Надеялись, что война продлится две-три недели, и нас освободит Красная Армия. Матвей Гонтов ехал впереди и все решения принимал он. Один неверный его шаг стоил бы жизни всем.

Однажды, когда мы проезжали одно село, возле комендатуры нас остановили полицаи:

- Кто такие и куда едете? Гонтов вышел вперед и ответил:

- Едем в Одесскую область. Все украинцы, а я татарин...

- Сейчас мы узнаем, какой ты татарин, - с угрозой произнес полицай. Возле комендатуры стоял мальчик лет 10-12, и полицай сказал ему:

- Позови Афанасия - нашего татарина. Пусть поговорят по-татарски, а мы послушаем...

Мы все замерли, ожидая развязки. Когда пришел татарин, Гонтов увидел, что он имеет сходство с евреем. Полицаи ждут. Тянуть время больше было нельзя, и... Матвей заговорил с Афанасием на идиш. Афанасий ответил на том же языке и сказал, что он тоже еврей и выдал себя за татарина, когда попал к немцам.

- Ну, что? - спросил полицай у Афанасия.

- Он татарин! - Ответил Афанасий... Это все произошло на моих глазах...

Закончилось лето. Похолодало, а мы остановились в балке возле села Благодатное. И там нас всех забрал Павел Сергеевич Зирченко. Наши еврейские имена и фамилии пришлось заменить на украинские. Сын Павла Сергеевича Миша учился в художественной школе в Днепро-

петровске. Когда началась война, вернулся к родителям. Он всем сделал справки с печатями, которые ставил сырой картошкой. Даже немцы не обнаружили подделку документов. Среди детей у нас был мальчик лет 5-6. Он был не обрезанный. Его мама заставляла малыша ходить без штанов. Он плакал, стеснялся, но ходил без штанов.

Все время, пока мы находились в оккупации, Павел Сергеевич помогал нам продуктами, которые приносили его дети Миша и Галя.

Благодаря этой семье все 32 человека остались живы.

Потом, в послевоенные годы, мы молчали и никому не рассказывали, что были в оккупации. У нас не было паспортов, мы не имели прописки. Жили в подвалах, разрушенных домах. А детей даже нельзя было записать в школу...

Прошло с тех пор 60 лет, и в Днепропетровске я остался один из всех спасенных.

*Алексей Григорьевич ТРАЙБЕРГ,
Днепропетровск, февраль 2001 г.*

P. S. Вот фамилии спасенных семей (и известные нам имена):

ГОНТОВ Матвей,
ШАБЕС Роза,
ТРАЙБЕРГ Рая,
КУСКОВСКАЯ Рита,
ПЕРЕСЕДСКАЯ Бетя,
НУХИМОВИЧ,
БАБЕЦКАЯ.

Если живы дети, внуки или другие родственники - откликнитесь и напишите, пожалуйста, в редакцию «Шабат шалом».

От редакции:

Редакция газеты «Шабат шалом» на основании представленных документов, считает необходимым поднять вопрос перед всеми компетентными организациями Государства Израиль о присвоении звания «Праведник Мира» Павлу Сергеевичу ЗИРЧЕНКО (посмертно), Михаилу Павловичу ЗИРЧЕНКО и Галине Павловне ЗИРЧЕНКО.

Послесловие

После выхода этого очерка Михаилу Зирченко было присвоено звание «Праведник Мира».

Ложка везенья в бочке жизни

Человеку исполняется 80. Рубеж, что и говорить, серьезный. Нужно остановиться, оглянуться, перевести дыхание... И что-то себе сказать. Или не себе. Другому, наверное, лучше. И этот «другой» может не ставить оценки, не давать советов. Он может просто помолчать и послушать.

Да, эти люди, родившиеся между двумя мировыми, самыми свирепыми во всей истории человечества войнами, прожили одной своей десятки других жизней - вобрали жизни тех друзей, родных и близких, которые на этих войнах остались. Их поколение выкосило, как сенокосилка, лихолетье. Поэтому-то они сейчас редки. Потому что подходят к вершине земного бытия...

Исаак Меерович Фейгельштейн, которому в апреле этого года исполняется ровно 80, - один из них.

И его жизнь штормило, бросало на рифы, закручивало в штопор. Крутит она его и по сей день.

А инвалид Великой Отечественной с остатками тяжелых фронтовых ранений, одинокий вдовец, подполковник медицинской службы Исаак Меерович так не считает. Он рассказывает о себе, а я внемлю его истории. И что вырисовывается в тумане ушедших в прошлое десяти-

летий? Везенье, прежде всего (в его оценке, конечно). Везло, везет и будет везти. Наперекор и вопреки всему. Ну, о прошлом - это чуть позже... А вот сейчас-то? В наши кошмарные дни? Не верите?! Пожалуйста.

Повезло с соседями. Прекрасные люди. Те, кто рядом, за стеной, помогают, чем могут. У них даже находится специальная лампочка, выключатель которой - у него над постелью. Если она загорится, они бегут к нему. Позвать их по-другому сам не может. Значит, начался приступ головных болей, от которых он теряет сознание (результат контузии). Из этого приступа могут вывести только таблетки, которые ему нужно срочно дать выпить.

Соседи сверху - тоже хорошие. Они, правда, залили его водой, но обещают устранить последствия потопы. Давно, правда, обещают, но ремонтировать не отказываются.

На работе, где он по сей день грудится (городской кожвендиспансер), - тоже люди чуткие и внимательные...

Ну ладно. Сейчас ясно. А в прошлом? Впрочем, я же обещал не давать оценки прожитому... Судите сами. С чего начнем? Конечно, с 41-го. В этом году он заканчивает медицинский институт. Последний выпускной экзамен совпал с началом войны. День в день. 22 июня он еще утром студент-выпускник, а к вечеру того же дня - дипломированный военврач (правда, без диплома, - дипломы они получают нескоро...)

А еще через несколько дней почти весь курс добровольно ушел на фронт.

Выпускники сорок первого! Это потом о них будут писать восторженные оды, книги, ставить фильмы... А они, в том нежном возрасте, когда нужно сгорать от страстей, встречать рассветы и закаты, обнявшись с любимыми, вить свои гнездышки, растить малышей, - шагнули навстречу смерти. Нет, не все - своей. Врачам на войне боль-

ше приходится иметь дело с чужими смертями, кровью, стонами, искалеченными телами.

Боевое крещение молодой врач получил в боях под Кривым Рогом. И первое ранение - там же. В него попало два осколка. В ногу и руку. Но он остался в строю. Патриотический пыл был сильнее боли. Отступление медсанбата шло через Днепропетровск, где он проводит два дня (всего два!) перед сдачей его фашистам.

Однако, того запаса энергии, стремления вернуться сюда снова, хватило ему (как древнегреческому богу Антею, который обрел силу, прикоснувшись к Земле-матери) на долгих четыре года войны.

Хватило, чтоб выжить после страшного ранения под Сталинградом, куда он попадает в сорок втором.

Фугасный снаряд взорвался в нескольких шагах от него. Все могло бы здесь и завершиться. Ан нет! Недалеко оказался солдат из штрафбата. Бывший зек. Он укладывает на плащ-палатку истекающего кровью военврача и под обстрелом тащит его из пекла. И вытащил. Хотя сам получил пулю на излете.

Исаак без сознания. Тяжелая черепно-мозговая травма. Поврежден позвоночник.

Были еще осколки, которые могли стать смертельными. Они попадают прямо под сердце, но... В нагрудном кармане гимнастерки лежат две серебряных монеты - рубль и полтинник. Их ему дал отец перед уходом на фронт и сказал: «Пусть они тебя хранят». Осколки, согнув монеты, отскочили от них.

Из госпиталя он выписывается нескоро и... неузнаваемый. У войны один цвет - белый. В двадцать с небольшим его прекрасные каштановые волосы стали белоснежными, а вместо зубов - вставные пластинки.

С фронта шлет свою фотографию (она перед вами, уважаемый читатель). На обороте надпись:

**Мамуське Сонечке от ее сына
Фейгельштейна И. М. 31.XII-44 г.**

На этом снимке он жгучий брюнет. Чтоб мама не испугалась, - красит волосы. Ну, а корсет, без которого не может обходиться, и приступы головных болей, от которых теряет сознание, - их на фотографии, слава Б-гу, не видно. Эта фотография из его небольшого домашнего архива. Чего тут только нет! Вот две монеты, которые в Сталинграде спасли ему жизнь. Кисет для махорки с вышитой крестом надписью: «Защитнику Родины». Подарок кузины. Прислала брату на фронт. Тогда такие кисеты и еще шерстяные носки, которые шли из тыла, были самыми распространенными и самыми нужными подарками для солдат. А вот пожелтевшая записка из «Днепровской правды» об их выпускном вечере, который все-таки состоялся... через тридцать лет. Вот несколько цитат оттуда:

...Вечер открывает участник Великой Отечественной войны Александр Иосифович Клейман...

...Одни прошли путь от Сталинграда до Будапешта, другие были свидетелями взятия рейхстага...

Последние слова - о нем. Именно он, имея возможность после ранения под Сталинградом демобилизоваться по инвалидности, - не сделал этого. Дошел до Берлина и на одной из колонн рейхстага расписался:

Врач Фейгельштейн здесь был тоже.

Его однополчанин - солдат из пехоты - подошел

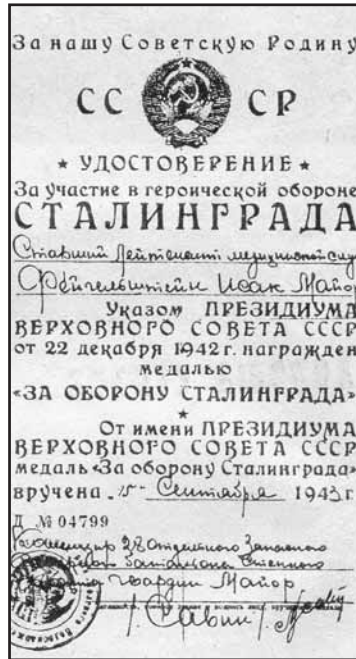
к нему сзади. Прочитал на-
чертанное и попросил на ми-
нутку мел. И на этой колонне
появилось еще одно предло-
жение:

**Здесь был еврей из Мы-
тищ Симон Фельдман.**

Да. От таких надписей
Гитлер, если б его кости не
догорали в этот момент в ко-
стре сада имперской канцеля-
рии, должен был бы перевер-
нуться в гробу...

- Ладно, архив есть ар-
хив. Давайте поговорим о том,
чего там нет, - мой собесед-
ник завязывает свои папки и
предлагает продолжить жи-
вую беседу. - Хотите, расскажу
еще об одном фронтовом
везении? Как-то во время об-
стрела я укрылся под гусе-
ницами нашего танка и, видимо...
задремал там. Водитель меня
не заметил, завел его и хотел
тронуться. А у нас в санбате
был пес. Он буквально кинулся
на машину и стал ее облаивать.
Ну, механик в последнее мгно-
вение и выглянул из люка по-
смотреть - что там собаку воз-
мутило... Это, конечно, меня
спасло в очередной раз...

Свою послевоенную трудовую
или, точнее, врачебную деятель-
ность, так же, как и военную,
он начинает в Кривом Роге. И
снова ему помогает счастливый
случай. Он только-только ста-
новится на ноги, когда в местной
газете появляется статья, где
его клеймят позором за якобы
врачебную несостоятельность.
Еще чуть-чуть - и он

должен был по-
лучить ярлык
врага народа.
Что за этим пос-
ледовало бы - не
вызывало ника-
ких сомнений.
«Врагов наро-
да», которых
особенно много
находили среди
врачей еврей-
ского происхож-
дения, следовало
арестовывать и
уничтожать. Не-
замедлительно...
Впрочем, давайте
снова послушаем
Исаака Мееровича.

- Как-то зашел я вечером
в ресторан в центре Криво-
го Рога, чтобы что-нибудь
перехватить. Сел на свобод-
ное место. Раскрыл газету...
Зал был практически пустой.
Лишь за соседним столиком
сидело двое мужчин. И боль-
ше никого. Вдруг слышу:
«Исаак! Почему сторонись-
ся? Садись рядом с нами!»
Я оторвался от газеты. Да,
сразу не узнал. Это был мой
однополчанин, с которым мы
много лет вместе воевали. Он
представил меня своему то-
варищу - рослому красивому
брюнету с густыми сросшими-
ся на переносице бровями:
«Военврач. Подполковник.
Отпахал всю войну. Отлич-
ный мужик». Я, естественно,
дал ему выговориться и на-
звал себя: «Исаак Меерович
Фейгельштейн». Незнакомец
поднялся, протянул мне
руку: «Леонид Брежнев. Чем
могу быть полезным? Какие
есть проблемы?» Я ему рас-
сказал, какие. Про статью
в газете, про шельмование.
Он молча все выслушал, по-
том похлопал по плечу и
четко сказал: «У вас все
будет нормально. Можете
спокойно работать. Вас
никто не тро-»

нет». Я тогда не знал, кто такой Брежнев, но поверил ему. Действительно! Сколько прошло лет с той поры, и тогда, и сейчас - не трогают. Как дельфина. Помните был такой анекдот:

- Какой национальности дельфины?
- Скорее всего, - евреи.
- Почему?
- Принят закон их не трогать.

И если нашего героя в самом деле сравнивать с дельфином, - можно смело сказать: он на плаву и по сей день. Работает в городском кожвендиспансере, на общественных началах принимает в благотворительной организации «Шаарей Хесед», сам, без чьей-либо помощи, ведет свое холостяцкое хозяйство, сражается со своими недугами, оставшимися со времен войны.

И кривить душой нечего. Нелегко все это ему дается. Тянет лямку изо всех сил, пыхтит, отдувается... Но не сдается. И в канун юбилея хочется пожелать ему, пусть нелегких, но так нужных другим, - долгих лет жизни. Здоровья и бодрости духа. И везенья.

«Шабат шалом» № 4, 1998 г.

НА ФОТО:

1. «Мамуське Сонечке от ее сына Фейгельштейна И. М. 31.XII.44 г.» На этом снимке он - жгучий брюнет. Чтоб мать не испугалась, - красит волосы.

2. «Удостоверение». Ему оно вместе с медалью было вручено после госпиталя, в запасном батальоне.

3. И. М. Фейгельштейн (слева) с коллегой-врачом на лекции в парке Чкалова.

Доченька Люся

Этот рассказ появился на свет случайно. События, изложенные в нем, записала наша землячка Сарра Лазаровна Бро, которая прошла войну «от звонка до звонка» и закончила ее в звании капитана медицинской службы. В возрасте 95 лет она собралась переезжать на постоянное место жительства в Израиль. А так как мы дружили семьями, то Сарра Лазаровна и попросила меня помочь ей с упаковкой багажа. Прежде чем решить, что брать с собой, а что оставить, нужно было разобраться с большой библиотекой. Перебирая книги, я нечаянно выронил на пол полуистлевшие листки с какими-то записями. Хозяйка удивленно всплеснула руками:

- Б-же, это же странички моего фронтового дневника! А я думала, они давно утеряны. Возьмите их себе. Может быть, найдете что-то интересное...

И я нашел, хотя потрудиться над реставрацией записей пришлось изрядно - так безжалостно отнеслось к ним время. И вот теперь они перед вами.

Ни в коем случае не упреждая читательское мнение, скажу лишь об одном: война многолика, но даже среди самых страшных ее гримас эта - потрясает.

В феврале 1942 года наша дивизия билась на подступах к Юхнову. Враг то наступал, то отступал, отчаянно сопротивляясь и сжигая на своем пути все живое. Глубокий снежный покров лежал на полях, и чернели в морозной мгле ломаные ленты дорог, проложенных тяжелой военной техникой.

Следуя за дивизией, медсанбат то и дело менял дислокацию. Привалы были короткими, ночевки тревожными... То тут, то там немецкие автоматчики перерезали наши пути. Десантники, сброшенные ночью, внезапно выростали перед нашими движущимися автоколоннами.

Остановившись на ночлег в деревне Мочалки, мы утром были подняты по тревоге: прискакавший верхом связной сообщил, что почти всех жителей деревни Огарыши, расположенной в десяти километрах от нас, уничтожила немецкая диверсионная группа. Восемь часов потребовалось одному из боевых подразделений полка, чтобы выбить немцев из деревни. Среди убитых были два врача из полкового медсанбата и санинструктор Татьяна Алексеевна Знаменская.

Таню мы все хорошо знали. Эта живая, веселая москвичка была общей любимицей. Лет тридцати от роду, она в своей ладно сидящей серой шинели казалась совсем молоденькой. В Москве остались муж и ребенок. Теперь - вдовец и сирота...

Хоронили Таню через четыре дня. Три - рыли ока-

меневшую от мороза землю. 24 февраля могила за огрядкой полуразрушенной деревенской церкви была готова. А накануне мы получили депешу от начштаба полка Александра Ивановича Новикова: «Дорогие женщины, приезжайте хоронить Таню. Хочется, чтоб ее проводили не только мужчины».

И мы поехали. Я и политрук медсанбата Петрова, знавшая Таню еще до войны.

В морозный солнечный день мы переступили порог избы, где находилась погибшая наша подруга. Орден Красной Звезды, который она не успела получить при жизни, был прикреплен к новенькой гимнастерке. Непокорная прядь светлых волос свисала на лоб. К могиле Таню несли по очереди. Речей не было. На минуту все обнажили головы. Гроб опустили в глубокую мерзлую яму. Три винтовочных залпа оборвали траурную тишину...

Внезапно взоры всех устремились на дорогу. Там виднелась маленькая бегущая фигурка. Человек падал, размахивал руками и что-то кричал.

- Узнать, в чем дело! - приказал Новиков.

И связной Миша, мгновенно оказавшись в седле, поскакал навстречу бегущему. Вскоре он вернулся. С ним была женщина, одетая в синее, городского покроя пальто.

- Послушайте, - тут же обратилась она к Александру Ивановичу, - не засыпайте могилу. Я везу дочь. Люсю. Ее надо хоронить... Земля мерзлая. Я сама не могу... Вам ведь все равно. Вы хороните военного человека, а Люся тоже на войне погибла. Вы не думайте. Она у меня хорошая. Отличница.

Женщина говорила, как в горячке, - быстро и сбивчиво. Но мы поняли...

Сама она - школьная учительница. Зовут Марией Семеновной. Живет в пяти километрах отсюда, в деревне Андреевка. Там целую неделю шли бои. Учительницу

и еще нескольких человек фашисты заперли в комендатуре как заложников. Остальных в последний день собрали в школе и подожгли здание. Там находилась и ее дочь - одиннадцатилетняя Люся. Люсенька. Ей и еще двум девочкам как-то удалось выбраться через чердачное окно. Девочки, спасаясь, бежали к оврагу. Но Люся, самая маленькая, самая тоненькая и худенькая, - за подругами не поспевала. Часовой заметил беглянок и бросил гранату. Она разорвалась прямо возле Люси.

Мария Семеновна прибежала к пожарищу, как только немцев выбили из деревни. И застала догорающий остов школы, а на садовой дорожке, в снегу, - то, что когда-то было ее девочкой. В картонный ящик сложила все, что смогла найти и собрать. Потом, сама, попыталась вырыть могилу, но что она могла сделать с этой каменной землей, скованной сорокаградусным морозом?!

И вдруг узнает, что здесь, в оградке местной церкви, кого-то хоронят. Она ставит самый страшный, самый дорогой свой груз на санки и везет его сюда... Когда услышала залп, испугалась: зароят могилу, и опять останется непогребенной ее девочка. Вот тогда-то она и бросилась бежать по дороге, оставив санки в лесу.

- Какое счастье, что я не опоздала! - металась женщина от одного офицера к другому. - Вы ведь не откажетесь похоронить ее здесь?! Она совсем легонькая. Да еще и ножки левой нет. Не нашла я левую-то ножку... Прошу вас...

- Мы выроем для Люси другую могилу, - попытался хоть как-то успокоить женщину начштаба. Но она гневно выдернула из его ладоней свою руку:

- Что, опять не хоронить?!

И подбежала ко мне и Петровой:

- У вас же, наверное, тоже есть дети! Разве вы не понимаете?! Я же по кусочкам...

Мне казалось, что я сама вот-вот сойду с ума... Но, взяв себя в руки, попросила Александра Ивановича:

- Таня тоже была матерью. Давайте похороним их вместе.

И наш боевой, много чего повидавший офицер как-то судорожно махнул рукой: говорить он не мог.

Все тот же связной Миша привез детские санки, на которых стоял деревянный ящик. То ли из-под папирос, то ли из-под спичек. Он был неумело сколочен гвоздями, а сбоку, красной краской, было начертано: «Доченька Люся». Учительница шла рядом. Она буквально преобразилась. Распрямилась. Глаза светились... И только потрескавшиеся на морозе губы, которые она поминутно облизывала языком, выдавали всю противоестественность ее возбуждения...

Ящик опустили на гроб Тани. Никто не командовал, но в воздухе снова прозвучали три залпа.

С похорон возвратились молча. От русской печи по избе разливалось тепло. С полковой кухни принесли горячие щи. Кто-то расставил на столе миски. Появились эмалированные кружки и фляжки со спиртом. Все выпили. Выпила и учительница, которую, бережно поддерживая под руку, последней привел Миша. Помянули усопших. И вдруг, в наступившей тишине, раздался хриплый смех Марии Семеновны:

- Послушайте... Нет, вы даже представить не можете, какой у меня сегодня счастливый день! Утром, на пожарище у школы, искала гвозди, чтоб забить ящик. Надо ведь забить? А нашла Люсину ножку... Правую... В синем чулочке. На снегу его так хорошо было видно. И потом, какое счастье! К вам-то я как раз успела... Такой день счастливый...

Без пальто и платка, в простеньком платьице и стоптанных валенках, учительница оказалась совсем моло-

дой. Она то и дело протягивала к нам нежные руки с окровавленными черными ногтями и, стоя посреди комнаты, раскачивалась, как маятник. Туда-сюда.

- Я всегда буду помнить этот день. 24 февраля. Да?!

Я посмотрела на тех, кто сидел за столом. Никто не стеснялся слез. Всхлипывал на лавке у окна Миша. Плакали все. Кроме молоденькой мамы девочки Люси. Она стояла посреди комнаты, покачивалась и смеялась.

Сарра БРО

Западный фронт, 1942 год

«Шабат шалом» № 1, 2008 г.

ЖИЗНЬ ВОПРЕКИ СМЕРТИ

Этот человек - Макс Привлер - пережил ужас Холокоста. И не просто пережил. Состязался со смертью. Это был неравный поединок, но он его выиграл. Дважды оказывался в братской могиле и выбирался из нее. Еще раз ему удалось удрать из-под стволов эсэсовских автоматов. За гибель своих родителей, братьев и сестер в одиннадцать лет стал мстителем. Партизанил, был кадровым разведчиком. Согласитесь, окончить войну мальчишкой, имея ордена Славы, Красной Звезды, Отечественной войны, чешские награды «За штурм Дуканского перевала» и «За братство по оружию» - не каждому взрослому удалось.

Наш земляк (до 1990 года жил в Днепрпетровске), а ныне израильтянин Макс Привлер, все это изложил в автобиографической книге «Расстрелянный трижды». Недавно она вышла в Израиле. С цитат из нее я и начну.

Я... с криком бросился к отцу.

- Так ось де він! Став його біля татка.

Загремел выстрел, и я очутился в яме. В ту же секунду рядом оказался отец... Я ощущаю свое тело, шевелятся пальцы на руках и ногах. Неужели отец успел столкнуть меня в яму живым? Я был завален снегом, глиной, с краю

прикрыт телом отца... Я пополз по земле, преодолевая усталость, оставив отца в этой ужасной яме...

Пробрался сквозь толпу. И вдруг узнал маму. Она висела возле магазина зеркал. В витрине были выставлены зеркала, и в каждом я видел маму. Десятки повешенных раскачивались вправо и влево. Мама склонила голову набок, как бы отыскивая в толпе меня.

- Мама! - закричал я изо всех сил и рванул к ней.

Но в этот момент чья-то крепкая рука поймала меня... И меня повели. Как слепого, немощного, глухого. Без чувств и мыслей в голове, без сил и желания что-либо делать...

...Люди обреченно шли к яме. Вот и моя очередь... Я побрел к яме и вдруг вспомнил, как папа прошлый раз столкнул меня в яму. Сильные струи дождя мешали немцам вести прицельный огонь... Подошел к яме и прыгнул. Немцы, отстрелявшись, поспешили к машинам. Скоро я почувствовал, что яма быстро заполняется дождевой водой...

...Меня задержали, завели в отдельную комнату и велели снять штаны. Неожиданный удар по лицу и громкий крик: «Та він жидок!»...

...Нас вывели, погрузили в машину и повезли. Вот уже виден знакомый кожзавод, а за ним ямы. Люди выскочили из машины и бросились бежать врассыпную... Я успел добежать до кустов. Позади гремели выстрелы, а впереди маячил заветный лесок...

Знаете, что больше всего меня удивляет в этой страшной истории одиннадцатилетнего ребенка? То, что у нас в городе о нем почти ничего не известно. Весь мир знает, а мы о своем земляке - почти ничего. И мой небольшой рассказ, помимо всего, нужен еще, чтоб хоть как-то устранить этот пробел.

Макс родился в 1931 году в семье карпатского мельника. Рос крепким, смышленным деревенским парнем, знающим толк во всех сельских премудростях. Умел обращаться с лошадьми и домашней скотиной. Работал топором, пилой. Знал горы и легко в них ориентировался. Его окружала девственная природа и... люди самых разных национальностей. Это ему позволило уже в раннем детстве освоить не только идиш и украинский (с гуцульским диалектом), но еще польский, немецкий (ох, как это ему потом пригодится!).

Его детство прервалось в сорок втором. Из приведенных цитат вы уже знаете, что в одиннадцать лет он дважды оказывался в ямах-могилах, бежал от немцев. Он видел повешенную маму, на его глазах убили младших сестричку и братика.

Вместе с сединой, которая припудрила виски мальчишки, пришло решение. Отомстить!!!

Не только за своих близких. За свой народ, который на его глазах втапывали в грязь. Он был уверен, что такое невероятное везение отпущено ему не напрасно. И он стал мстить фашистам, используя все свои детские и недетские возможности.

Макс пробирается к партизанам, которые базировались в горах Карпат, и становится их связным. Явочные квартиры, листовки, сбор информации о гитлеровских гарнизонах - вот его сфера деятельности.

Немцы бросают против «лесных мстителей» регулярные части. Силы неравные. Зимой сорок второго отряд попадает в окружение. Он в легких, почти летних ботинках отлеживается в сугробах. Из окружения партизаны выбрались, но у Макса - обморожение ног. Ступни кровоточат, ногти на пальцах - черные. Он в полубессознательном состоянии лежит на срубленных сосновых ветках - лапнике, - уже ни на что не надеясь.

И вот он снова, Его Величество Случай. На партизанском аэродроме - заснеженной поляне - приземляется самолет, прибывший с большой земли. Летчик, проходя мимо закутанного в тряпье ребенка, интересуется:

- Что за чудо там такое?

- Да это наш связной. Гангрена, видимо, у него начинается, - был ответ.

- Грузите в самолет, - пилот мгновенно принимает решение.

Так Макс через несколько часов с Карпат попадает в Москву, в военный госпиталь. Еще день-другой - и ничего, кроме ампутации, сделать было бы невозможно. Да и кто бы это в лесу сделал? Случай спас Максу не только ноги, но и жизнь, скорее всего, тоже.

А в госпитале, где его выходили, стало известно, чем у партизан он занимался. Им заинтересовалась фронтовая разведка, и в сорок третьем он - выпускник особой разведшколы при 26-м Управлении контрразведки СМЕРШ*.

К тому, что он знал и умел раньше, добавилось многое другое. Теперь он владеет всеми видами стрелкового оружия, умеет обращаться с радиопередатчиками, ориентироваться по звездам, маскироваться на местности, знает приемы единоборств. Как говорит сам Макс, вскоре он стал ушами и глазами армии. А если надо, и руками. Разведчики стрелковому оружию предпочитают бесшумное, холодное. Штык, кастет, финка. Вот как об этом оружии вспоминает Макс:

Точили финки с помощью специальных брусков из мрамора. Их остроту любил проверять Нигматулин.

*СМЕРШ - «Смерть шпионам»

Он вырывал волос, приставлял его к финке и дул на него. Волос должен был перерезаться...

Конечно, операции с помощью такого оружия проводили бесшумно и молниеносно. Привожу описание одной из них, в которой принимал участие и юный разведчик.

...Мы вклинились в тыл противника примерно на 20-30 километров и спрятались в лесу недалеко от шоссе-ной дороги... Здесь располагался КПП немцев. Мы сняли регулировщиков и пропустили колонну автомашин.

...Остановили жезлом последнюю. Шофера и сопровождающего солдата пригласили на КПП. Здесь их ликвидировали и спрятали в лесу. Мы сели в кузов машины, загнали ее на опушку леса и выключили фары. Офицер-разведчик развернул рацию и передал шифровку в штаб фронта...

В этой, как и во всех остальных операциях, Макс значился под своим новым паролем-именем: Юрко Яремчук.

Помимо «ликвидаций» и «снятия», Юрко под видом бродяжки, пастуха, перегонщика скота проникал во вражеские тылы и с оперативной информацией возвращался обратно. Сведения, которые он добывал о дислокации немецких частей, их количестве, вооружении, и которые ложились в основу планов наступления или обороны наших войск, были бесценны.

Каждое «путешествие» по тылам противника было хождением по канату или, точнее, по лезвию бритвы. Однако молодость, смекалка, находчивость позволили ему выходить благополучно из самых невероятных приключений.

Очередное задание, уже в сорок пятом, было получено от командующего армией А. А. Гречко. Нужно было наладить связь с чешским генералом Людвигом Свободой. И Макс без страха ринулся выполнять задание, не догадываясь, что оно будет последним, что беззубая старуха с косой попробует в очередной раз взять реванш за свои предыдущие неудачи.

За день до конца войны, 8 мая, возвращаясь в свою часть, Юрко (то бишь Макс) попадает под разрыв танкового снаряда. Возможно, это был последний выстрел фашистского танка.

И был бы этот эпизод концом жизни юного разведчика, если б не... опять Случай, который явился в лице двух чешских школьниц. Они вынесли мальчишку из-под дымящихся развалин и доставили в полевой лазарет. Кого спасли, девочки не знали (узнали много лет спустя, когда им всем троим удалось встретиться уже в своей взрослой, мирной жизни). Впрочем, тогда никто не знал, кто этот полуживой подросток. Ведь чуть ли не полгода Макс был в коме, а документов при нем никаких не было.

О том, что его сочли погибшим, Макс узнал только через несколько десятилетий, когда в одном из музеев Днепропетровска увидел свой портрет в черной рамке с надписью:

Юный разведчик Юрко Яремчук. Погиб 8 мая 1945 года, возвращаясь с очередного задания.

(Еще одна подобная надпись была сделана на обелиске

в Карпатах, на том месте, где его расстреливали с отцом. Только там указано его настоящее имя - Макс Привлер).

Полуслепой, глухой, едва передвигавший ноги инвалид войны Макс Привлер вступил в мирную жизнь. Что его ждало впереди? Казалось, - ничего хорошего. Но молодость взяла свое. Он понемногу восстановил здоровье. Не полностью. Частично. Последствия контузии не исчезли и по сей день. Но жить было можно. Как ему это удалось, рассказывать не буду. Скажу лишь одно. Ему это стоило не меньше мужества и находчивости, чем при выполнении заданий в тылу врага. Тем более что враги у него сохранились и в этом, послевоенном периоде. Кто? Антисемиты. Они неистребимы, как чертополох на пустырях.

В детском доме, где в конце концов Макс оказался, его к стенке припер как-то местный «авторитет»:

- Слушай! Ты, говорят, был разведчиком. Этого не может быть. Ты жид, а ведь жидов немцы убивали. Не строй из себя героя и иди убирай туалет...

Возможно, «авторитет» что-то еще хотел сказать, но не успел. С разведчиками так разговаривать нельзя. Он этого не учел и от мощного, молниеносного удара отлетел в сторону. Больше хамить Макс в детдоме никто не решался.

А уже в пятидесятые годы (времена «дела врачей») ему еще раз пришлось «разъяснить», кто есть кто. В помещении, где он работал, ворвалось несколько украинских националистов, во главе с неким Сиденко, с криками:

- Вон отсюда, жидовские недобитки!

...Волна возмущения охватила меня, - вспоминает об этом эпизоде бывший разведчик, - так, что повернувшись под руку бутылкой молока я ударил Сиденко по голове. Молоко, предназначенное для моего завтрака, окатило Сиденко, бутылка разбилась, и половина ее осталась

у меня в руках. Я крикнул остальным: «Подходи, кто следующий!..».

Да. На войне он имел свое место, а теперь, в мире, им защищенном, вакансий для него не было. Надо было их отвоевывать. И не только в стычках с антисемитами. С кем еще? С самим собой. Ведь впервые за парту он сел в 14 лет, и ему нужно было догонять своих сверстников. И он, без домашних репетиторов и платных педагогов, делает это блестяще. Настолько, что уже к двадцати годам становится специалистом по монтажу и эксплуатации приводных электродвигателей прокатных станков (как инженер-прокатчик, скажу, что это одна из самых сложных и ответственных профессий на металлургических заводах).

Электромонтажник Макс Привлер работал на многих заводах нашего города. И вот только там, в узком кругу специалистов заводов Петровского, «Днепрошины» - его еще помнят. В 1990 году Макс с семьей уехал в Израиль, где и живет в городе Бат-Яме по сей день.

* * *

В Израиле более десяти лет находится ваш земляк, бывший юный разведчик Макс Привлер. Он известен во всем мире. О нем пишут книги, статьи. Он и сам автор нескольких автобиографических книг. А вот в Днепропетровске его мало кто знает. Более того, Союз инвалидов войны будет ходатайствовать перед Президентом Путиным о присвоении ему звания «Героя России». Рекомендую кому-нибудь из ваших журналистов с ним познакомиться.

Письмо такого содержания, написанное бывшим узником фашистских лагерей смерти Анатолием Ванукевичем (статья о нем напечатана в «Шабат шалом» № 2,

2003 г.), пролежало в редакции около года. Ждало okazji. И дождалось. Моей поездки в Израиль. Тем более что мой путь лежал именно в Бат-Ям. Первое, что я сделал по приезду, - набрал номер телефона Привлера.

- Ну, конечно, рад буду встрече, - загремел на другом конце провода густой баритон. - Вы как, хорошо ходите? А я плохо. Встретимся в центре, а оттуда - пешком ко мне. Это недалеко. Только учтите, идти будем медленно.

Он пришел к назначенному месту минута в минуту. Разведчики даже в старости не умеют опаздывать. Макс оказался необыкновенно обаятельным человеком. Массивным и... надежным, что ли. Надежность проявлялась во всем. Даже в бутылке коньяка, которая тут же оказалась на столе, когда мы добрались до его дома. Он наливал по большой стопке, приговаривая, что нечасто ему приходится выпивать с земляками. Наливал до краев. И залпом опрокидывал. На улице было за тридцать, и я сачковал. Не допивал до конца. Он, конечно, это заметил.

- Вы ведете себя не очень галантно. Так мы не доберемся до истины, которая, сами знаете, где находится. Вы же хотите ее узнать?

И я услышал его историю. Он рассказывал тяжело, часто останавливаясь. Память вгоняла его в детство, и снова ужас перехватывал дыхание...

Расстались мы поздно вечером. Я уносил с собой

Часть 3. Grimасы войны

две его книги - «Расстрелянный трижды» и «Еврейские дети в борьбе с нацизмом». На обложке одной из них он сделал надпись:

Эдуарду.

Мой девиз: «Мир без войны. Матери без слез. Дети без оружия».

С уважением,
Макс Привлер
11.04.2003 г.

*Бат-Ям - Днепропетровск
«Шабат шалом» № 7, 2003 г.*

НА ФОТО:

1. Апрель 1945 года. Юный разведчик Красной Армии Макс Привлер (Юрко Яремчук)

2. Сорок восемь лет спустя. Апрель 2003 года. Бат-Ям, Израиль

Часть 4

С оружием в руках

ВЫСТРЕЛ В СПИНУ

Герой Советского Союза днепропетровец Лев Гитман - разведчик - получил высшую воинскую награду за форсирование Днепра.

После войны по сфабрикованному обвинению в хищении социалистической собственности (на сумму 86 рублей 70 копеек) получил срок 10 лет с конфискацией всех боевых орденов, и Золотой Звезды Героя в том числе.

Уже будучи в зоне, Лев Гитман вступает в «брачные отношения» (так казенно записали в протоколе) с молодой женщиной Машей (теперь Мария Семеновна), которая тут же начинает бой за честь своего мужа. Честь она спасает. Жизнь - нет. Он умирает в возрасте 57 лет, не выдержав ужасной несправедливости...

В ночь на 26 сентября 1943 года на левом берегу Днепра, плотно прижавшись плечом к плечу, стояли 18 бойцов, одетых, несмотря на холодную погоду, слишком легко. Это были разведчики. Самые проверенные, надежные. Один из них - Лев Гитман...

Им предстояло на самодельном плоту (но не исключено, что и без него) под покровом темноты переправиться на противоположный берег и там продержаться до подхода основных сил. Они были «смертниками». И знали это. Шанс выжить - меньше одного процента.

Сержант, командир разведгруппы, подсвечивая фонариком, еще раз по списку проверил состав, называя фамилию, имя, отчество каждого.

- Гитман Лев Александрович, - произнес сержант.

- Я, - ответил крепко сбитый чернявый паренек и тут же добавил: - Только не Александрович, а Абрамович.

- Останешься жив - исправят, где нужно, а если нет, - там тебя примут и с такой анкетой, - усмехнулся командир, не представляя, как эта канцелярская описка коснется солдата в мирные годы.

Ночь была темная, небо затянуто облаками, и это позволило без единого выстрела, бесшумно преодолеть почти километровую полосу водной глади и до наступления рассвета окопаться, вгрызться в землю. Когда враг опомнился, было поздно. Укрепрайон был создан. Немцы понимали, что означает этот маневр, и с первыми проблесками нового дня началась «мясорубка». Одна волна гитлеровцев за другой накатывалась на наших парней, пытаясь сбросить их обратно в воды Днепра.

Не один раз дело доходило до рукопашных схваток. Немцы, надо отдать им должное, - отменные воины, и мужества им не занимать. Но сделать они ничего не могли. Разведчики погибали, не выпуская оружия из рук. Их становилось все меньше.

Очередная атака. На Леву кинулся рослый фашист с автоматом наперевес. Очередь почти в упор прошла мимо, но почему-то стало жарко и мокро в правом сапо-

ге. Не чувствуя боли, он успел разрядить ракетницу в лицо врага. Потом осколок прошил ему грудь. Теряя сознание, он до последнего мгновения строчил из пулемета, не зная еще, что задачу, поставленную перед их отрядом, они блестяще выполнили. Подоспевшие части наших войск сходу вступили в бой, и вопрос форсирования Днепра был решен окончательно. О том, что им, всем восемнадцати (одиннадцати - посмертно), присвоено звание Героя Советского Союза, Лев узнает в госпитале. У него раздроблена правая нога, и осколок застрял в легких. С такими ранениями в полевом лазарете надеяться на выздоровление было сложно. И трудно сказать, чем бы все завершилось, не подоспей этот указ.

Героев Советского Союза надо спасать. И... спасли, как видите. После госпиталя, который Лева покидает, опираясь на палочку, он рвется снова на фронт, но врачи выносят приговор: к воинской службе не пригоден...

Итак, в возрасте чуть больше двадцати он заканчивает войну. Израненный, покалеченный, со Звездой Героя на груди, Лева, конечно, не знал, что позади самые звездные дни его биографии. А впереди - мрачные годы послевоенной жизни.

Он еще многое измеряет законами боевого братства, потеряв на какое-то время ощущение реальных возможностей. На войне было ясно: где враг, где свой; а здесь подножку мог подставить тот, кто, вроде бы, восхищается тобой...

Ему казалось, что титул «Герой» может быть охранной грамотой. Проскочи он страшные годы конца сороковых - начала пятидесятых, может, так бы и стало. Но не стало тогда. Возмущившись разгулом антисемитизма в стране, он заступился за своих братьев-евреев. За всех сразу. А это было все равно, что наступить на противопехотную мину. Раздался взрыв, точнее, - выстрел в спину.

- Этот наглый еврей думает, что если он Герой, ему все можно, - рявкнули в обкоме партии, которым тогда руководил Леонид Брежнев. - Найдем и на него управу, если будет совать свой нос, куда не следует...

И страшная репрессивная машина советской эпохи заработала...

Лева, получивший в предвоенные годы специальность слесаря, в это время работал мастером в мастерских детского интерната. Учил детей слесарничать и из бросовых отходов листового металла делать что-либо полезное.

Компромат был найден. Его обвиняют в хищении материальных ценностей (то бишь обрезков металла) на сумму... Будем точны, - 1083 руб. 63 коп. Потом подсчитали еще раз, и сумма слегка уменьшилась - до 86 руб. 70 копеек.

Тогда, когда судили за унесенный с колхозного поля

колосок пшеницы, этого оказалось достаточно, чтоб открыть уголовное дело. Тем более, обком партии настаивал на этом.

Но «дело» попадает в руки честного судьи. Назовем его имя - Алексей Константинович Лукашев. Не часто такие люди встречаются в эти годы на пути Левы. Сам бывший фронтовик, Лукашев из-за отсутствия состава преступления не берется судить израненного на войне солдата. Однако нашелся другой судья. Первое, что он делает - срывает с подсудимого Золотую Звезду.

- Не тебе ее носить, - злобно шипит он, вчитываясь в анкету Льва... И находит... ту злополучную описку военного писаря...

- Вот-вот. Даже здесь. Все вы, евреи, меняете свои имена на наши. Ишь, Лев Александрович! Львом Абрамовичем стыдно быть? Так, что ли?

Что ответил Гитман этому мерзавцу, - неизвестно. Скорее всего, промолчал. Он был человеком необыкновенной скромности. И, возможно, даже согласился с доводами судьи. Виновен! Куда денешься... Вот и с отчеством непорядок. Недостача тоже какая-то имеется...

Да! Судьба готовила ему роль «лагерной пыли» (так заключенных называл шеф КГБ тех лет Лаврентий Берия), если б... Если б не один человек. Маша. Его вторая жена. Первая от него отвернулась. В лагере ЯЭ 308/41 города Кривого

Рога, где содержался под стражей Лев, они официально оформили свои отношения. Сама бывшая фронтовичка, она ринулась в бой за честь своего мужа, не сомневаясь в его невинности. Гражданское мужество! К сожалению, оно не имеет четких критериев, и за него орденами не награждают. И напрасно. Маша была бы достойна самых высоких наград. Где и у кого она только не побывала в поисках справедливости! Да какой там справедливости! Это понятие цивилизованного общества сюда не подходит. А другого - для нашего - не существует. Гаевой, Брежнев, Ковпак, Ворошилов - это имена тех людей, с которыми Маша лично встречалась. Они тогда были на вершине власти и могли решить все одним телефонным звонком. И, в конце концов, - «решили».

Срок пребывания в заключении Гитману сократили с 10 до 5 лет. Конфискованные награды и Золотую Звезду Героя не вернули. Оплеванный, оклеветанный, он, не выдержав страшных душевных ран, которые не лечат даже самые искусные эскулапы, умер в возрасте 57 лет с единственной наградой, которую соизволили ему восстановить - «инвалид войны 1-й группы».

* * *

Я и раньше знал об этой истории. Знал так, в общих чертах. А теперь, побывав в гостях у Маши (простите, Марии Семеновны), услышав ее сбивчивый рассказ, увидев бусинки слез, которые то и дело катились по ее щекам, я вдруг сам ощутил ту неутраченную боль обнажен-

ного, натянутого, как струна, нерва. Растоптали человека. Какого человека! И за что?! От возмущения хочется самому заорать, засвистеть, затопать ногами...

Давайте же еще раз вспомним о Герое войны Льве Гитмане в дни празднования 55-летия Дня Победы. Победы, в которую он вложил себя без остатка. Он один из тех, кто спас мир, страну. Страну, которая затем оплевала и погубила его.

О нем написано много. И у нас, и за рубежом. Но, кроме скромного обелиска на его могиле на Сурско-Литовском кладбище, - ничего больше. Когда-то писатель Александр Крон «извлек» из небытия героя, моряка-подводника Александра Маринеско. Тоже оплеванного и униженного властью. Волна людского гнева за содеянное с этим человеком тогда прокатилась по стране. Маринеско (его семье) вернули награды, установили обелиск на родине. Его именем названо мореходное училище в Одессе. Разве у нас - не такая же ситуация?

А пока памятником ему (и пусть это будет нашим утешением) служит непреходящая любовь Маши. Низкий поклон от всех нас ей за это. Ее любовь не смогла защитить Льва от безвременной смерти, но, даст Б-г, подарит ему бессмертие.

«Шабат шалом» № 5, 2000 г.

НА ФОТО:

1. Первые послевоенные годы.
2. Вся необходимая информация есть на самой фотографии. Посмотрите внимательно. Лев Гитман в первом ряду в центре.
3. «Моему другу, мужу, товарищу Левоньке Гитману в дни вступления с ним в нашу новую жизнь. Лагерь ЯЭ 308/41, Кривой Рог, 6-7-8-9/XII 1959 г.» (надпись на обороте этой фотографии).
4. Маша в молодости.
5. В глазах этих людей светится счастье. Они любили друг друга. И это было сильнее всего.

Небо для счастья

На этого человека меня вывел приятель, который знал о моем пристрастии к «коллекционированию» биографий евреев с необыкновенной судьбой: тех, кто прошел страшные сороковые, став жертвой звериной фашистской идеологии.

В их жизни случались такие лихие закрутки и зигзаги, что просто дух захватывало.

Вот человек, которого дважды расстреливали. Раз немцы, другой - наши. А вот этого, когда он был мальчишкой, выстрелом в лицо «убил» полицай. Спустя много-много лет они сами мне об этом рассказали.

Был у меня и знакомый, которого, когда ему было несколько лет от роду, вытолкнула из братской могилы мать. Они оба упали туда, чуть опередив автоматную очередь палачей. Теперь он крупный ученый, известный металлург.

Или еще...

По улицам нашего заснеженного зимнего города бегут мать и две ее дочери - девочки-подростки. За ними гонится стая эсэсовских бандитов - натренированных, поджарых и быстрых, как пантеры.

И они от них убежали. Добежали до нашего времени. До жизни в Израиле...

И вот звонок моего друга:

- Слушай! Познакомился с одним интересным че-

ловеком. Зовут его Каган Исаак Исаевич. Отпахал всю войну. Был штурманом морской авиации. Весь в боевых орденах. Ему сейчас 80, но он в полном порядке. Еврей - военный летчик! Ну как? Если хочешь, могу дать телефон...

- Ты знаешь, это не мой профиль. Если б он был жертвой, - другое дело...

Такова была первая моя реакция.

- А впрочем... - держу паузу. Действительно, наверное имеет смысл расширить рамки моей карточки. Были жертвы фашизма, но были и те, кто с ним боролся. Бесстрашно. Насмерть. И победили, в конце концов. Евреев среди них имелось достаточное количество. А у меня - ни одного. Надо этот пробел восполнить.

- ... Да! Да! - ору в трубку, опасаясь, что телефон вот-вот отключится. - Диктуй координаты. Встречусь с ним обязательно.

* * *

После долгих переговоров (то я был занят, то у Исаака Исаевича не получалось), мы, наконец, увиделись.

Сидим у него в квартире. За столом. Друг против друга. Я рассматриваю своего собеседника...

Строгий пиджак, зачехленный снизу доверху орденскими планками. Волевое лицо. Выбеленные сединами волосы. Собранный. Подтянутый. Таково первое впечатление...

Он подготовился к нашему разговору: на столе ворох фотографий. Это облегчает «путешествие» в прошлое.

Перебирая и рассматривая снимки, мы «опускаемся» на глубину 50, 60, а то и 70 лет и оттуда, перескаки-

вая через годы и десятилетия, поднимаемся к нашим дням.

Да, биографию ему сделала война. Он начинал жить под ее диктовку задолго до июня сорок первого. Да и не только он. Вся огромная страна, десятки миллионов людей ощущали неотвратимость очередной человеческой бойни.

Середина тридцатых. Вот он в группе крепких парней. Команда стрелков (ворошиловских, естественно) металлургического института, студентом которого он тогда был. Чемпионы области. В то время это был самый популярный вид спорта.

Молодежь должна была стрелять отлично. Попадать «в десятку». Это должно было пригодиться больше, чем инженерные знания.

В те же студенческие годы он попал и на курсы штурманов. Зачем? Так, на всякий случай, который не заставил себя долго ждать...

- А «пятая графа» не помешала? Ведь на такие престижные военные специальности, как штурманы, летчики, - брали далеко не всех, - спрашиваю я у Кагана, рассматривая его портрет тех лет.

- Нет, антисемитизма я не ощущал. Тогда важнее было другое. Иметь пролетарское происхождение, здоровье, молодость. И еще... Быть членом партии.

Не знаю, так или нет. Наверное, еще нужно было что-то иметь... Ведь ему удастся не только попасть в военную элиту тех лет. Сразу после окончания института он был включен в группу специалистов по разработке секретного спецзадания. Нужно было на одном из заводов Приднестровья освоить производство артиллерийских снарядов методом литья (до этого их штамповали). И не до мандатных чисток тут уж было. Военный заказ должен быть выполнен. Кем, каким образом - это второй вопрос.

А у молодого специалиста, помимо пролетарского происхождения, была еще на плечах светлая голова. Однако овладеть секретной профессией литейщика ему все-таки тогда не дали.

22 июня началась война. Повестку в военкомат он поучил 23-го.

Наступила Новая Эра. Эра Великой Отечественной. Для него она началась с Ейского летного училища. Тогда долго не учили - комплектовали экипажи для бомбардировщиков (пилот, штурман, стрелок-радист) - и в бой.

Уже в конце сорок первого он на передовой. Воюет под Севастополем. В его рассказе о вполне, с моей точки зрения, романтической воздушной профессии штурмана все выглядит достаточно прозаически, буднично.

Чем он занимался во время боевого вылета? Прокладывал курс самолета по карте к цели и, где нужно, нажимал на гашетку. Давал ход эдаким маленьким толстенным «поросеночкам», начиненным взрывчаткой. Искусство состояло в том, чтобы произвести эту опера-

цию там, где нужно. Ошибки быть не должно. Сами понимаете, почему.

Вот и все подробности. Его коллега - военный летчик Экзюпери - был более красочен в своих воспоминаниях.

Но дело не только в нашем герое. Сколько лет прошло? Запоминается в таких случаях только нечто необычное. Неординарное. А тут все обыденное. Без приключений. Знаете, кто имеет право на приключения? Дилетанты. Чем выше профессионализм, тем их меньше.

Так это или нет, - многое все-таки забылось. Он долго рассматривает фотографию своего первого боевого экипажа (вы, уважаемые читатели, тоже можете ее рассмотреть). Справа - он, штурман. Слева - Алексей Кравцов, днепропетровец. Ныне профессор, металлург. А вот, кто в центре, - забыл. Забыл напрочь. На обратной стороне фотографии четким мужским почерком выведено:

Моей любимой и родной жене от командиров Р.К.В.М.Ф*. Асенька! Победа будет за нами. Не скучай, скоро увидимся.

Изя. 29.VII.41 г.

А скоро не получилось. Впереди были еще долгих четыре года войны и служба на Севере, куда он попадает в конце того же сорок первого. Место приписки - г. Северогорск (Ваенга), где базируется пятая минно-торпедная дивизия Военно-Воздушных сил Северного Флота. Они бомбили немецкие аэродромы, военные базы, надводный и подводный флот.

Летали, когда позволяла погода. И когда нет, - тоже.

*Р.К.В.М.Ф. - Рабоче-Крестьянский Военно-Морской Флот - аббревиатура тех лет.

Густые туманы, штормовые ветры были опасны не меньше «мессершмиттов».

Хотя нет. Немецкие воздушные пираты были все-таки опаснее.

Их «ИЛ» срубил немецкий асс, незаметно зашедший в хвост. Это был просчет стрелка-радиста. Он стоил жизни их машине. Пулеметная очередь прошла не только мотор самолета, но руку и плечо штурмана.

Это могло быть концом. Однако ему хватило сил, запаса высоты, чтоб отстегнуть ремни, раздвинуть створки кабины и вывалиться из горящей машины.

Он приземляется, точнее, приводняется, в ледяную купель Северного моря...

Ну вот! Наконец мы добрались до приключения. Я жду подробностей. Замер, как охотничий пес перед дичью. А старый штурман усмехнулся:

- Чем все завершилось - сами видите. Я перед вами. Меня тогда подобрали наши моряки. Кажется, я даже замерзнуть не успел...

Ранение привело его к инвалидности. Рука перестала подчиняться. Он, конечно, мог бы воспользоваться этим и демобилизоваться. Но... не захотел. Кроме рук, есть еще голова. В авиации она ценится более всего.

Лейтенант Каган возглавил узел связи своей дивизии. Младший офицер на должности полковника. Теперь на земле он должен был знать все о противнике и принимать решение, куда и кого направить для его уничтожения. Иногда это были головоломные комбинации, которые решались в режиме цейтнота. Главная задача - обеспечение безопасности караванов кораблей, следующих в незамерзающий порт Архангельск с военной помощью союзников. В те годы новая служба свела его с двумя знаменитостями. Теми, кто вершил человеческие судьбы военных лет: Гарриманом (послом США в СССР) и Моло-

товым. Они прибыли в их часть, чтобы познакомиться с личным составом.

Да, незаметно для самого себя, он стал осваивать командные высоты, на которых остался и в послевоенные годы. После Победы, после 45-го, он снова в своем родном городе.

Так сложилась судьба и у него, и у его родных и близких. Война их пощадила. Они снова все вместе, а он возвращается к своей мирной профессии - металлурга-литейщика.

У него прекрасная стартовая база: фронтовик, боевой офицер, орденосец. Член партии. Это перевесило все прочие «недостатки» биографии и позволило достаточно быстро занять пост зам. директора завода «Светофор».

С нее, с этой должности, он и уходит на пенсию, аж в 92-м году, - всего пять лет назад. Вот такая сложилась благополучная жизнь. Вот такая его планида.

Ну, а где же еврейство? Неужели оно никак не сказалось? На всех сказывалось, а на нем - нет!

Прошагал по жизни парадным шагом, не сбившись с него, не оступившись. Никто не пытался сделать подножку...

И несколько замешкавшись, спрашиваю его об этом.

- Не люблю подобных тем. Вы уже, наверное, почувствовали. Мы, евреи, порой списываем на «пятую графу» свои собственные проколы, которых у каждого из нас

Исаак Каган -
штурман морской авиации

предостаточно. Хотя... Конечно... Есть и у меня свой счет, свои вопросы. Почему в армии застрял на лейтенанте? На должности полковника надо присваивать звание полковника. Мне не присвоили. Почему не вышел на директора, а всю жизнь пропахал в замах? Пять директоров сменилось, а мне так этот пост и не предложили! Впрочем, достаточно. Давайте больше не будем об этом.

Ну что ж, - не будем, так не будем. А оно, еврейство, - и без этих вопросов проявляется то здесь, то там. Иногда самым неожиданным образом.

Вот и сейчас. Семья дочери переехала в Израиль. Живет там более семи лет. Недавно пришло оттуда сообщение: внук Станислав призван в армию. Израильскую, естественно. Дед послал внуку поздравление по этому поводу и свою военную фотографию с такой надписью: «Защитнику исторической родины от солдата второй мировой».

- Возможно, в этом и есть смысл моей жизни, - говорит мой собеседник, - обеспечить внуку возможность выбора: что и кого защищать. Пусть над ним, над его страной будет только мирное небо. И над нашей - тоже. Небо, которое я когда-то избородил вдоль и поперек с бомбами под фюзеляжем, должно быть для солнца, облаков, птиц, счастья, наконец. Ведь только счастливые смотрят в небо. Несчастливые - себе под ноги.

«Шабат шалом» № 2, 1998 г.

*Штурманские разборки.
Р. Гольдштейн - в центре*

Китайский пилот и к тому же еврей

В небе над Северной Кореей китайский пилот реактивного истребителя МИГ-15 Мин-Хок-Ляй общался с товарищами и землей по радио открытым текстом... на хорошем русском языке. Поскольку китайского он не знал. Китайского летчика звали Роман Наумович Гольдштейн...

Мне давно хотелось познакомиться с кем-нибудь из тех, кто воевал в нелегальных, закрытых войнах, которые вела Страна Советов в 50-60-х годах. Однажды меня даже познакомили с бывшим танкистом-евреем, который воевал на стороне Египта против Израиля. Он этого не скрывал, но от публикации о нем категорически отказался:

- Ты что, парень! Хочешь, чтоб меня достали израильские спецназовцы?

И вот, случай меня свел с Романом Наумовичем, принимавшим участие в войне Северной Кореи с Южной. Точнее, свел не случай, а брат Романа Аркадий.

Согласитесь: летчик реактивного истребителя, воевал под китайским именем, катапультировался с падающего самолета. О таком человеке есть что написать.

И вот мы сидим в небольшой квартире майора в отставке Романа Наумовича Гольдшейна.

Говорит он медленно. Иногда замолкает, и в паузах этих, видимо, что-то ему вспоминается. Может, молодость, а может, небо.

- ...Только не делайте из меня героя. Я был обычным мальчишкой своего времени. В детстве заболел авиацией. Читал все, что о ней тогда писали. Мастерил макеты планеров, самолетов.

В сорок первом, после окончания седьмого класса поступил в Днепропетровскую спецшколу ВВС. Нас называли «потешными войсками Наркомпроса». Учиться нам не довелось - началась война. В эвакуации, в Семипалатинске, поступил в такую же школу и после ее окончания в сорок пятом стал курсантом Кустанайского летного училища. Там осваивали самые совершенные на то время истребители ЯК-7 и ЯК-9. Училище окончил по первому (самому высокому) разряду. Среди выпускников - два еврея. Я и Вольнов. Никакой дискриминации на этом этапе не было, хотя сито, через которое просеивали летные кадры, имелось. В основном, велись социальные разбирательства - у кого отец или дед - кулак, у кого родственник «враг народа», или еще страшней - находится за границей. У меня все было чисто.

Началась служба. Карши, Баку, Подмосковье. В Баку впервые сел за штурвал реактивного истребителя

МИГ-15. Это была машина супер. Скорость - почти вдвое выше, чем у предыдущих конструкций. Чтоб доверили такую машину, характеристика у летчика должна быть безупречной. И вот я в 51-м году получил «правительственную командировку» в Китай.

Началась война Северной Кореи с Южной, в которую на стороне Северной Кореи неофициально ввязался Советский Союз. Южную Корею поддерживали Штаты.

В Корею аэродромов не было, и авиация базировалась в Китае. Наша часть располагалась в городе Андун на аэродроме Фын-Хуан-Ген. Я летал под именем Мин-Хок-Ляй. Задача - охрана от американских бомбардировщиков стратегических объектов: моста через реку Ялудзинь и электростанции на этой же реке.

Нет, янки не сбивал. Сбивать - удел ведущих, а я был ведомым, т. е. прикрывал своего напарника. А он несколько «сеибров» завалил.

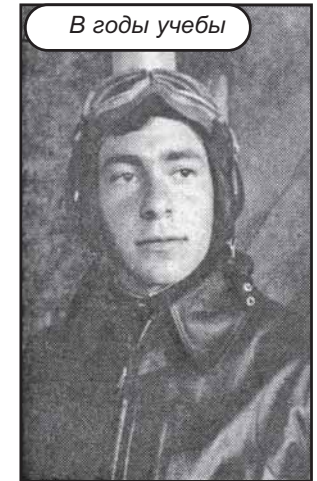
Потом наступил 53-й год. С делом врачей. В нашу часть пришел циркуляр - всех евреев демобилизовать и вернуть в Союз. Командир полка вызвал меня к себе и сказал:

- Мне плевать, какой ты национальности. Главное - какой ты летчик. И куда отправлять тебя я не стану. Тем более что значишься ты не под своим именем.

В общем, я служил, совершал боевые вылеты, а в зачет все это шло не еврею, старшему лейтенанту Роману Гольдштейну, а китайцу Мин-Хок-Ляю.

Хотя искать выход из критических ситуаций прихо-

В годы учебы

дилось совсем не мифическому китайцу. Как-то МИГ из-за технической неисправности сорвался в штопор. И теперь не у китайца Ляй, а у еврея Гольдштейна было всего несколько секунд на принятие решения. Нужно было катапультироваться. Но машину, падающую камнем, крутило винтом...

- Я нажал кнопку отстрела сидения, - говорит бывший летчик. - О том, что чем-то рассек голову, узнал уже на земле, так как от удара потерял сознание. Войну в Корею закончил, как и начал, старлеем и без наград, так как ни в каких списках не значился. Это притом, что все, кто со мной служил, значительно поднялись в чинах. И были при орденах и медалях.

Только спустя много лет, уже в новом качестве - зам. начальника штаба полка Московского округа ПВО - получил звание майора. А должен был... Впрочем, не надо об этом. Конечно, осадок после тех лет остался. Армия - структура, где нужно делать карьеру. Нет роста, и ты попадаешь в разряд неудачников. Значит, в тебе есть что-то, что не позволяет расти, - так рассуждают многие. Мне помешала вполне объективная причина. Пятая графа. Почти сорок лет спустя государство устыдилось своего антисемитизма. В годы перестройки майор в отставке Роман Аркадьевич Гольдштейн как воин-интернационалист был награжден грамотой Президиума Верховного совета СССР за подписью Михаила Горбачева: «За мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении интернационального долга».

«Шабат шалом» № 3, 2002 г.

Самолеты и скрипка

Самуил Львович КАБЛОЦКИЙ родился в 1909 году в местечке Смела, в семье кузнеца Лейба-Пейсаха. Учился в хедере, пел в хоре местной синагоги, отлично играл на скрипке. В 1931 году по призыву комсомола был зачислен в Харьковскую авиационную школу... Прошел всю войну штурманом авиационной корректировочной эскадрильи. Попадал в окружения и с боями выходил из них. Войну закончил в звании капитана и в должности начальника штаба эскадрильи. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной Войны 2-й степени, медалью «За боевые заслуги». В 1956 году награжден орденом Ленина - высшей наградой страны по тем временам. После армии работал учителем труда в днепропетровской 24-й школе. Умер в 1986 году после двух инфарктов, полученных уже в мирные годы...

О том, что он перенес два инфаркта, стало известно после его смерти. Летчик все держал в себе. Все свои неприятности. А он был легко раним. И эти неприятности (иногда - просто слова) порой попадали в него, как зенитные снаряды, от которых Б-г его хранил в годы войны. Эти «залпы» оставили шрамы на его сердце.

Так случилось, что пришлось старому штурману обратиться с просьбой к кому-то из городских чиновников (требовать бы надо, а не просить, ведь по вине строи-

тельного треста мог рухнуть дом, в котором он жил с семьей) помочь в ремонте жилья. Родные и близкие посоветовали ему надеть все ордена и медали. Пусть, дескать, видит, кто пришел. И знаете, какая реакция была у этого чиновника?

- А что это вы нарядились? Вот придет День Победы, тогда и надевайте, а мы вас посадим в почетный ряд и будем вас чествовать. Кстати, настоящие участники войны не вернулись и давно лежат в земле...

Так, одной небрежной фразой, человек, прошедший всю войну «от звонка до звонка», был низведен в ранг «ненастоящего участника». И летчик ушел ни с чем. Не стал ничего доказывать.

И мне ничего не остается, как сделать это вместо него. Нет, не для того, чтоб оправдаться (за что и перед кем?). А в надежде, что, может, жив еще тот чиновник, и что прочтет он эти строки... И ему станет на старости лет стыдно. Смешно, не правда ли? Но тем не менее...

Самуил Львович в авиации служил с начала тридцатых. Войну встретил в двадцати километрах от границы. Дать отпор врагу их часть не смогла. Половина самолетов стояла на ремонте, некоторые - без горючего.

Отступали летчики в «пешем строю». Без техники и почти без оружия. Ножи и ракетницы не в счет. В этом страшном человеческом водовороте первых дней войны они сохранили свою часть - 15-ю отдельную корректировочную авиационную эскадрилью. Сохранили специалистов, штурманов, пилотов, механиков - всех тех, без кого любая эскадрилья летать не может.

Лейтенанту Каблоцкому удалось сохранить еще одну совершенно, казалось бы, ненужную на войне вещь. Свою скрипку. Скрипка - хрупкий, нежный инструмент - была как бы гарантом грядущих побед, возвращения к мирной жизни... И не только для ее хозяина. Для всей эскадрильи, которая уже в конце сорок первого приступила к выполнению своих основных обязанностей корректировочной авиации. Ее задача - увидеть, услышать, засечь противника, скорректировать огонь артиллерии. Для этих целей современная скоростная авиационная техника не годится. В дело идут тихоходные машины - ПО-2 и И-2, которые на бреющем полете могут буквально стелиться над землей. И летят они с такой скоростью и на такой высоте, что сбить их можно метко брошенным камнем. Но они летали именно так (иначе ничего не увидишь и не услышишь), и швыряли в них не камни, а вели прицельный зенитный огонь. Штурману Каблоцкому необыкновенно везло. Всевышний покровительствует ему.

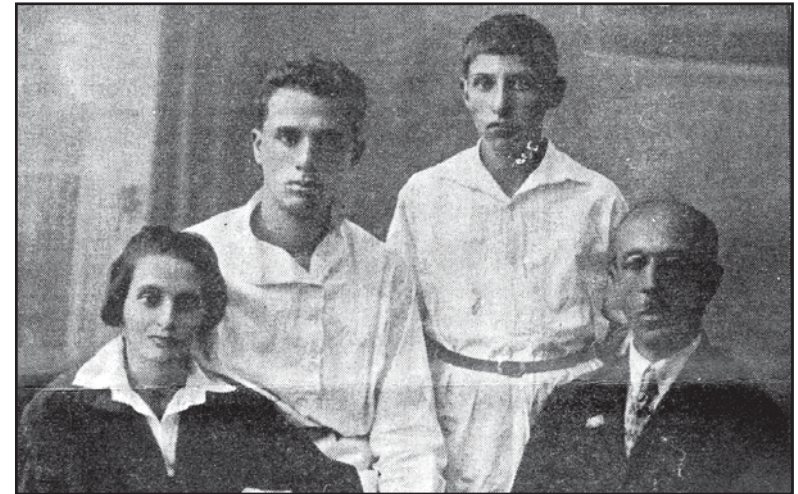
Война заканчивается братанием с союзниками на Эльбе. Он - капитан, начальник штаба эскадрильи, при боевых орденах и многочисленных благодарностях Верховного Главнокомандующего. И самое главное - с семьей тоже все в порядке. Его ждут любящая жена Софья и трое ребятишек. Чего еще можно желать? Но он остается в армии, где рост по службе и присвоение очередных воинских званий - естественный ход событий. Нет такого продвижения - готовь рапорт на увольнение. Идут годы. Дело движется к пятидесятым - с разгулом антисемитизма, борьбой с космополитизмом, делом врачей... Но Самуила Львовича все это как будто бы и не касается. Он не только получает очередное звание - майора, его направляют на дальнейшую учебу на Центральные Высшие авиационные курсы. Туда попадают лучшие из лучших. Там куются кадры комсостава армии. Окончившие их под-

нимаются, как минимум, на одну, а то и на две ступеньки. То бишь майор может стать полковником. Однако майор Каблоцкий, один из немногих, окончивших курсы с отличием, остался майором. И служить после них направляют его в Забайкалье. «Ну и что в этом такого? - могут сказать многие. - Кому-то ж и там, в Забайкалье, нужно служить». Это действительно так. И все было бы ничего, если б не оскорбленное самолюбие, явная дискриминация, очевидная несправедливость.

Обиду свою от всех утаил. И только потом стало ясно, чего она ему стоила. Первого рубца на сердце.

Рубцы на сердце. Они его могли свалить значительно раньше. Но он держался. Знаете чем? Скрипкой. Она ему служила верой и правдой не только в светлые дни жизни. У него был абсолютный слух, и скрипка вторила малейшему его настроению. Он играл на ней с высоко поднятой головой, вглядываясь в то свое небо, которое не знает, что такое фальшивая нота.

«Шабат шалом» № 6, 2002 г.

«Оскара» - за жизнь

ГАЛЬПЕРИН Бернад Исаакович, 1916 года рождения, прошел всю войну от звонка до звонка, офицер запаса, дважды уходил из-под расстрела: сначала у немцев, затем - у своих. Был в плену. Партизанил. Смывал кровью в штрафбате «позор» пленения. Общался с маршалом Жуковым. Был проводником немецкого горнострелкового подразделения на Кавказе. Несколько раз побывал на «том свете» и, ничего хорошего там не обнаружив, возвратился обратно. После войны освоил профессию художника-реставратора. Восстанавливал соборы, церкви, старинные иконы. Здесь и за рубежом. Теперь, естественно, на пенсии, но не на отдыхе. Все время что-то делает. Мечтает попасть на передачу «Поле чудес» и готовит для этого Якубовичу альбом своих аппликаций. Ему нужно передать оттуда приветы тем, кто его помнит. А главное, чтоб увидел старший брат, который порвал с ним отношения еще в годы

войны. Он не смог простить младшему плен, в котором тот побывал более полувека назад.

В силу своего возраста и многих болезней, доставшихся мне от войны, я мало хожу. Обо мне в книге Рема Суворова «Дорога в бессмертие» опубликован очерк. Офицер запаса. Дважды побывал в мертвецких. Есть много документов, фотоальбомы, именные памятные часы. Был в плену, в партизанах. Работал в Израиле от Украины. Родиной считаю город Екатеринослав, где родился и который оборонял и освобождал в годы войны. Приходите, созерцайте, записывайте!

С уважением,

Гальперин Бернад Исаакович,
ветеран войны

Вот такое письмо (здесь оно сокращено) передал мне председатель Совета ветеранов Хесед С. Б. Басс:
- Прочитайте. Думаю, вам будет интересно познакомиться с этим человеком. Тем более, в прошлом он тоже был альпинистом, - сказал он, протягивая мне конверт.

И вот мы сидим в небольшой комнате Гальперина, забитой книгами, полками, какими-то ящиками.

Крепкое (еще крепкое) рукопожатие. Глубоко запавшие живые глаза, высокий лоб с залысинами. Конечно, восемьдесят три года никуда не денешь, но стариком его называть не хочется. Огонь жизни в нем далеко еще не угас, и это хорошо ощущается.

- Вы меня извините за беспорядок. Ремонт никак не закончу. Делаю все сам, а сил уже не хватает...

Он лихорадочно роется в папках, бумагах... Достает книгу с рассказом о нем, грамоты, альбомы. Опасается, что трудно будет поверить в то, что сейчас расскажет, и понадобятся доказательства.

Да, жизнь у него сложилась по крутому сценарию, в котором он был исполнителем Главной Роли.

Как от любого артиста, роль потребовала перевоплощения. Ошибись, не сыграй убедительно - лента жизни тут бы и оборвалась...

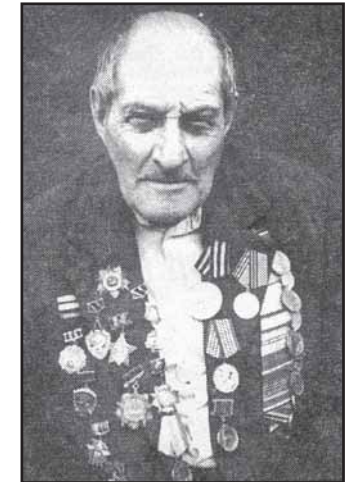
Но не оборвалась... Еще и потому, что он обладал холодным аналитическим умом. Мог, как классный шахматист, рассчитывать на много ходов вперед каждую возникающую перед ним задачу.

Все, что нужно сказать предварительно, - произнесено. Теперь я вас приглашаю в «кинозал». Включайте воображение...

Название картины - «Сто везений в одной жизни». И не опасайтесь. Времени много не потребуется. Мы вам покажем только отдельные фрагменты этой ленты...

...Предвоенные годы. Середина тридцатых. Типичная еврейская семья тех лет. Родители чтят еврейство, дети - двое подростков Саша и Бернад - нет. Ни языка, ни еврейских традиций они не знают, и знать не хотят (потом отсутствие «налета» своей национальности, акцента, характерного местечкового диалекта - спасет жизнь одному из них). Единственное, что было выполнено в соответствии с иудейскими канонами в положенное время - мальчишки подверглись обряду «брит-мила».

А так - все, как у всех. На каждом возрастном рубеже они - пионеры, комсомольцы, спортсмены. Успели до войны отслужить в армии.

Бернард в эти годы увлекся горами и исходил весь Кавказ, побывал на многих вершинах. У него по сей день на лацкане пиджака красуется довольно редкий значок - «Альпинист СССР первой ступени». Благодаря этому он научился читать карты, пользоваться компасом, ориентироваться по звездам, спать под открытым небом. И еще освоил немецкий.

Война. Она разводит братьев. Выпорхнув из родительского гнезда, они больше никогда не увидятся. Старший оседет в Москве, возле высшего армейского командования, станет видным политработником Советской Армии, автором нескольких книг...

У младшего дорога иная. Судьба готовит ему чашу всевозможных приключений, которую он опорожняет до дна.

Жаркое лето сорок второго. Бернард командует взводом противотанковых ружей. Солдаты молодые, необстрелянные. Он учит их всему, и, прежде всего, - как пользоваться нехитрой техникой. Пока вражеских танков нет, - стреляют по немецким самолетам. И - о чудо! Он сбивает низко летящую «раму» - самолет-разведчик.

Получает боевой орден... Однако ни эту награду, ни следующую ему носить не придется.

Харьковский «котел». Окружение. Тысячи и тысячи наших солдат сдаются. Плен... Еврей, офицер!!! Чтоб спастись при таких «достоинствах», нужно исчезнуть, раствориться и иметь, хоть какие-то, но... другие документы.

Свои вместе с наградами зарывает в лесу. Вместо них у него «липовая» справка с печатью - умельцы делали штамп из сырой картошки. Теперь он осетин. Зовут его Барлей. Преследовался Советами, сидел в тюрьме. Поэтому и сдался. И тем не менее... попадает в группу смертников (без справки его бы расстреляли сразу). Здесь офицеры, комиссары, евреи. Точнее, те, кого подозревают в этом. Их держат за колючей проволокой. Отсюда

выход один - расстрел. Рано или поздно. Впрочем, он нашел еще один. Побег.

С ним уходит еще один парень - весь в веснушках, картавит, и у него неистребимый местечковый говор.

- Ты еврей?! - спрашивает Барлей (будем теперь и мы так его называть).

- Да! А ты?!

- Нет. Я осетин. Разве не видно?..

Он знает, что видно... Нет такого предательского акцента, веснушек, большого носа. Это были тогда смертельные отметины. И мальчишка тот, в конце концов, из-за них погибает. Его выдал местный житель, который выслуживался перед новой властью.

Для военной статистики тех лет он - без вести пропавший. Для брата - предатель, сдавшийся в плен немцам. А на самом деле? Воюет в одном из отрядов, входящих в партизанское объединение Ковпака. Здесь он снова Гальперин, офицер Советской Армии. Знание немецкого делает его особенно заметным бойцом.

Диверсионные вылазки, уничтожение живой силы (так говорят в военных сводках) противника, взрывы мостов - дело для партизан обычное. А ему еще (помог немецкий язык) удалось «привести» в отряд фашистского штабиста с ценными бумагами. Награда за это - очередной орден. Который, как и предыдущий, никогда не украсит его грудь...

Одиссея военных лет делает очередной виток. Отряд попадает в засаду. Окружение. Короткий бой. Им предлагают сдаться. Снова плен? Дважды в одну реку не ступают. И ему удается скрыться в лесной чащобе.

Обстоятельства потребовали очередного перевоплощения. Слава Б-гу, та справка при нем. Куда должен идти горец? Конечно, домой, в горы. В Осетию. А это сотни километров - по тылам, где каждый день, каждый ки-

лометр могли стать последними. Передвигается ночью, питается, чем Б-г пошлет. Только так долго не продержишься. Где-то возле Нальчика нашел листовку германской комендатуры. Нужен в качестве проводника местный житель (карачаевец, кабардинец, осетин), знающий горы и немецкий.

У него, кроме всех названных качеств, было еще одно, - к счастью, невидимое. Еврейская голова. Принимается единственно правильное решение: легализоваться. И он идет прямо в лапы гестаповцев.

- Я знаю горы и могу быть вам полезен...

Ему устраивают экзамен по топографии. На слово здесь не верят. Подводят к карте Кавказа и тычут указкой в разные места. Что за ущелье, где тропы, как выйти на перевал? Ошибись - головы не сносить... Не ошибся, как видите.

Теперь он ведет отряд горных стрелков в сторону Главного Кавказского Хребта. Задача - перевалить его и выйти в тыл к нашим. Егеря в теплой высокогорной одежде, он в пиджаке, кирзовых сапогах (обычный «наряд» местных жителей). У немцев усиленный рацион питания, у него - то, что остается после них. Тупик ущелья. Впереди заснеженные вершины Кавказа. «Осетин» говорит офицеру - командиру отряда, что нужно разведать перевал, определить, в каком он состоянии, а потом уже идти остальным. План одобрен. С веревкой, ледорубом и запасом продуктов (которые он предусмотрительно рассовал по карманам) ему уже теперь все нипочем. Крутые скалы, трещины, ледопад и... - ищи ветра в поле. Точнее, в разломах ледника, который уже с другой, южной стороны подходит к хребту.

Еще немного, и до темноты он успеваает добраться к своим.

Рассказ перебежчика кажется невероятным,

и «смершевцы» «шьют» ему дело. Сдался в плен, бросил на поле боя оружие, сотрудничал с немцами. По законам военного времени более чем достаточно для высшей меры...

Впрочем, над его головой, как полярная звезда, позволяющая безошибочно ориентироваться в лесу и горах, горит еще одна. Его звезда. В день, когда приговор должен быть приведен в исполнение, выходит приказ Сталина о штрафбатах.

Провинившиеся теперь могут смывать позор кровью. Своей, естественно.

Штрафбатом, в который он попадает, командует... нет, не человек. Зверь. Немец-антифашист. Надо отдать ему должное. Он и себя не жалел. За что получил Золотую Звезду Героя. Тем не менее, был злобным, мстительным. Штрафбат «опорожнял» за несколько дней. По поводу и без гнал людей под пули. Одна из них попала Бернарду (он снова воюет под своим именем) в шею, в нескольких миллиметрах от сонной артерии...

Он не смывает «позор», а буквально умывается кровью. И это позволяет штрафнику стать тем, кем был раньше. Ему возвращают военный билет, офицерские погоны.

Прежде чем вернуться после госпиталя в строй, Гальперин пытается помочь выжить тем, кто еще остался в штрафном батальоне. Он ищет встречи с Жуковым. Это был единственный человек, который мог разобраться где, правда, а где - нет.

Война - дело жестокое, запутанное. Справедливость с возмездием встречаются не очень часто. «Ходоки», а их было несколько человек, рискуя головой (ошибись они в своих жалобах - не сносить им ее), добрались до маршала.

Разговор был короткий. Жуков сел в «виллис»,

который просел под его грузным телом, и велел им расположиться рядом. В батальоне собрал всех в одну землянку и попросил высказаться начистоту. Выслушав солдат, он подошел к комбату, сорвал с него погоны и вывел вместе со взводом автоматчиков на улицу.

- Если считаете его виноватым, - сказал он, - стреляйте.

Раздался залп...

Потом начались бои. В Польше, Румынии, Чехословакии. Дважды побывал на том свете. Ну, не совсем на «том», скорее, потоптался в прихожей небесной канцелярии, и его оттуда попросили. «Не время», - кто-то там сказал. Тем не менее, два раза его увозили в мертвецкую...

Во время боя его контузило. Потерял сознание. Когда очнулся, обнаружил себя в груди уже остывших тел. Под морг был использован амбар, закрытый на замок снаружи. Выбраться можно было только через окно, но сам он этого сделать не мог. Стал кричать, звать на помощь. А за стенами амбара шла своим чередом жизнь. Какой-то солдатик с медсестричкой, забыв обо всем на свете и в том числе, что рядом - груда трупов, занимались любовью. Увидев «мертвеца», показавшегося в окошке, девушка дико закричала и бросилась бежать... Солдатик - за ней. К погоне подключился и патруль с красными повязками на рукавах - решили, что девушку надо спасти от насильника. Ну, а когда разобрались, в чем дело, всей компанией вернулись к амбару и высвободили оттуда воскресшего офицера.

Второй раз... Нет, это уже не война. Она давно закончилась. Но остались раны. И однажды в госпитале он... умер. Во всяком случае, так решила дежурная медсестра. Пульс не прощупывается. Зрачки на свет не реагируют. И бездыханное тело отвозят в морг. Уже настоящий.

И он вновь приходит в себя и в очередной раз возвращается в мир - мир искусства.

Он художник-реставратор. Теперь уже не его спасают врачи, а он сам - спасатель. Спасатель старины. Его руки возвращают к жизни церкви, соборы, иконы, картины. Таких мастеров, как он, - наперечет. У него - имя, авторитет, Эти достоинства и приводят его в Израиль. Там есть что спасти. Два месяца он провел на «исторической родине», пытаясь и себя представить жителем этой страны. И не представил. Он, оказывается, консерватор и чтит все, что его связывает с прошлым. Родину, как и родителей, не выбирают. Она у него одна - там, где он родился, вырос, умирал и... жив по сей день. Вопреки всему.

Но... и это уже (Израиль и работа там) в прошлом. Когда тебе за восемьдесят, многое остается позади. Много, но не все. Что-то остается и для лет грядущих. Кое-что нужно успеть сделать. И прежде всего - найти брата (если жив, конечно, еще), который так его и не простил. Более полувека не звонил, не писал. А где-то есть в Москве его племянники, их дети. И внуки уже, наверное, есть.

Ну вот! Зажигается свет в зрительном зале. «Фильм» завершен. Согласитесь! За сценарий и главную мужскую роль можно давать любые, самые высокие награды. Можно и «Оскара» - за прожитую жизнь.

«Шабат шалом» № 4, 2000 г.

НА ФОТО:

Конец 30-х. Семья Гальпериных в полном составе. Слева направо: мама Ента Мордуховна (для всех - Елена Марковна), сыновья Саша и Бернард, отец Исаак Давидович

Почетный пограничник

Днепропетровец Григорий Исаакович Обелевский, 1925 года рождения, бывший разведчик, участник Сталинградской битвы и освобождения Днепропетровска. Он окончил Академию Комитета Госбезопасности - факультет погранвойск. Многие годы охранял границы страны. Награжден многими орденами и медалями.

В начале войны ему только шестнадцать. Всего шестнадцать. Он весь пока еще в мирной жизни. Комсомолец, отличник. И спортсмен. Ему в спорте пророчили большое будущее, в частности, в гимнастике, в футболе.

Но тогда, в сорок первом, Гриша со своей семьей двигался в эшелоне куда-то на восток...

Самое ценное в тех путешествиях - кипяток. Его ищут при малейшей остановке состава.

На каком-то полустанке с чайником в руках, полным кипятка, он примчался на пустую платформу, где должен был находиться его поезд. Состав ушел без него. Уважаемый читатель, будь внимателен! Ведь то, что ему в тот момент показалось концом света, на самом деле было «рукой Всевышнего». Один, без документов, без родителей, он стоял перед своей судьбой.

Он превратился в юного бродягу (Сколько их в те

годы колесило по страшным дорогам войны!), обосновался в Сталинграде, который тогда был еще глубоким тылом, решил записаться добровольцем на фронт, добавив себе лишний год.

Гришина военная «прописка» теперь - 38-я отдельная разведрота 36-й гвардейской стрелковой дивизии.

Его командир лейтенант Дмитрий Алексеевич Козлов относился к новичкам, как родной отец к сыновьям. Они должны уметь двигаться бесшумно, маскироваться на местности, видеть в темноте, ориентироваться по звездам, владеть всеми видами рукопашного боя. Ну и, конечно, действовать ножом, кастетом, пистолетом.

Добыча «языка» - одна из основных задач группы захвата, куда Гришу взяли, главным образом из-за того, что он уж больно спортивен ловок, напорист.

Своего первого «языка» Григорий берет через месяц после предварительной подготовки... Немец попался рослый, сильный. Разведчик бесшумной тенью набросился на него сзади и ладонью рубанул по сонной артерии (их и этому учили - бить по самым уязвимым местам человеческого тела). Однако помешал ремень портупеи. Часовой отбросил мальчишку, и еще через мгновение нападающий и жертва могли поменяться местами. Но на чеку были остальные притаившиеся в темноте парни. Общими усилиями они скрутили фашиста. «Язык» оказался ценной добычей, и первая медаль «За боевые заслуги» вскоре украсила гимнастерку молодого солдата.

Может, именно за столь очевидные успехи ему и его подразделению поручают чрезвычайно важное дело. Он охраняет бункер, где советским генералам давал показания плененный фельдмаршал Паулюс. Это было историческое событие, обозначающее не только победу под Сталинградом, но и грядущее поражение Германии в войне. Правда, до этой победы нужно было пройти еще через три военных года.

В сорок третьем он в составе своей разведроты первым форсирует Днепр и вступает в бой с превосходящими силами противника. Это была дерзкая и смелая операция, в живых остались единицы. Но они, в конечном счете, и обеспечили освобождение Днепропетровска - всего несколько дней спустя. На груди Григория появляется очередная медаль «За боевые заслуги».

Май сорок пятого. Закончилась война. Для многих, и для Григория в том числе, конец войны был началом другой жизни. Ему 20, и впереди - масса дорог, а суждено пройти по одной. Какой? Как ее выбрать? Он принимает решение связать свою жизнь с погранвойсками.

В сорок седьмом, после окончания училища, вместе с офицерскими погонами Григорий получает направление на крайний Юг - границу с Афганистаном. С одной стороны - бешеная река Пяндж, с другой - горный Памирский хребет с заснеженными вершинами и выжженными безлюдными долинами. Связь с большой землей - через перевал высотой под четыре тысячи метров, который открыт всего два месяца в году. Казалось, все подарки судьбы сделаны, и в этих краях тарантулов и скорпионов ничего, кроме них, и встретить-то невозможно. Ан нет! Небесный Покровитель и здесь не оставляет его без своего внимания.

Командир заставы просит молодого лейтенанта по-

мочь группе гражданских лиц, впервые попавших на Памир, преодолеть перевал.

Погода - как зима в Подмосковье. Снег с ветром; тропа - по колено в сугробах. Среди его подопечных - девушка, выпускница Ленинградского медучилища. Она получила направление в один из Памирских кишлаков. Ей, когда вручали диплом, сказали, что это субтропики, и там всегда стоит жара. Она в легком платьице, туфлях на каблучке и с небольшой дамской сумочкой в руках. Несложно представить, чем бы все это закончилось, если бы не молодой офицер-пограничник. Он буквально на руках перенес девушку через снежные барханы и опустил на землю там, где она уже могла передвигаться самостоятельно. Нет, не подумайте чего-то особенного. Тогда он всего лишь выполнял приказ командира, не догадываясь, что это не просто случайная встреча.

А спустя несколько месяцев он посетил медчасть того кишлака, куда попала Муза Коршакова (так звали эту девушку). Знаете, что его поразило там, прежде всего? Его восхитили чистота и порядок в санчасти у его новой знакомой (возможно, это впечатление сложилось в сравнении с грязью и антисанитарией, царившими в кишлаке). «Да, из нее, наверное, могла бы получиться хорошая жена», - подумал юный пограничник.

Ну, что ж! Судьба предоставила возможность проверить и эту, едва мелькнувшую у него в голове, мысль. И он не ошибся. Вскоре она стала его женой. И остается в этой роли уже более пятидесяти лет.

Его вскоре переводят с Памира на Кавказ. Опять такие же горы, хребты, бурные реки. Боевые тревоги, ночные дозоры. Чтоб как-то, ну если не вырваться из круга, то хотя бы подняться чуть выше достигнутого, жизнь поставила его снова на развилке дорог. Идти дальше прямо или повернуть в новом направлении? Конечно,

Часть 4. С оружием в руках

не в его духе мириться с обыденностью. Если есть шанс новой жизни, его нужно использовать. Ему уже (или всего) 33 года, и если не сейчас, то когда же?

И он начинает «восхождение» на очередной пик своей жизни. Военная академия КГБ. Факультет по его профессии тот же - погранвойска. Конкурс огромный. У него в анкете все те же «недостатки», которые можно хоть как-то уменьшить только одним. Знаниями.

И он поступил, и успешно окончил академию. Много лет возглавлял пограничные заставы страны.

Григорий Исаакович закончил службу в армии в 1981 году, в звании полковника. Ему, фронтовому разведчику, профессиональному военному, кадровому пограничнику, присвоено звание «Почетный пограничник Беларуси».

«Шабат шалом» № 11, 2002 г.

Часть 5

Немного о разном

Кое-что о вредном еврейском характере

Помните сказку о голом короле, который обнаженным шествовал по своему королевству? То, что Его Величество без одежды, «увидел» лишь один маленький человечек - ребенок, а все вокруг, с запудренными королевской пропагандой мозгами, были убеждены в обратном.

«Сказка ложь, да в ней намек»... Такие «маленькие человечки» всегда были и будут. Увидеть без искажения окружающий мир и найти смелость об этом крикнуть: «А король-то голый!» - дар Б-жий.

Хотя и не любят таких, считая их чуть ли не «шизами». Пытаются вылечить, прячут в психушки, изолируют от общества здоровых или, как говорит Виктория Токарева, «тяжело здоровых» людей.

А они другими просто быть не могут. Не могут - и все тут. Хотя, возможно, им бы и хотелось стать такими как все. Ан, нет. Не получается.

И, как ни странно, среди евреев, таких «правду говорящих», кажется, значительно больше, чем у других народов. Это, возможно, и дает повод говорить о вредном еврейском характере, который клеится чуть ли не каждому иудею.

Мы с ним дружили в юности, а затем во взрослой жизни виделись всего один раз.

Произошло это в Москве. В метро. Меня кто-то окликнул так, как это делали в молодости - кличкой, известной очень немногим:

- Привет, Рыжий!

Обернулся - и вздрогнул. Надо мной возвышался... Алексей Пешков. Молодой Горький. Окающий говор, усы. Он даже сутулился так же. Для полного сходства недоставало разве что курительной трубки.

- Не узнал, старик?! А я тебя по шевелюре вычислил, - громыхал он сверху.

- Ленька! Елинсон! - вырвалось у меня, когда я чуть пристальнее всмотрелся в незнакомца. - Ну, ты даешь! Знаешь ли ты хоть, кого напоминаешь?..

- Естественно. Не ты первый это подмечаешь. Да внешнее сходство - ерунда. Вот мысли такие же, как у него, - это хуже, - он весело подмигнул. - А помнишь, каким замухрышкой был я в школе?

Конечно, я помнил. Он был нескладный, худой и длинный, как флагшток (без знамени). Весь в конопушках и юношеских угрях. Учился небрежно. Сидел, в основном, на тройках. Однако был фанатом театра. Точнее, художественной самодеятельности. В те годы это было массовым увлечением. Существовали классные, школьные, районные драмкружки, где верховодили, главным образом, «русачки» - преподаватели русской литературы. У большинства «актеров» это (увлечение театром) проходило. Заканчивалось вместе с детством. У него - нет. Его сценическим амплуа были комические роли. Он умел смешить, корчить рожи, рассказывать анекдоты. Еще он обожал нашу классную, тоже «русачку» - Сарру Юлиевну Козлову. Мы все ее любили. Он - больше всех.

Потом, после школы, учились в одном институте. Metallургическом. Он хотел получить университетское образование, но в те годы это была несбыточная мечта. Для большинства евреев дорога туда была заказана. Поступали, куда брали.

Уже на первом курсе о нем заговорили как о парне «с приветом». Почему? На каком-то семинаре по текущей политике СССР он во всеуслышание заявил, что нужно слушать «Голос Америки», а не бредни нашего радио.

Сказать такое в те времена - подписать себе, ну, если не смертный приговор, то, во всяком случае, попасть в списки неблагонадежных. Ему предложили выйти из комсомола, что он сразу же и сделал.

Последняя точка в студенческой карьере им была поставлена на лекции по ОМЛ («основам марксизма-ленинизма» - были и такие науки). После того как доцент, читавший этот курс, заявил на лекции, что без знания его дисциплины стать грамотным инженером невозможно, Елинсон не выдержал, выпрямился во весь свой рост и прогудел на всю аудиторию.

- Уважаемый преподаватель! Вы либо лицемер, либо нас за дураков держите...

С преподавателями этой кафедры так не разговаривают. За такую выходку можно было ждать серьезных наказаний. И Леня, не ожидая, чем все это для него обернется, покинул стены металлургического института имени Сталина.

Дальше наши пути разошлись. Я стал металлургом, как и все. А он?..

- Ну, рассказывай, как живешь, где и что делал после института. Ведь мне ничего об этом не известно...

- Что делал, старик? Ушел в профи. Играл в театрах, где меня терпели, пока что-нибудь не ляпну. В Риж-

ском ТЮЗе, Театре на Таганке, на Мосфильме. Достаточно? Снимался в кино.

- Слушай, Леня! А ты по этой части что-то заканчивал? Имеешь, наверное, диплом актера или режиссера...

Он не выдерживает, перебивает:

- Старик! Ты, оказывается, такой же «шлимазл», как и все. Дипломчик, документик... Знаешь, когда на сцену выходишь, не свидетельство предъявляешь. Там требуется одно: Его Величество Талант. Талант! А образование? Есть и оно. Такое же, как и у тебя. Называется - «сорок лет». Столько нам сейчас. Это мои курсы, «мои университеты». Их никто никогда не заканчивает. Учится «до дней последних донца». Банально все это, старик. Ты уж извини, что ликбез тут тебе устроил. Лучше ответь на мои вопросы. Ты живешь в Дnepе. Сарру Юлиевну видишь, встречаешь? Как она там?

- Не знаю. В школе не был со дня окончания. Стараюсь не бывать там, где меня помнят другим...

- Ну и дурак. Не думал, что и у тебя есть комплексы. К таким, как она, нужно ходить на поклонение. От нее исходит тепло и свет. Ну да ладно. Она о тебе всегда так хорошо отзывалась, а ты оказался свиньей.

- Прекрати ругаться. Расскажи лучше, чем сейчас занимаешься?

- Знаешь, старик, ты будешь смеяться, - но мой «двигатель» - школьные тройки, которых у меня было больше, чем у кого-либо. Хочу доказать вам, отличникам, что успехи или неуспехи детства мало чего стоят в нашей взрослой жизни.

- И чем же ты еще хочешь удивить нас - отличников? По-моему, ты только это и делаешь...

- Ладно. Не ерничай. Спрашиваешь - отвечаю. По договору с Мосфильмом пишу сценарий - «Москва и москвичи». Почти по Гиляровскому. Только - век другой.

И еще. Он описал «дно» жизни. Я хочу забраться на «чердак». Все зло, беды и болезни общества исходят оттуда. Надо жителей «чердака» вывести на чистую воду. Ты знаешь, я это умею делать...

Да! Вывести на чистую воду тех, кто был вверху тогда (это были семидесятые годы), ему не удалось. Точнее - не успел. Спустя несколько месяцев после нашей встречи он скоростно скончался от инфаркта. Хотя на сердце никогда не жаловался.

Разоблачение небожителей - во все времена (а особенно - в наше) - занятие далеко не безопасное. И кто знает, отчего и почему у тех, кто на них замахивается, внезапно перестает в груди биться сердце...

* * *

С этим человеком судьба свела меня относительно недавно, когда я, после многих лет работы в горячем цехе металлургического завода «Криворожсталь», перешел трудиться в проектный институт «Укргипромет».

Его звали Додик. Додик Фрейдман. Возраст - лет под сорок. Несмотря на уменьшительное имя-кличку «Додик» и весьма заурядную внешность (брюки с пузырями на коленях, очки, брюшко, редущие волосы), он каким-то вихрем ворвался в наш устоявшийся, спокойный мирок проектантов. Прочертил яркую дугу и исчез за горизонтом. Провел он среди нас год или полтора, а вот запомнился надолго.

Чем же? То, что вызывало у него недоверие, ощущение несправедливости, он не делал. В колхоз на прополку или на овощную базу, куда инженеров в те годы посылали перебирать гнилую картошку, он не ездил. «Этому меня не учили в вузе», - говорил он. Отказывался платить членские взносы во всевозможные спортивные, на-

учные и прочие общества. Мы все платили, не задумываясь, кому и зачем это нужно. Он, видимо, задумывался.

Не посещал он и еженедельные политзанятия - обязательную повинность всех служащих тех лет.

- Меня вполне устраивает мое образование. Больше мне не требуется, - объяснял Додик свой отказ.

Ну, а остальные ходили. Безропотно. Дело в том, что в нашем кружке занятия проводил Сам Начальник Отдела! От него зависело благополучие каждого - оклад, который с его подачи либо замерзал на одной отметке, либо неизменно один раз в году поднимался на новую ступеньку.

Семинар, которым руководил наш шеф - старый, мудрый еврей, - назывался «Теория построения коммунизма - в практике» (или что-то в этом роде).

В чем заключалась его мудрость? Он знал законы жизни и мог им следовать.

- Думай, что хочешь, а делай то, что от тебя требуется, прежде всего, партия... С ветряными мельницами пусть сражаются Дон Кихоты. Им, кроме чести, терять нечего, - это было одно из его программных высказываний, которое он любил повторять в кругу приближенных.

Или еще. Выступление на семинаре... Чтоб лишнего, упаси Б-г, кто-нибудь не наговорил. Его секретарша приносила очередному докладчику журналы и газеты, в которых он красным подчеркивал нужные по теме абзацы или разделы. Оставалось лишь громко это перед всеми зачитать. И дело с концом.

И вот однажды... К нам на занятия должна была прибыть комиссия из парткома института. Первая и самая главная их оценка - «количественный охват трудящихся политпросвещением». И нужен был - ни больше, ни меньше - стопроцентный охват. Короче, Додика уговорили посетить в этот день занятия и даже высту-

пить на нем. Он согласился при условии, что доклад готовит сам. Тема не выбиралась. Она была определена учебной программой. Забыл, как она называлась... Но что-то похожее: «Советская система и Человек новой формации»...

Нужно было показать, что только у нас, в нашей системе, могут проявляться такие прекрасные человеческие достоинства, как честность, преданность, доброта.

Додик начал свое выступление, и все притихли. А он такое нес...

Советская честность в его изложении - предательство. Пример - история Павлика Морозова. Смелость - безнадежность в угол загнанных людей. Матросова расстрелял бы заградительный отряд, если б он повернул назад и не бросился на амбразуру... Наша система губит прекрасные порывы, а не порождает их...

Шеф покрылся испариной и сидел весь красный. Такие мысли тогда были не только у Додика...

Но говорить об этом вслух, да в присутствии комиссии парткома... Нужно быть самому Матросовым... Разразился скандал районного масштаба, и Додик вынужден был, как и Елинсон, покинуть институт. Он рассчитался и уехал в Москву.

Дальше его следы затерялись. Доходили слухи, что и там, в Москве, он не смог ни с кем ужиться, точнее - резал правду-матку, говорил то, что видел вокруг себя, а другие не замечали. Или не хотели замечать.

Потом пришло сообщение, что он умер. От того же злополучного инфаркта, что и Елинсон. Хотя так же, как и он, никогда на здоровье не жаловался.

* * *

Смерть объединила в моей памяти этих двух совершенно непохожих людей. Они ушли из жизни, не выдержав тех нервных нагрузок, которые взвалили на свои плечи. И жить по двум моралям, как это делали почти все, они не смогли. И Елинсон, и Фрейдман опередили свое время на несколько десятилетий. В этом была их главная беда. То, что они делали, говорили тогда, - сейчас было бы обычным поведением. И никто не стал бы их обвинять в плохом еврейском характере.

А еще, как считал Толстой, есть люди, которыми Всевышний проверяет, насколько совершенен мир, Им созданный. И если этот мир еще для них не подготовлен, Он забирает их к себе. Возможно, к таким людям относятся и герои нашего рассказа.

«Шабат шалом» №№ 11-12, 1997 г.

Как попадают в энциклопедию?

Как - в книгу рекордов Гиннеса, - ясно. Нужно самому этого сильно захотеть и удивить каким-то образом и человечество, и издателей этого справочника обо всех чудаках мира. А вот в энциклопедию? Скорее всего, те, кто там оказывается, к этому, ну никак не стремятся. Скорее даже наоборот

У отца моей мамы - деда Бориса - был родной брат Гриша. Борис пустил корни на Украине, в нашем городе. Гриша - в России, в Москве. Разные диалекты в центре и на окраинах тогдашнего государства видоизменили их фамилию. У нас их потомки стали Перчаниками, либо Перчонками, там, в столице - Перченковыми.

Все. Не волнуйтесь. Больше тормозить свое генеалогическое древо не буду, хотя бы потому, что оно разрослось вширь и ввысь настолько, что делать это не просто. А вспомнил я о нем лишь потому, что одной его «веточкой» - маленьким отростком - моими московскими троюродными братьями Севой и Гариком - внуками деда Гриши - горжусь.

Оба они попали в недавно изданную в Израиле «Российскую Еврейскую энциклопедию» и проросли там на одной из страниц один возле другого навсегда.

И если вы захотите узнать, что о них написано, - открыв страницу на букве «П», прочтете:

...Перченков Евсей Владимирович (Вульфович) - член-корреспондент Международной академии архитектуры, заслуженный архитектор России, лауреат Государственных премий. Брат художника Перченкова Г. В...

...Перченков Григорий Владимирович (Вульфович) (1947-1980). Живописец. Брат архитектора Перченкова Е. В.

...Последний период творчества характерен экспрессивными цветовыми композициями, ритмическим движением «неуравновешенного равновесия». Художник все чаще обращается к еврейской тематике («Мужской портрет», «Потрет брата», «Поколение раввинов», «Синагога», «Самсон», «Ожидание», «Исход»),

На протяжении всего творческого пути основной своей задачей считал показ горестной судьбы еврейского народа через выражение трагизма жизненных противоречий... Покончил жизнь самоубийством...

Я знаком с семьей братьев с раннего детства. Они жили в центре Москвы, и мы - родственники из провинции - часто у них останавливались при посещении столицы.

...Жили в большой коммунальной квартире, где семь семей расположились, соответственно, в семи комнатах. Люди были разные, волей случая объединенные общим бытом... За стеной жили сексоты (секретные сотрудники КГБ), по доносам которых периодически производились обыски...

Москву тогда обойти стороной, куда бы ни двигался - на юг или север, - было невозможно. Хотя и существовала, тут уж ничего не поделаешь, дистанция между родственниками из столицы и провинции (а мои самостоятельные поездки в Москву начались в пятидесятых - моих и Севы студенческих годах). Учился он тогда в московском архитектурном институте. Я знал о нем немного: что были неприятности из-за дружбы с детьми «врагов народа», и ему за это грозило не только отчисление из института, но и высылка из Москвы. И только смерть Сталина позволила ему стать архитектором, получить высшее образование. Знал, что он женился на внучке художника Поленова и долгое время жил в его особняке. Несколько раз бывал там и я. Произвели впечатление его собственные рисунки, развешанные по стенам комнаты. Они с женой любили путешествовать по Северу России и привозили оттуда свои зарисовки старинных зданий, православных соборов, суровых северных пейзажей. Впрочем, производили впечатление не только эти их работы... Все убранство жилища впечатляло не менее.

Помню громадный лошадиный череп, который использовался в качестве подсвечника и был укреплен над письменным столом. Когда в сумерках зажигали все его свечи, тремя направленными лучами свет исходил из глазниц и оскаленной пасти, искажая все пропорции комнаты.

Гарик тогда был еще совсем крохой и производил впечатление нервного, избалованного ребенка.

Я несколько раз сопровождал его в детскую художественную студию, помогая нести тяжелый мольберт, папку с рисунками, портфель с учебниками. Мы весело о чем-то болтали. Я, конечно, совершенно не мог представить, что рядом со мной вышагивает человек, которому предстоит стать большим мастером. Думаю, что

об этом не догадывался и сам юный художник. Знал только один человек. Его старший брат. И чтоб получить представление, как формировалось мировоззрение живописца, как из ребенка он превращался в философа в искусстве, привожу отдельные высказывания Севы, взятые мной из буклета, который он написал - к первой посмертной персональной выставке работ брата.

...Человек хрупкой, ранимой природы, он глубоко переживал трагизм жизненных противоречий и невозможность их разрешения, что создавало трагизм душевного состояния, выход из которого он находил в живописи. Выражалось это, прежде всего, в экспрессивности цветовой композиции, в столкновении цветовых соотношений, подобном музыке, где противоположные темы ведут неодолимую борьбу, заканчиваясь трагедией...

...Философское осмысливание сущего, собственная причастность к этому изображалась в символических фигурах льва и оленя (как присутствие самого себя в картине), олицетворяющих две ипостаси единства - силы и хрупкости, органично входящих в композиционную ткань произведения...

...Время активной работы художника пришлось на 60-70-е годы.

После неудачных попыток экспонироваться на молодежных выставках он замкнулся, никогда больше не пытался выставиться, никогда не показывал свои работы...

...Он страдал от отсутствия аудитории. Художник открывал на холстах свою душу, искал собственного, соучаствующего зрителя...

...С другой стороны, подсознательное убеждение в том, что его живопись никому не нужна, что сама работа теряет смысл, создавало пессимистическое настроение, доходящее порой до отчаяния. Все это усугубляло его и без того сложное душевное состояние, что со временем привело к трагедии...

Да! В тридцать три года Гарик добровольно ушел из жизни, оставив после себя громадное количество своих работ, которые, как он считал, никакой ценности не представляют. Безусловно, эту точку зрения не разделял Сева, который к тому времени уже стал известным архитектором и одновременно человеком, отлично разбирающимся в живописи.

Его квартира в первые годы после смерти брата напоминала запасник какого-то большого художественного музея. Казалось, все эти подрамники и холсты мешают ему жить, создают неудобства для всей его семьи. Однако, когда сердобольные родственники (и я в том числе) просили в память о брате подарить что-либо из этих работ (все равно ж пропадают), он наотрез отказывался это

делать.

- Сила картин в их цельности. Это коллекция, и разбазаривать ее я не имею права, - отвечал он, если кто-то уж слишком настаивал. - Они должны увидеть свет все вместе.

Однако, казалось, он поставил перед собой неразрешимую задачу. Шли годы... И ничего не менялось. И только спустя 13 лет после гибели Гарика, нашлись, наконец, спонсоры, меценаты.

Первая выставка его работ состоялась в 1993 году. И это был взрыв. Взрыв бомбы. О художнике заговорили как о явлении в искусстве. Нашлись специалисты, которые сумели увидеть, расшифровать язык его живописи... Вот как они расшифровывают содержание двух самых знаменитых картин - «Праотцы» и «Исход. Ожидание».

В картине «Праотцы» в аллегорической форме показан внутренний мир художника в виде некоего интерьера темной избу, откуда нет выхода наружу, с тревожным небом и черными птицами. И лишь отдельные мерцающие пятна проемов со светлыми ликами праотцев воспринимаются подобно роднику, спасающему в безводной пустыне человеческого существования. Состояние психологического угнетения, постоянного, ежесекундного страха подрывало психику и уносило физические силы.

Ниже приведены выдержки из отзыва о последней выставке художника, напечатанного в московской прессе.

НА ВЕРТЕЛЕ ИСКУССТВА

В галерее «На Солянке» открыта выставка

Григория Перченкова -

неповторимого художника

поколения глухих семидесятих

Живопись Перченкова требует интерпретации и соучастия. Он создал глубоко личный и одновременно универсальный мифологический словарь, пронизанный многовековым национальным опытом. На картинках мы видим величественных раввинов всех поколений, рядом с ними магические символы силы и бессилия - загадочные львы и олени. Сталкиваясь с работами художника, отмеченного печатью таланта и душевной болезни, рано покончившего с собой, зритель вынужден задавать себе вопросы, ставшие особенно важными в искусстве 80-90-х

годов. И главный из них - что такое искусство, а точнее, когда искусство перестает быть искусством и становится документом? Как влияют имя и биография художника на восприятие его произведения?...

Кураторы выставки Перченкова весьма умело распределили зрительское внимание, передав стесненно-плотной развеской внутренний мир автора. Кожей можно ощутить растущее напряжение в контрастах открытых цветов или лихорадочности черного штриха.

В картине «Исход. Ожидание» люди отдали свою волю подчиняющему началу и неподвижно сидят в ожидании неизбежного. А между тем, злая судьба в виде обезображенного старика неминуемо ведет в преисподнюю, к пропасти с мертвыми птицами. Статичная неподвижность поз усиливает трагедию. Здесь причина более глубокая - показ нравственно-психологической трагедии, смерти как бы душевной. Сюжет, композиция, образы картины настолько были слиты с внутренним миром и состоянием художника, что он в жизни не мог не повторить судьбу своих персонажей.

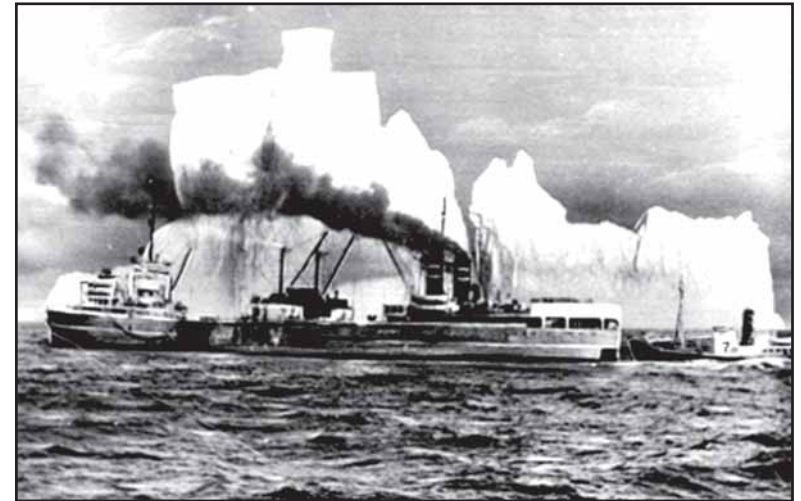
(«Независимая газета», 11.02.1998 г.).

Потом была еще одна выставка. Слухи о никому неизвестном художнике докатились и до Израиля. Специальная комиссия, прибывшая оттуда, восторженно отозвалась о его работах. Именно благодаря мнению зарубежных экспертов братья Перченковы попадают на страницы энциклопедии. Сначала Гарик, а затем и Сева (кстати, пять работ Гарика приобрела Третьяковская галерея).

Что еще можно добавить к сказанному? Да! Они оба достигли вершины. Вершины известности, вершины признания. И шли они к ней, как альпинисты в связке, помогая один другому. В одиночку им бы этого не сделать.

Живой брат вдохнул в творчество своего погибшего брата жизнь. И чего уж там лукавить. Я горжусь ими обоими. Горжусь родством с ними.

«Шабат шалом» № 5, 1998 г.

Киты и Звезда Давида

*...Я не забыл, хотя обида
Порой терзает грудь мою,
Что жизнь короткую свою
Прожил не под Звездой Давида...*

Автор этих строк - Михаил Васильевич КУРЕНКОВ, 1927 года рождения. Более двадцати лет плавал в китобойной флотилии «Слава». Дважды «обернулся» вокруг земного шара. Десятки раз пересекал экватор, столько же раз бывал в водах Антарктики. Неоднократно в своих путешествиях рисковал жизнью.

Русский по отцу и еврей по матери, жил как бы в двух ипостасях («русский-еврей»), переходя из одной в другую по обстоятельствам, не всегда от него зависящим. Одна из них: приезд в наш город гостя из Израиля, министра внутренних дел Натана Щаранского.

На встречу с ним был приглашен и Куренков.

- О! Среди евреев есть китобои! Поразительно, - Щаранский был явно удивлен этим, когда ему, в числе других, представили Михаила.

А Куренков стоял рядом с другим человеком, имеющим не менее романтическую биографию - восьмидесятилетним альпинистом Ильей Ефимовичем Кацнельсоном (о нем наша газета уже несколько раз рассказывала). Возможно, организаторы пригласили этих людей, чтобы усладить душу человеку, который сам прошел через житейские штормы и взбирался на вершины, которые обычному человеку и представить невозможно. А эти двое - моряк и альпинист - были похожи друг на друга своим умением жить на грани фола, рисковать жизнью.

Но были между ними и различия. И существенные.

Один прожил жизнь под «Звездой Давида» Другой - нет. Михаил был, как говорят в народе, полукровкой, то бишь, ребенок от смешанного брака. Его мама - Софа Гринштейн, папа - Василий Куренков.

Впрочем, родители его в паспорт друг к другу не заглядывали. Они были тогда одной национальности. Советской. Это только спустя десятилетия появилась злополучная «пятая графа», с вытекающими из нее последствиями.

Ну, а тогда, в тридцатых, разве до национальных разборок им было?

Посмотрите, какими они были юными и красивыми. Их объединяла молодость, любовь. А все остальное - существовало за пределами их жизни. Тем более никаких проблем не возникало и у этих двух мальчишек - их сыновей.

Первым столкнулся с тем, что у него чуть-чуть «под-

порчена родословная», младший ребенок - Миша.

Парень с детства бредил путешествиями, дальними странами. Еще в школьные годы перелопатил всю литературу об этом. Кук, Крузенштерн, Пири, Амундсен, Скотт. Он рос в окружении имен этих и других не менее знаменитых капитанов. При Херсонском дворце пионеров посещал кружок моряков-юнг. После школы поступил в Херсонское мореходное училище и после его окончания стал настоящим моряком. Впрочем, нет. Не настоящим. Ему после мореходки светят рейсы на сухогрузах из Херсона в Ялту и обратно. Возить картошку, мешки с мукой, арбузы. Не такое ему грезилось по ночам. Его мечта - отворить двери к далеким морям и неведомым землям. В эти же годы (конец сороковых) укомплектовывается в Одессе китобойная флотилия «Слава», которая будет промышлять, - с ума сойти где, - в Антарктике. То, что требуется. Но чтоб попасть туда, нужно подать заявление, заполнить анкету. Анкета. КГБ знал толк в этом деле. Анкета своими вопросами выворачивала «наизнанку» тех, кто ее заполнял.

Кадровикам нужно было о претенденте на плавание в чужих (не советских) морях знать все.

Ну разве только отношение к Куликовской битве - нет. А в первую очередь анкета раскрывала секреты происхождения и национальность родителей. Вот где и была подножка. Анкету Михаил, в конце концов, заполнил, за-

Семья Куренковых в конце 20-х. Софа, Василий и их дети

явление написал. Правда, еще требовалась рекомендация-поручительство двух членов партии в том, что он не изменит Родине с пингвинами и не уплывет с косатками в чужие воды.

Где ему таких поручителей найти? Нашла мама. Из своего круга знакомых. Один - партиец еще с дореволюционным стажем, бывший политкаторжанин, другой был аж членом райкома. Лучше не придумаетшь. Но оба - евреи. Получилась, мягко говоря, неувязка. Из-за этого или по другой причине, но ответа на его депешу с документами из Одессы все нет и нет.

Проходит неделя за неделей. Счет пошел на месяцы, флотилия вот-вот уйдет в плавание. И без него! Что делать? Клин вышибают клином. Два еврея не помогли. Может, имеет смысл привлечь еще одного?.. И какого! Его авторитет в стране тогда был очень высок. Как вершина, он возвышался над всеми, в том числе и над самыми махровыми антисемитами. Короче, Миша послал письмо в Москву, Кагановичу. Неужели из-за того, что у меня мама еврейка, меня не хотят зачислить в моряки? - обратился он к Лазарю Моисеевичу...

И уже через неделю его срочно вызвали в отдел кадров флотилии. Да, он успел. Едва успел. Но штатное расписание заполнено. Остались только рабочие места. Это его не смутило... Он готов плавать в любом качестве. Итак, в конце сороковых началась его двадцатилетняя китобойная одиссея, в которой он от рабочего по варке жира поднялся до радиста флотилии.

Теперь в его жизнь вошли и стали привычными такие понятия как экватор, мыс Горн, айсберги, муссоны, пассаты. Они стали спутниками его повседневного быта, как для жителей города - дома, улицы, трамваи...

...Все, о чем я сейчас пишу, я узнал из рассказа Михаила Васильевича. Мы встретились у него дома. Он

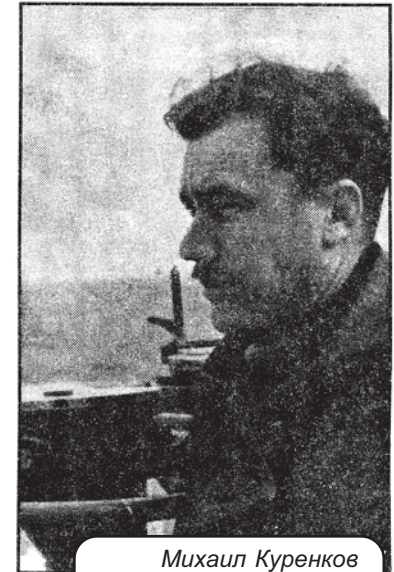
коренастый, широкоплечий. Несмотря на недавно перенесенный инфаркт, все еще производит впечатление «морского волка». Пусть даже постаревшего.

Ежегодные морские походы - это не только уходящая из-под ног палуба. Изредка флотилия заходит в порты, встречающиеся на ее пути.

В Кейптаун они попали не от хорошей жизни. Окончились запасы пресной воды. В те годы ЮАР числилась вражеской державой, и посещение ее нашим флотом было делом крайне редким. Несколько местных дотошных журналистов тут же оказались на борту судна. Они знали, что имело смысл выяснить у капитана.

- В вашей команде есть евреи? Если есть - хотим их увидеть.

- Отношение к нашему брату было и осталось лакмусовой бумажкой для определения лица страны. В составе флотилии «чистых» евреев было три человека: Миша Мойхас, Азиз Зеель - оба механики - и Володя Шунгер - кочегар. Их в этот момент на корабле не было. Вспомнили обо мне, - рассказывает Куренков. Хотя я среди моряков слыл русским. «Вы действительно еврей?» - спросил меня один из гостей. «У меня мама еврейка. А что вас тревожит?» - спросил я в свою очередь, понимая, что его смущает моя славянская внешность. «Нет-нет. Ничего. Раз мама еврейка...» - и протянул мне визит-

Михаил Куренков
в молодости

ную карточку своего магазина «Шапиро и Ко». «Сумеете - загляните по этому адресу».

В очередной прогулке по Кейптауну я воспользовался приглашением. Зашел. А ушел оттуда с подарком - шляпой со звездой Давида. В ней я появился на корабле. Пока шел к себе в каюту, услышал сзади реплику: «Он, оказывается, мордж («Мордж» - из морского жаргона - «морда жидовская»)). Я резко обернулся. С тем, кто это сказал, был нелицеприятный разговор, который стал достоянием многих. Короче, после этого эпизода, больше подобного оскорбления от своих парней мне слышать никогда не приходилось...

Я должен сделать авторскую оговорку. Этот материал, рассказ о пожилом моряке, делается для еврейской газеты и, естественно, акценты расставляются в соответствии с этим. Но не следует забывать о главной профессии Куренкова тех лет - «радист-китобой».

Все-таки охота на таких гигантских морских животных, которые одним движением хвоста разносят в щепы шлюпки, - не детское развлечение. Послушаем снова Михаила Васильевича:

- ...Как мы находили их в безбрежных океанских просторах? Не только с помощью передсмотрящего из бочки на мачте, но и по радиосвязи. В этих местах промышляли еще норвежцы, китайцы, японцы. Те, кто вел успешную охоту, заполняли эфир своими командами, сообщениями. Ясно было, с чем это связано. Брал пеленг, и мы выходили в район. Флотилии давали квоту на отстрел китов. Мы ее выдерживали лишь в официальных бумагах. Добывали десять, сообщали, что одного. Двойная советская бухгалтерия существовала даже в океане, далеко от страны, ее породившей.

Выстрел по цели производили из пушки гарпуном, на конце которого устанавливалась боевая граната. Она

разрывалась в теле кита. Неточный выстрел - и гарпун бумерангом возвращался обратно. И тогда граната могла рвануть не кита, а стрелявшего в него. В поисках добычи приходилось делать облеты на вертолетах. Однажды машина, в которой я находился, заглохла, и вертолет вынужден был совершить посадку на... айсберг (это еще счастье, что он подвернулся). Мы оказались на вершине ледовой горы, вертикальные стены которой обрывались в холодные воды океана. Это была западня. Спас нас китобойный кораблик. Выстрел гарпунера заарканил плавучую гору. Натянутый, как струна, ливень был нитью спасения, цирковой трюк - переход (точнее переползание) с айсберга на судно выполняли в штормовую погоду, где вместо аплодисментов зрителей был вой ветра в снастях...

Шли годы. Десятилетия. Один рейс сменялся другим. Все чаще появлялись мысли и о берегу, куда нужно было пришвартовываться и свой личный ковчег, о жизни на суше, о земной профессии.

Впрочем, о профессии он волновался меньше всего. Она у него была. В плаванье, где дома быта отсутствуют и все нужно делать самому, он освоил профессию мастера по ремонту точной аппаратуры: секстантов, хронометров, судовых часов.

Проблема оказалась в другом.

Морская жизнь протекала по своим законам, которые он считал единственно возможными для себя. Понятия дружба, преданность, твердость слова были не абстрактными. Оказавшись на суше (в 1960 году он подает рапорт об увольнении), тут же столкнулся с лицемерием, лживостью чиновников, фальшивым патриотизмом, моралью двух стандартов... К этому он готов не был. (А кто готов?)

Начались конфликты. Однажды на первомайской

демонстрации он сгоряча запустил в какого-то чинушу портретом члена политбюро Суслова, послал его подальше, используя известную флотскую лексику. Под статью поступок не подходил. Подходил под определение «политическое хулиганство». Тогда с такими бунтарями умели обращаться, используя не менее продажную медицину. Здоровый человек так поступать не должен. А кто должен? Естественно, больной. Психически больной. И китобоя на год прячут в психушку на принудительное лечение.

Психбольница - не тюрьма, но после морской вольницы - это была более чем тюрьма. Как он сохранил там свое здоровье, как вышел оттуда, не тронувшись рассудком, одному Б-гу известно. И это не просто фраза. Михаил действительно повернулся лицом к религии. Своей религии.

Да! Вера в Б-га его спасла. И еще. В нем проснулся поэт (мы приводим в конце очерка одно из его стихотворений, написанное в этот период).

Чем труднее, чем круче заносила его жизнь, тем более яркие рифмы и строки складывались в его голове. Средства к существованию дали его руки, которые не научились обращаться с точными механизмами и инструментами (до ухода на пенсию Михаил Васильевич проработал часовым мастером высшего разряда), а вот духовную пищу он черпал в религии и поэзии.

Да, его корабль вошел в тихую гавань. Гавань пенсионеров. Теперь у него есть время осмыслить прежнюю жизнь, расставить акценты. Он посещает синагогу, еврейские организации. Участвует в художественной самодеятельности. И, конечно, пишет стихи. Это днем. И только ночью он снова возвращается в дни своей молодости. И тогда - просыпается от собственного крика: «На горизонте кит. Вижу его!»

* * *

*Серый дом,
окна все зарешечены,
Резкий запах карболки внутри.
Где-то здесь
мои мысли заточены:
ЭТАЖИ. ЭТАЖИ. ЭТАЖИ.
Десять лет я провел в этом здании,
Пост надзорный, кричи - не кричи.
Сульфазин под лопатки, вливания,
Коновалы - эрзац-врачи.
Молоточком стучит по суставам,
Пальцем давит глазное дно.
Пульс пощупает, сопоставит,
Спросит, «цвета какого дерьмо?»
И порою, в бессильной агонии,
Рвется крик из твоей груди.
Нет закона в стране беззакония,
И надежд никаких впереди.*

«Шабат шалом» № 1, 1998 г.

Ехать - не ехать...

Германия:

«Открываешь утром окно и видишь: в городе немцы».

Израиль:

«Все евреи должны жить здесь. Но не все сразу».

И. ГУБЕРМАН

Я категорически не хотел писать о своей приватной поездке в Германию. Почему? Нужно было брать на себя обузу вникать в проблемы эмигрантского существования своих бывших сограждан, променявших украинское гражданство на германское (точнее, поменявших не гражданство, а место жительства: статус гражданина Германии многим из них не светит никогда).

Я же ездил от одной семьи своих друзей к другой, скитался по городам и весям, принимал участие в семейных торжествах и торжествах, связанных с моим приездом, купался в обилии застольных бесед с обязательным десертом к ним - воспоминаниями о прошлом, молодости, общих знакомых...

Я старался не думать о причинах, почему общество, которое каленым железом выжгло из своей биографии всех до единого евреев когда-то, теперь широко открыло для них двери? Однако так получилось, что после возвращения из Германии мне практически сразу

же пришлось побывать в стране, где живет еще больше наших земляков, - в Израиле. Я люблю это государство, которое считаю не только своей «исторической родиной», но и единственно приемлемым для себя местом жительства (пока гипотетически) в случае собственной эмиграции. И вот появилась мысль: наложить свои впечатления от этих двух поездок одно на другое. Что из этого получится, - не знаю. Возможно, ничего хорошего. Но, тем не менее, попробую...

Итак, Германия. Если театр начинается с вешалки, это государство - с железных дорог. Точнее, с железнодорожных вокзалов - чистых и величественных, как католические соборы. Сюда прибывают и тут же исчезают с точностью часовых механизмов поезда, обтекаемые и сверкающие, как торпеды.

Разобраться так сходу в этой невообразимой вокзальной суете кажется совершенно невозможным. Но это только сначала. В каждой железнодорожной кассе вы получите компьютерную распечатку, где, когда и на что следует садиться, чтоб добраться, куда нужно. Такой план - путеводная нить. С ней уже не заблудишься. Не менее впечатляет система скидок на стоимость билетов: на скоростные или обычные поезда; на выходные или будние дни; на часы пик или вечернее время. Зная все это, можно либо опустошить одной поездкой свой кошелек или за весьма скромные средства объехать чуть ли не полстраны.

Возникает ощущение, что за этим огромным хозяйством, несущимся Б-г весть куда на космических скоростях, следит и управляет какой-то неземной разум. Человеческому это неподвластно.

Итак, «вешалку» мы прошли и движемся дальше по «театру», то бишь по Германии.

Следующее, что бросается в глаза (особенно после наших грязных, замусоренных дворов), - чистота на городских улицах, площадях. Просто какая-то патологическая стерильность.

И самое главное. Эта патология проникает и в тебя тут же. Спичку, конфетную обертку будешь сжимать в руке, пока не расстанешься с ними там, где положено. А где положено?

В конце каждой улицы, возле больших домов расположены - нет, не загоны для мусора, - эстрадные площадки (так там все вылизано), где установлены бачки (лоснящиеся от чистоты) разной расцветки. Зеленые - для зеленых бутылок. Темные - для темных; светлые - для светлых. Еще есть там емкости для пищевых отходов. И для непищевых - тоже. Пусть меня простят за столь подробное описание этих проблем утилизации отходов, но в нашем государстве меня они достали...

Теперь о «зрителях», то бишь о людях. Не берусь судить обо всех. Но то, что мне рассказали, удивительно...

Мой приятель, теперь житель Бонна, утерял пакет с деньгами, которые он привез с собой. Деньги от продажи всего движимого и недвижимого имущества, нажитого им за многие годы, составили немалую сумму. Положить в банк - нельзя. Могут уменьшить пособие. Держать дома - украдут. Так он и носился с пакетом денег (простите, как с писаной торбой). Пока не потерял. Что делать? Заявить в полицию? Тогда нужно объяснить, откуда у бедного еврея такие деньги. Короче, - горе и только. Ан, нет. Их принесли домой (там был его адрес). И долго что-то на немецком говорили. Что именно - не понял. Кажется, извинялись, что не сумели быстро их доставить...

А чтоб добить тебя, уважаемый читатель, сообщу еще вот это... Обувь, когда заходят в квартиру, оставляют на лестничной площадке. Бери - не хочу. И не берет, глав-

ное. Скажу вам, что не без опасения сделал так и я. Утром ни свет ни заря бежал в тапочках проверить, не оставили ли меня немцы босиком. Не оставили. Все было в порядке.

А на улицах - чего только нет! Лишнее горожане выставляют на панель и держат несколько дней: добротная мебель, функционирующая электро- и радиоаппаратура, вполне достойная одежда. Даже видел там холодильник в упаковке, который не вписался в отведенные кем-то для него габариты.

Проблемы у немцев возникают, если никто не позарится на эти сокровища. Тогда им самим нужно отвозить их на свалку.

Мой «немецкий» кругозор определился географией. Я находился в северо-западной части Германии и, естественно, посетил города, относящиеся именно к этой части страны: Ганновер, Любек, Гамбург, Кельн, Дюссельдорф.

Вихрь второй мировой войны практически стер их с лица земли. Но сейчас от этого кошмара остались лишь макеты, фотографии, где можно увидеть то, с чего началось возрождение «поставленной на колени» державы.

Со своим коллегой по Укрگیпромезу, бывшим там крупным специалистом в области проектирования - лауреатом Госпремии, а здесь - немецким «социальщиком» - как-то гулял вечером по центру Дюссельдорфа, залитому морем огней, переливающимися мыслимыми и немислимыми созвездиями в сверкающих витринах шикарных магазинов, и он (фамилию называть не стану) излагал свои наблюдения, сделанные в эмиграции:

- Знаешь, чем немцы отличаются от нас? Помнишь, как мы вкалывали? Допоздна сидели и в выходные выходили. А они работают лишь по звонку. Не более того.

Спорить с лауреатом не стал. «Горел» он, а не я.

Да и толку-то в этом? Сейчас на улицах Дюссельдорфа особенно было видно, - следует собой растапливать печь безумного прогресса, которым так мы когда-то кичились, или нет. О чем мы еще говорили? На вопрос, нужны ли наши специалисты Германии, он перефразировал Высоцкого: «Мы в Париже нужны, как в русской бане лыжи...».

Впрочем, лыжи, казалось, вот-вот понадобятся и нам. Погода резко ухудшилась, а я с одеждой явно просчитался. Встречать зиму в одном пиджачке не следует.

Укрылись у моего друга дома. В отличной трехкомнатной квартире было не только тепло и светло, но и... Стол ломился от яств. Да, «социальщиков» государство содержит просто великолепно. Возможно, это такая у них тонкая политика. «Живите, не тужите, но и в наши дела не лезьте».

Впрочем, они и не лезут. А у меня в момент поднятия чарки за здоровье Коля и Шредера (Коль и Шредер - бывший и нынешний канцлеры Германии) мелькнула такая мысль.

Жизнь «в золотой клетке» накладывает свой отпечаток. Здесь за столом говорили только о «корме». Интересно, знают ли они это известное утверждение: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке»?

Впрочем, они об этом не думают. После нашего серого, нищенского существования они наслаждаются своим нынешним благополучием. И правильно делают...

* * *

Собираясь в Израиль, учел просчеты, допущенные в первой поездке (имею в виду одежду). Как-никак зима. Нужно этого не забывать. И снова ошибся. Куртка, шапка, перчатки мне понадобились всего лишь дважды: ког-

да улетал и когда прилетел в наш город. А самое ценное - то, что взял в последний момент: шорты и сандалии. Онигодились больше всего. Две недели в середине зимы ходил, в основном, используя их...

Конечно, купался в море, заслужив тем самым у местных жителей почетное звание «моржа». Их понять можно. Все-таки температура воды 20 градусов, а воздуха - всего двадцать два - двадцать четыре. Кто ж, кроме приезжих, полезет в такую холодную воду?

Мои визиты на «историческую родину» обрели некоторую традиционность. Я совершаю своего рода «круиз» по местам оседлости моих друзей и родственников, которых там теперь больше, чем здесь. Бат-Ям, Ашдод, Ашкелон, Офаким, Беэр-Шева, Иерусалим. И снова Бат-Ям.

Застолья, в отличие от наших, которые без соответствующего возлияния не обходятся (в Израиле не пьют или пьют катастрофически мало), заполняются, естественно, беседами. Муссируют, в основном, так сказать, две-три местные темы. А также проблемы, которые характерны именно для нынешнего времени.

Заполнение озера Кинерет (период дождей уже наступил, а отметка уровня воды озера, которое поит весь Израиль, зашкаливает на нижнем пределе).

Отдавать или не отдавать Голаны? За мир надо чем-то платить, но не такой же ценой. А какой?!

Кто имеет право на эмиграцию? Сейчас в Израиль по закону о возвращении едут те, у кого еврейство - «седьмая вода на киселе». Когда-то они открещивались от своих еврейских корней, сейчас вспомнили о них...

Да, участники этих бесед поднимаются над проблемами собственного быта и мыслят почти государственными масштабами. Почему? Возможно, потому, что они становятся гражданами Израиля чуть ли не в аэропорту Бен-Гурион, а совсем через небольшое время считают

Святую Землю своим родным отечеством. Хотя то, что я сейчас рассказываю, совершенно не однозначно. Есть и другие люди, с другими мыслями, подходом, реакцией...

Улетал из Израиля я самолетом компании «Аэро-свит» (Израильская компания «Эль Аль», которая меня доставила в Тель-Авив, отказалась из-за метеоусловий Украины лететь к нам и передала всех своих пассажиров «Аэросвиту»). «Боинг» был заполнен наполовину. Сзади сидели двое мужиков с внешностью сибирских лесорубов и один другому говорил так, что слышно было во всем салоне:

- Во где у меня этот Израиль. Три года пожил и хватит. Из-за жены туда уехал. Теперь она умерла, и я свободен. Буду жить с сестрой в Харькове...

Его собеседник ему вторил:

- А зима какая у них? Как у нас лето. Я так соскучился за снегом, морозом. Говорят, там, на Украине, есть все это...

Слушая своих случайных попутчиков, я почему-то вспомнил один старый анекдот. Вы его, конечно, знаете. Это, когда Рабинович обратился к раввину с просьбой помочь ему в сложном вопросе: каким годом рождения записать своего сына. Если на год раньше - в армию могут забрать быстрее, на год позже - с институтом возникнут когда-нибудь проблемы. Раввин долго думал, и вдруг его осенило: «А если его записать тем годом, когда он родился?!». Рабинович долго ошарашено смотрел на мудрого еврея: «Ну конечно! Мне и в голову такая мысль не приходила»...

Причем здесь анекдот? - скажете вы. А вот причем. Если этот мой небольшой опус вы используете в своих аналитических раскладках - «ехать - не ехать», - и у вас много сомнений по этому поводу, подсказываю как реббе Рабиновичу: а, может, никуда не ехать? Возможно, луч-

ше остаться там, где вы живете. Во всяком случае, некого будет винить, кроме себя, если ошибетесь. Как получилось у этих двух «лесорубов».

* * *

И сейчас, в заснеженном зимнем городе, когда я вспоминаю недавние поездки в две такие разные страны - холодную Германию и по-летнему теплый Израиль, мне почему-то кажется, что это не климатическое их отличие.

Просто так я себя чувствовал там. Мне было холодно и одиноко в одной стране и тепло, комфортно - в другой.

*Днепропетровск - Берлин - Ганновер - Тель-Авив -
Безр-Шева - Днепропетровск.
Зима 1999-2000 гг.*

«Шабат шалом» № 3, 2000 г.

Где брать евреев?

Анекдот - барометр отношения к народу. Любому. Еврейскому - прежде всего. В анекдотах недалекого прошлого их герои - Хаимы, Абраши, Рабиновичи - выглядели достаточно карикатурно: жалкими, трусливыми, беззащитными. Хотя не всегда. Зачастую - богатыми и далеко не дураками. Конечно, похожими на них быть не хотелось. Да что там похожими! Принадлежность к еврейству в советское время приравнялась к судимости и, естественно, пряталась, маскировалась всеми доступными способами. Речь шла о том, как выжить, остаться на плаву, и осуждать за подобное отношение к своей национальности моих собратьев у меня, во всяком случае, основания нет никакого.

Так было и сто, и пятьдесят лет назад. Так было всегда... И вот подул свежий ветер. Наступили новые времена, и... Конечно, все происходящие изменения тут же нашли свое отражение в анекдотах. Вот один из них.

По морю плывет еврейский пиратский корабль...

(Как вам такое? Пиратский корабль. Еврейский. Это вам не байки про торгашей или зубных техников!).

На капитанском мостике капитан Хаймович. Он кричит:

- Боцман Шапиро!

(Ощущаете силу, уверенность капитана-моряка? Он, наверное, в тельняшке, с кинжалом за поясом и с типич-

ным еврейским носом, нависающим над пиратскими усами. А боцман? Грудь колесом, мощные волосатые руки со вздутыми бицепсами...).

- Какими дровами топите?

- Прямыми, сэр!

- Топите кривыми, поворачивать будем...

Да, крен был ощутим всеми. Развернулся и поплыл в другие воды «корабль анекдотов». В ход пошли «кривые поленья», которые в топку жизни подбрасывали сами евреи.

Ладно. С фольклором все ясно. Это зеркало, в котором отражается то, что перед ним находится. Давайте и мы сделаем шаг из Зазеркалья. Посмотрим, что же происходит впереди.

...Много лет назад шел я с сыном из детского сада домой. И вдруг мой пятилетний бутуз, который всю дорогу почему-то молчал, неожиданно у меня спросил:

- Папа, какой мы национальности?

Я ему, естественно, ответил:

- Мы, сын, евреи.

Мальчишка остановился, словно вкопанный. Посмотрел на меня с недоверием и убедившись, что я не шучу, тяжело вздохнул:

- Ах, папа, какая плохая у нас национальность...

Ладно. Оставим детей в покое. С ними все ясно. Подрастут - сами разберутся, - кем лучше быть или не быть. Взрослым тяжелее. Жизнь завязала судьбу многих в такой узелок, что они без посторонней помощи уже и обойтись не могут.

...Когда-то ее звали Эстер Гольбан. Все ее родные и близкие с такой фамилией были уничтожены фашистами. Ей чудом удалось избежать их участи. Скрывалась

в семье украинцев и тогда еще, в сороковых, понимая, что два раза подряд чудеса не происходят, она стала Аней Лебедько, украинкой (фамилия и имя изменены). Потом была Германия, куда ее подростком угнали немцы. Здесь она окончательно отреклась от своего прошлого. После войны вернулась из неволи в свой город, где никто ее не помнил, не ждал. Вышла замуж, родила сына и дочь. Никто (кроме сына) тайны ее детства не знал. Она была Аней Лебедько и все. Сын поклялся тайны матери не разглашать. Но так получилось, что судьба свела его с еврейской девушкой, которая и стала его женой. Они уехали в Израиль, и уже оттуда он стал агитировать мать (которая к этому времени стала вдовой) приехать к нему.

- Мама, хватит прятаться. Восстанови свое прошлое. Поройся в архивах. Если документов, подтверждающих твое происхождение, не найдешь, обратись к нашей газете «Шабат шалом», раввину...

Вот после такого призыва сына, после безуспешных попыток найти довоенные записи или метрики, она обратилась ко мне, а я, в свою очередь, помог ей встретиться с раввином Шмуэлем Каминецким.

Раввин, внимательно выслушав рассказ пожилой женщины, неожиданно что-то спросил ее на идише. Она, чуть задумавшись, ответила. Тоже на идише. А что кушают на Пасху? Кто зажигает на Шабат свечи? А что такое Ханука? Он сыпал вопрос за вопросом, а она медленно, с трудом, но отвечала на все вопросы правильно.

Потом, когда мы с ребе остались вдвоем, он сказал:

- Не сомневаюсь, что она родилась и ее детство прошло в еврейской семье. Мы ей от нашей еврейской общины дадим такой документ. Экзамен она выдержала успешно...

- Ребе, - воспользовавшись паузой, заметил я, - вы ее подвергли суровому испытанию. Я бы его вряд ли су-

мел выдержать и доказать то, что не требует доказательств.

- Вот именно, что не требует. Поэтому и не выдержали бы, - снова заговорил ребе. - А ей надо помочь вернуться к своему народу. Она заблудшая овечка. Все эти годы находилась как бы в подполье. Настало время, когда оттуда можно выходить. И не бояться этого...

* * *

...А для этого человека я был последней надеждой в его стремлении достичь цели. Цель, как он выражался, - восстановить «историческую справедливость». По чьей-то злой воле он в паспорте имеет запись в пятой графе не ту, что нужно. Там он - русский. А надо - еврей. Почему так получилось? В качестве ответа привожу его рассказ о своей жизни.

- Я не похож на славянина. Посмотрите на мой профиль. А нос? И еще я все время с книгами, много читаю, пишу. Надо мной все на автобазе, где я работаю, смеются. У меня даже кличка есть - «Зяма». «Зяма, что ты там интересного нашел, расскажи нам!» Я им рассказываю о том, что прочитал. Они слушают и говорят: «Зяма, ты у нас такой умный! Может, ты еврей?» Они сомневаются, а я нет. Или вот еще. Я прочитал Тору. Мое окружение христианское, а мне по душе больше иудаизм. Знаете, почему? Христианство держится на совершенно невозможных с точки зрения законов природы фактах, событиях. Разве может женщина родить ни от кого? Что такое «святой дух», и кто его видел? В иудаизме нет таких «проколов». И Б-г здесь абстрактен. «Бог-человек»: за этим понятием слишком много трагедий простых людей.

- Простите, - я перебиваю своего собеседника, -

наверное, вам стоило бы вот так, как вы сейчас со мной, поговорить с нашим раввином.

- Да, я с ним встречался. Он сказал, что предчувствия, что ты еврей, мало. Нужны документы, свидетельские показания. Я стал искать. И нашел. Моя мама, которая недавно ушла из жизни, открыла мне тайну. Короче, моя настоящая мама была еврейкой. Но она была женой «врага народа» (мой год рождения 1938), и меня у нее забрали еще в роддоме. Свидетелей этого нет, моей мамы тоже. Я перерыл архивы всех загсов нашего города, но подтвердить документально то, что говорю, не могу...

Вот такая история. Чем помочь ему и таким, как он, - не знаю. Есть и такое: к этим людям, к их рассказам относиться с недоверием. Что ж это вы, граждане, вдруг захотели стать евреями? Сейчас это хорошо. А где вы были, когда им было плохо?

Такой «камешек» за пазухой появляется всегда, когда слушаешь подобные истории.. И, тем не менее, стремление вернуть себе свою утраченную по тем или иным причинам национальность сейчас появилось у многих. Думаю, все-таки, им нужно верить. Зачем?

Закончу свой рассказ опять же анекдотом. Он переносит нас уже в следующий, XXI век:

Разговор в отделе кадров ракетного концерна (куда еще совсем недавно нашего брата на пушечный выстрел не подпускали):

- **Вы берете на работу евреев?**
- **Конечно, берем...**
- **А где вы их берете?!.**

«Шабат шалом» № 3, 1997 г.

Вместо эпилога

Вот и подошло к концу наше путешествие по страницам газеты «Шабат шалом».

Цель, которую я ставил перед собой, - собрать под одной «крышей» публикации о тех, кто уцелел в годы лихолетья XX столетия и попал в «зону интересов» нашей газеты, - достигнута. Насколько удачно получилось, - не мне судить. Но для истории, памяти о них, так будет лучше.

Я понимаю, - то, что сделано, - капля в океане подобных судеб...

Но и океан начинается с первой капли.

Э. АКСЕЛЬРОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Эдуард Аксельрод

НЕОБЫЧНЫЕ СУДЬБЫ ОБЫЧНЫХ ЛЮДЕЙ

В авторской редакции
Компьютерный набор и верстка Э. Гузенфельд
Корректор Э. Гузенфельд